

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й   ж у р н а л

№ 9

Киров
2017

Главный редактор

В. Т. Юнгблюд, доктор исторических наук, профессор,
президент Вятского государственного университета, ORCID 0000-0002-2706-3904

Заместитель главного редактора

О. А. Останина, доктор философских наук, профессор,
Вятский государственный университет, ORCID - 0000-0001-7421-0615

Заместитель главного редактора

Л. В. Калинина, доктор филологических наук, доцент,
Вятский государственный университет, ORCID 0000-0003-2271-3995

Ответственный секретарь

О. В. Байкова, доктор филологических наук, доцент, Вятский государственный университет, ORCID 0000-0002-4859-8553

Состав редакционной коллегии:

А. А. Печенкин, доктор исторических наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. И. Бакулин, доктор исторических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
Т. А. Закаурцева, доктор исторических наук, профессор, Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);
Д. А. Редин, доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);
Ю. А. Петров, доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН (г. Москва);
Е. И. Пивовар, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, ректор Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва);
А. А. Машковцев, доктор исторических наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0001-8135-4043, ResearcherID Q-3185-2017;
В. А. Поздеев, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0002-2880-8162;
Е. О. Галицких, доктор педагогических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
О. Ю. Поляков, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
О. И. Колесникова, доктор филологических наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID 0000-0002-6159-6261;
Н. Д. Светозарова, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург);
D. Stellmacher, доктор филологии, профессор, Университет имени Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);
E. Protassova, доктор педагогических наук, профессор-адъюнкт, отделение современных языков, Хельсинкский университет (г. Хельсинки, Финляндия), ORCID 0000-0002-8271-4909;
Н. Л. Шубина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);
H. W. Retterath, доктор филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия);
Е. Н. Лагузова, доктор филологических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);
М. И. Ненашев, доктор философских наук, профессор, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. Я. Перминов, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);
А. М. Дорожкин, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);
Е. С. Черепанова, доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);
Е. А. Счастливецова, доктор философских наук, доцент, Вятский государственный университет (г. Киров);
В. А. Кутырев, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);
Л. Т. Ретюньских, доктор философских наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в «Роскомнадзоре»
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Редактор **О. И. Коробкова**
Дизайн обложки: **А. Ю. Чепурных**
Редактор выпускающий **А. Н. Петрова**

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Николаева Е. М., Калимуллина Ю. Ф.</i> От протоимиджа к имиджу государства: механизмы когнитивной диссипации	5
<i>Дедова И. А.</i> Специфические формы времени в многообразии культурных миров	11
<i>Гостева Д. Д.</i> Проблема конструирования образа социального мира в информационную эпоху: коммуникативный аспект.....	17

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Бенда В. Н., Козлов Н. Д.</i> Развитие военно-инженерного искусства в России в XVIII в.	23
<i>Кантимирова Р. И.</i> Деятельность уфимского губернатора И. Ф. Щербатского по совершенствованию работы органов местного управления	30
<i>Никонова С. И.</i> «Виновным себя не признаю...»: жизнь протоиерея В. М. Филиппева (1874–1937)	36
<i>Медведев С. В.</i> Анонимные донесения в Московское охранное отделение в 1909–1911 гг.	41
<i>Павлова О. С.</i> Участие епископа Уфимского и Мензелинского Андрея в подготовке и деятельности Всероссийского съезда духовенства и мирян в 1917 г.	50
<i>Олейникова Е. Г.</i> Социальные проблемы городского населения в годы нэпа и пути их решения в условиях формирования патерналистской модели государственной социальной политики (на примере Царицына-Сталинграда)	54
<i>Цысь В. В.</i> О причинах Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г.	58
<i>Сатарова А. П., Соловьева С. В.</i> Антибольшевистские выступления в верховых районах Дона в 1920–1924 гг. (по материалам Хоперского и Усть-Медведицкого округов)	66

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

<i>Новиков М. В.</i> Гражданские войны в России (1918–1920) и в Испании (1936–1939): жестокость с национальным оттенком.....	70
<i>Аюпова Н. И.</i> Основные направления и проекты сотрудничества Турции с ФРГ в области культуры в период правления Партии справедливости и развития.....	78

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Соболева О. В., Попова О. А.</i> Профессионально обусловленные изменения в речи курсантов военного вуза.....	85
<i>Александрова О. И., Абдалрахман М. Х.</i> Родительный падеж в грамматических системах русского и арабского языков	89
<i>Махиева Л. Х.</i> Семантическая трансформация терминологической лексики (на материале общественно-политической терминосистемы карачаево-балкарского языка).....	93

CONTENTS

Nikolaeva E. M., Kalimullina Y. F. From proto-image to an image of the State: mechanisms of cognitive dissipation.

Dedova I. A. Specific forms of time in diversity of cultural worlds

Gosteva D. D. The problem of the social world image construction in the informational epoch: communicational aspect

Benda V. N., Kozlov N. D. The development of military engineering in Russia in the XVIII century

Kantimirova R. I. Activities of Ufa Governor F. I. Shcherbatsky in improving the work of local authorities

Nikonova S. I. "I pleaded not guilty... ": the life of archpriest V. M. Filipev (1874–1937)

Medvedev S. V. Anonymous reports in the Moscow security Department in 1909–1911.

Pavlova O. S. The participation of the Bishop of Ufa and Menzelinsky Andrew in the preparation and activities of the all-Russian Congress of clergy and laity in 1917

Oleynikova E. G. Social problems of the urban population during the NEP and ways to address them in the context of the formation of a paternalistic model of State social policy (exemplified by Tsaritsyn-Stalingrad)

Tsys' V. V. On reasons for peasant rebellion in Western Siberia in 1921

Satarova A. P., Solovieva S. V. Anti-Bolshevik actions in the upper regions of the Don in 1920–1924. (Based on the materials of Khopersky and Ust-Medveditsky districts)

Novikov M. V. Civil wars in Russia (1918–1920) and Spain (1936–1939): cruelty with national shade

Aiupova N. I. The main directions and projects of cooperation of Turkey with the FRG in the field of culture in the period of the Party of justice and development rule

Soboleva O. V., Popova O. A. Changes in the speech of military university students caused by their professional training

Aleksandrova O. I., Abdulrahman M. H. Genitive case in Russian and Arabic grammar systems

Mahieva L. H. Semantic transformation of terminological lexicon (On the materials of general political term system of Karachay-Balkar language)

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 316.3

От протоимиджа к имиджу государства: механизмы когнитивной диссипации

Николаева Е. М.

доктор философских наук, профессор кафедры общей философии,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский)
федеральный университет. 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18. E-mail: kaisa1011@rambler.ru

Калимуллина Ю. Ф.

аспирант кафедры общей философии, Институт социально-философских наук
и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет. 420008, г. Казань,
ул. Кремлевская, 18. E-mail: kajufa@mail.ru

Аннотация: В современном социально-гуманитарном познании сложилась ситуация, в которой преобладают исследования в основном описательного характера, демонстрирующие лишь составляющие имиджа государства. Однако это не дает четкого представления о самой сути государственного имиджа и механизмах его конструирования.

Авторы предпринимают попытку раскрыть сущность имиджа государства, рассматривая две фазы его формирования (макроуровень и микроуровень). Первая фаза – формирование протоимиджа на макроуровне. Вторая фаза – конструирование имиджа государства в сознании конкретного субъекта. В статье проводится экспликация основ процесса формирования образов государства, представляющая собой синтез организации и самоорганизации. Авторами также рассматривается циклический переход от протоимиджа, формируемого властными структурами, к имиджевым паттернам, конструируемым под воздействием механизмов когнитивной диссипации в сознании отдельных субъектов, и обратно.

Ключевые слова: имидж государства, протоимидж, когнитивная диссипация, эмерджентность, имиджевый паттерн (контрпаттерн), социальная синергетика.

From proto-image to an image of the State: mechanisms of cognitive dissipation

Nikolaeva E. M.

doctor of philosophical sciences, professor of the Department of general philosophy,
Institute of Socio-Philosophical sciences and Mass Communications, Kazan (Volga region) Federal University.
18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan. E-mail: kaisa1011@rambler.ru

Kalimullina Y. F.

postgraduate student of the Department of general philosophy, Institute of Socio-Philosophical sciences
and Mass Communications, Kazan (Volga region) Federal University. 18 Kremlevskaya str., 420008, Kazan.
E-mail: kajufa@mail.ru

Abstract: In today's scientific studies of social and humanitarian spheres, there is a situation when the scientific works are narrative and show only the elements of image prevail. However, it does not give a clear idea of the state image essence and mechanisms of its designing. The authors make an attempt to disclose essence of state image, considering two phases of its formation (macrolevel and microlevel). The first phase – a phase of the proto-image developing at the macrolevel. The second phase – a phase of an image of the state arising at the microlevel that is in the consciousness of the certain subject. The explication of bases of image formation process which represents a synthesis of the organization and self-organization is carried out. The authors consider the cyclic transition from the proto-image which is purposefully formed by power structures to the image patterns resulting from cognitive dissipation in the consciousness of certain subjects, and back. That considering of the state image essence allows us to change description character to view of an image as a huge mechanism.

Keywords: image of the state, proto-image, cognitive dissipation, emergence, image pattern (counter-pattern), social synergetics.

В современных исследованиях по имиджологии довольно часто можно встретить идею о том, что структура имиджа многокомпонентна. В целом, это всё, что нам сообщают эти исследования об особенностях структурирования имиджа. Однако это не дает нам четкого представления о природе этого феномена. Не представляется возможным судить ни о значении каждого структурного компонента, ни о том, как эти компоненты взаимодействуют в системе. Налицо ситуация, в которой описание структуры имиджа заключается лишь в перечислении его различных компонентов. Доминирующий в современной имиджологии подход не дает целостного представления о природе и сущности имиджа, демонстрируя лишь его составляющие.

В современных условиях, когда для подавляющего количества людей виртуальный мир заменил реальный, важным для каждой страны стало не только то, какой она является на самом деле, а то, как она будет репрезентирована в СМИ и какое в результате впечатление о ней останется в сознании людей. Внутри страны имидж государства, как отмечает российский политолог К. С. Гаджиев, «служит средством политической мобилизации, идейного, психологического единения и сплочения нации, укрепления или смены базовых социальных ценностей и т. д.» [1]. Действительно, возникшие проблемы в сфере политики, экономики, спорта и культуры решать проще, если большинство верит в идеалы и ценности, сконцентрированные в имиджевой стратегии, реализуемой государством.

Например, среди ценностей американской культуры, фундамирующих ее имидж, можно выделить уверенность в себе, самообладание, стремление к успеху, динамичный образ жизни. В таких выражениях, как “American dream” и “self-made person”, заключены многие жизненные идеалы американцев. Соответствующий имидж имеет и современная Америка – с одной стороны, это сильная, порой достаточно агрессивная страна, мировая держава, с другой – это оплот демократии, символ свободы, страна равных возможностей.

Российский политолог Василенко И. А. отмечает: «...имиджевая политика государства последовательно должна быть направлена на укрепление политической независимости, отстаивать цивилизационное своеобразие, исключать слепое политическое копирование чужих политических образцов, пусть даже вполне прогрессивных (у каждой цивилизации свой путь)» [2]. Будучи ключевым компонентом национальной идентичности, имидж является результатом синтезирования различных образов государства, существующих в обществе. Иными словами, внутренний имидж государства – это представления граждан о своей стране и о самих себе, сюда относятся личностная идентичность и идентификация собственной нации, статус своего государства на международной арене, а также продуцируемые правящей элитой и транслируемые широкой общественности ценности. Таким образом, при конструировании собственного имиджа государства необходимо придерживаться «единого стратегического дизайна» [3], то есть каждый компонент создаваемого имиджа должен соотноситься с его ядром – национальной идентичностью. Национальная идентичность, сформировавшаяся на основе географических, исторических, национальных и других особенностей, зачастую должна выступать в роли матрицы, на основе которой формируется и транслируется на внутреннюю и внешнюю аудиторию [4] имидж государства. Подобная трансляция осуществляется через такие основные каналы, как визуальный, событийный и коммуникативный.

Принимая во внимание тот факт, что «мировое информационно-идеологическое пространство превратилось как бы в арену борьбы за влияние, власть, престиж, глобальной войны идей, различных моделей общественного устройства и образов жизни» [5], следует отметить, что наряду с имиджем следует говорить и о таком понятии, как контримидж. В отличие от имиджа, формируемого целенаправленно самим государством, контримидж – результат работы противников и конкурентов той или иной страны на международной арене, а также оппозиционно настроенной части ее граждан. Несмотря на то что контримидж имеет негативную направленность, всё же его роль в качестве антипода крайне важна в построении имиджа государства. Как уже отмечалось выше, имидж есть во многом результат самоидентификации, в свою очередь, идентифицировать себя – значит выделиться и противопоставить себя другим. Разумеется, противопоставление в данном случае будет совершаться по принципу «хороший – плохой», «свой – чужой». В итоге «“другой” играет роль своего рода референтного фона для самоутверждения» [6].

В современной науке существуют различные подходы к характеристике природы имиджа государства. Например, Ф. Котлер определяет имидж места (в том числе государства) как «сумму убеждений, представлений и впечатлений людей в отношении этого места»; как «упрощенное обобщение большого числа ассоциаций и кусков информации, связанных с данным местом» [7]. Ю. В. Быба, уточняя сущность имиджа государства, определяет его как «комплексное стереотипизированное представление о нем, основанное, с одной стороны, на объективных характеристиках государства с учетом исторических особенностей его развития, с другой стороны, сформированное с помощью мифологизации и информационно-коммуникативных технологий, опосредованное коллективным опытом народа» [8].

Д. П. Гавра рассматривает имидж государства в рамках четырех подходов к государственному имиджированию. Каждый из подходов имеет ярко выраженную специфику и предлагает свой ряд моделей образа и восприятия государства, представляя, таким образом, разносторонний и междисциплинарный спектр рассмотрения данного вопроса.

1. *Геополитический подход* оперирует преимущественно понятием «образ» и рассматривает роль геополитических регионов в мировых отношениях. Основным представителем геополитического подхода в отечественной науке является Д. Н. Замятин [9]. Данный подход основан на рассмотрении географического пространства с точки зрения неких геополитических образов, существующих в сознании общественности. Модель географического образа, согласно автору, представляет собой некую «матрешку»: стержневой образ, основанный на глубоких культурно-исторических предпосылках, спрятан внутри нескольких «упаковок», т. е. «поддерживающих образов».

2. *Маркетинговый подход* – формирование государственного имиджа в рамках данного подхода рассматривается в основном как одно из стратегических направлений маркетинга территорий. Главная цель – достижение богатства и процветания региона в целом. Тем не менее нельзя игнорировать его политический потенциал, так как затрагиваемые им социально-экономические аспекты напрямую связаны с обеспечением политической мощи государства, увеличением его веса на мировой политической арене и повышением эффективности влияния на принятие политических решений. Кроме того, маркетинговый подход обращает внимание на необходимость постоянно вести деятельность по управлению имиджем государства, в частности политическим, для достижения должного результата. Наконец, немаловажно подчеркнуть, что именно маркетинговый подход обращает внимание на необходимость сегментирования целевых аудиторий и предоставляет обширную теоретико-методологическую базу по данной проблеме.

3. *Брендинговый подход*, основной категорией которого является бренд государства. Данный подход акцентирует внимание не на оценочных характеристиках имиджа государства, а на поиске тех атрибутов, ценностей и символов, которые лягут в основу его узнаваемости и станут достоянием сознания мировой общественности. В рамках данного направления создан ряд моделей государственного брендинга и бренда, описаны основные факторы его формирования. Другой видный западный теоретик в области государственного брендинга У. Оллинс подчеркивает, что в основе национального бренда должна стоять некая ключевая идея, которая будет дифференцировать страну и проецировать национальные характеристики эффективным и привлекательным способом [10].

4. Одной из центральных моделей имиджевого подхода является модель Э. Галумова. Данная модель предполагает выделение в процессе государственного имиджирования двух крупных блоков – внутреннего и внешнего имиджа. Согласно Э. Галумову, комплексный анализ государственного имиджа невозможен без учета этих двух составляющих во взаимном единстве [11]. Что касается внешнего имиджа, согласно Э. Галумову, в процессе знакомства со страной, субъект задается последовательностью вопросов, по мере получения ответа на которые строится его восприятие, причем автор указывает на значимость не только содержания вопросов, но и их очередности: 1) Где находится страна? 2) Что в ней интересного (в области культурно-исторических и природных достопримечательностей)? 3) Каков народ страны (ментальность, духовные особенности)? 4) Что в стране производят (умеют делать)? 5) Каковы устремления народа? На основе данной очередности вопросов автор выстраивает логику формирования имиджа государства у внешних аудиторий.

На наш взгляд, более продуктивным с методологической точки зрения в исследовании структуры имиджа является использование понятия «контрпаттерн». Определяя имиджевый паттерн как идеальный тип, содержание которого направлено на формирование желаемого имиджа государства, мы также рассматриваем контрпаттерн как идеальный тип, но находящийся в оппозиции к существующему паттерну и оказывающий негативное влияние на формируемый имидж государства. Таким образом, конструируемый имидж, или *протоимидж*, складывается как совокупность паттернов и контрпаттернов, образующих ресурсную основу для формирования имиджа государства в сознании конкретного субъекта.

В интерпретации природы имиджа государства мы исходим из методологических позиций социальной синергетики, опираясь на три ключевых понятия – «диссипативные процессы», «эмерджентность», «открытость системы».

Термином «диссипативные» обозначаются открытые нелинейные системы, где преобладают процессы размыывания, рассеивания неоднородностей. Происходит перевод (спуск) избытков поступлений вещества и энергии на нижележащие уровни (в более простые формы) или вывод их за пределы системы. Диссипация означает, таким образом, переструктурирование чужого в своё и рассеивание лишнего. «Диссипативные процессы, – пишет И. Р. Пригожин, – ведут не к равновесию, но к формированию диссипативных структур, тождественных процессам, которые

из-за взаимной компенсации приводят к равновесию» [12]. Одним из важных свойств таких структур является их повышенная чувствительность к внешним воздействиям. Изменения во внешней среде оказываются фактором генерации и фактором отбора различных структурных конфигураций. Именно когерентное поведение элементов диссипативных структур является тем феноменом, который характеризует процессы самоорганизации [13].

Крупные социальные объекты (например, города, государства) также можно отнести к диссипативным структурам, в том числе и имидж государства.

Понятие «открытость системы» используется при характеристике протоимиджа. С одной стороны, протоимидж является образованием, сложившимся в результате организации властных структур, с другой – он имеет возможность непрерывного обмена информацией с внешней средой, которая, в свою очередь, оказывает на него возмущающие воздействия, выводя его из равновесия.

Эффект эмерджентности мы прослеживаем в процессе наложения паттернов и контрпаттернов, в результате которого в сознании субъекта формируется вновь созданная система – имидж государства.

Процесс формирования имиджа необходимо рассматривать на макро- и микроуровнях.

На макроуровне он существует в виде незаконченного системного образования, которое можно определить как *протоимидж*. Структурной единицей протоимиджа является имиджевый паттерн – это идеальный тип, содержание которого направлено на формирование желаемого имиджа государства. В паттерне внутренние и внешние актанты реализуют интенции на обладание «символической властью» (П. Бурдьё). Символическая власть определяется им как «власть конструировать реальность, устанавливая гносеологический порядок: непосредственное мироощущение» [14]. Протоимидж формируется, в первую очередь, целенаправленными усилиями самого государства. В то же время внешняя среда в лице различных политических лидеров, СМИ, организаций, госструктур оказывая возмущающие воздействия, выводит протоимидж из равновесия, поставляя флуктуации, которые резонируют либо входят в диссонанс с существующими паттернами. Формирование паттерна (контрпаттерна) осуществляется в результате наложения интенций властных структур государства и разнообразных внешних факторов. Если между ними возникает эффект резонанса, то у паттерна появляется больше шансов дойти до микроуровня, стать составляющей имиджа государства, существующего в сознании отдельного субъекта. Паттерн с меньшей информационной подпиткой имеет меньший потенциал для «прорастания» на микроуровне, он может продолжать оставаться частью протоимиджа в свернутом (дремлющем) состоянии или же прекратить свое существование.

На микроуровне мы обращаемся к единичному субъекту, в сознании которого и создается определенный образ государства в результате когнитивных диссипативных процессов. Формирование данного образа, как уже отмечалось, осуществляется по нескольким каналам: визуальному, событийному и коммуникативному. Имидж государства в сознании конкретного субъекта – это результат сложного эмерджентного наложения паттернов и контрпаттернов, которые транслируются по названным каналам, а ресурсной основой здесь выступает протоимидж.

Для более полного понимания процессов, происходящих на микроуровне, обратимся к примерам из практики. Политика мультикультурализма проводилась в Европе на протяжении последних десятилетий. Мультикультурализм стал рассматриваться ведущими европейскими политиками в качестве инструмента, который будет способствовать взаимообогащению культур и построению гармоничного общества. Великобритания воплотила в жизнь модель «жесткого» мультикультурализма: в стране была разработана и активно внедрялась широкая система мер по поддержке национальных меньшинств с целью сохранения ими самобытности, культуры, традиций и обычаев, а также принят целый ряд законов, направленных на недопущение любых форм дискриминации по национальному и расовому признакам. Толерантность стала догмой, которую британцам необходимо было неукоснительно соблюдать. Но именно политика «жесткого» мультикультурализма привела Великобританию к огромным проблемам сосуществования мигрантов и коренного населения. Впоследствии Дэвид Кэмерон на Мюнхенской конференции по безопасности признал провал такой политики и предложил отказаться от толерантности. Канцлер Германии Ангела Меркель и президент Франции Николя Саркози также заявляли о провале попытки построить мультикультурное общество. Основной проблемой в европейских странах стало то, что нередко мигранты отстаивают свои права при помощи силы, демонстрируя нежелание встраиваться в существующий европейский порядок.

На этом примере видно, что правящие круги Великобритании пытались на этапе формирования протоимиджа своего государства заложить паттерн «мультикультурализм и толерантность». Но вместо этого в сознании многих британцев сформировался имиджевый контрпаттерн «Европа не для мигрантов», который подпитывался, в первую очередь, через событийный канал. Логика этих собы-

тий заключалась в том, что большинство мигрантов продемонстрировало принципиальную неспособность успешно интегрироваться в европейскую социально-культурную среду. Мы можем видеть, как на микроуровне (в сознании конкретного гражданина Великобритании) когнитивная диссипация привела к элиминации паттерна, транслируемого государством.

Обратимся к России. Последние несколько лет наша страна активно развивается в спортивной сфере, государством формируется паттерн «Россия – спортивная держава». Данному паттерну соответствуют масштабные события, как, например, мировые спортивные мероприятия – XXVII Всемирная летняя Универсиада в Казани и Олимпийские игры в Сочи, где Россия показала себя не только как мощная спортивная держава, но и как отличный организатор, что, разумеется, не могло не повлиять на ее восприятие как внутри страны, так и вовне. Но, как уже было отмечено, протоимидж складывается как совокупность паттернов и контрпаттернов. В данной ситуации контрпаттерном выступил допинговый скандал, начавшийся с журналистского расследования в конце 2014 г. и достигший апогея в 2016-м. В итоге стало известно, что в России в 2011–2015 гг. действовала масштабная программа манипуляции допинг-пробами, в которой были задействованы государственные чиновники. Из-за итогов расследования большая часть отечественных спортсменов пропустила летнюю Олимпиаду в Рио-де-Жанейро. Кроме того, что в адрес российских спортсменов и чиновников были выдвинуты обвинения со стороны Всемирного антидопингового агентства (WADA), под угрозой оказались триумфальные результаты российских спортсменов на олимпиаде в Сочи. После того как наша сборная в крайне усеченном составе все же выступила в Рио, Международный паралимпийский комитет заявил об отстранении сборной России от участия в Паралимпиаде в Рио. По признанию иностранных спортивных чиновников, для «налаживания диалога о допинге» требовалась отставка главы Минспорта Виталия Мутко, но вместо этого президент России Владимир Путин повысил его до должности вице-премьера. Далее последовала публикация второй части доклада Р. Макларена о нарушении правил WADA в России, следствием которой стала вторая волна дисквалификаций, а также сообщения об отказе международных федераций по различным видам спорта проводить уже утвержденные соревнования в России. Очевидно, что волна дисквалификаций будет преследовать Россию весь 2017 г. [15]

Любопытно, что все случившееся, по мнению главы МПК Ф. Крейвена, назвавшего в 2014-м г. сочинскую паралимпиаду «лучшей в истории», произошло из-за «жажды российского государства до медалей и его пренебрежения к морали», что вызывает у Крейвена «чувство глубокого отвращения» [16].

Описанные события происходят на макроуровне, где формируется протоимидж как ресурсная база паттернов (контр-паттернов) имиджа государства. На микроуровне в сознании каждого конкретного субъекта происходит столкновение/наложение паттерна и контрпаттерна (условно назовем их: паттерн «Россия – спортивная держава», контрпаттерн «Допинг – государственная программа в России»). Посредством процесса когнитивной диссипации часть поступающей информации участвует в формировании имиджевого паттерна, часть отсекается и рассеивается, а некоторая часть вовсе может остаться на время в режиме ожидания. В итоге сформировавшиеся на микроуровне паттерны будут отличаться вариативностью. Например, это может быть убежденный патриот своей страны, и никакие скандалы не могут повлиять на его мнение об отечественном спорте. Или иностранец, негативно воспринимающий Россию, а допинг-скандал лишь укрепил его позицию. Это может быть человек, совершенно далекий от спорта, который в принципе отнесется нейтрально ко всему происходящему. Стоит также отметить, что протоимидж обеспечивает поступление ресурсной информации с макроуровня на микроуровень непрерывно в форме циклического процесса, имеющего характер незавершенности. Имидж государства в сознании субъекта может иметь устойчивый и определенный характер, а может изменяться в зависимости от поступающей информации.

Заключение

Таким образом, процесс формирования имиджа государства включает в себя две фазы. Первая фаза – протоимидж, порядкообразование которого происходит на макроуровне и преимущественно имеет характер целенаправленной организации. Вторая фаза – имидж государства, который является в основном результатом самоорганизации, протекающей на микроуровне, то есть в сознании отдельного субъекта.

Стоит подчеркнуть, что протоимидж – это результат усилий как собственных властных структур государства, так и его конкурентов (внешней и внутренней оппозиции). Структурной единицей протоимиджа является *имиджевый паттерн* – идеальный тип, содержание которого направлено на формирование желаемого имиджа государства.

На микроуровне мы обращаемся к единичному субъекту, в сознании которого создается определенный образ государства в результате функционирования механизмов когнитивной диссипации, где преобладают процессы размывания, рассеивания неоднородностей, а также перераспределения поступающей информации из внешней среды.

На микроуровне мы наблюдаем эмерджентное наложение паттернов и контрпаттернов в сознании субъекта, что приводит к формированию вновь созданной системы – имидж государства.

Примечания и список литературы

1. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.
2. Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / под ред. И. А. Василенко. М. : Международ. отношения, 2013. С. 29.
3. Рожков И. Я., Кисмерешкин В. Г. Бренды и имиджи. М. : «РИП-холдинг», 2006. С. 194.
4. Торопова Е. А. Место и роль национальной идентичности в имидже страны (на примере Японии 1946–2009 гг.). URL: www.mediascope.ru
5. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.
6. Гаджиев К. С. Там же.
7. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. СПб. : Стокгольм. шк. экономики, 2005. 390 с.
8. Быба Ю. В. Имидж современного Российского государства: состояние и перспективы формирования : дис. ... канд. полит. наук. М., 2008.
9. Замятин Д. Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
10. Оллинс У. О брендинге территорий // Identity. 2006. № 6.
11. Галумов Э. А. Международный имидж России: стратегия формирования. М. : Известия, 2003. 446 с.
12. Пригожин И. Р. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 11.
13. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ТК Велби : Изд-во Проспект, 2003. 608 с.
14. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Ин-т эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с. (Сер. «Gallicinium»).
15. На трибунах становится тише: допинг-скандалы как главный удар по величию спорта при Путине. URL: www.zagolovki.ru
16. Как сборную России из-за «чувства глубокого отвращения» отстранили от участия в Паралимпиаде в Рио. URL: www.zagolovki.ru

Notes and References

1. Gadzhiev K. S. *Natsional'naya identichnost': kontseptual'nyj aspekt* [National identity: the conceptual aspect] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 2011, No. 10, pp. 3–16.
2. *Imidzhevaya strategiya Rossii v kontekste mirovogo opyta* – Image strategy of Russia in the context of world experience / ed. by I. A. Vasilenko. M. Intern. Relationship. 2013. P. 29.
3. *Rozhkov I. YA., Kismereshkin V. G. Brendy i imidzhi* [Brands and images]. M. "RIP-holding". 2006. P. 194.
4. *Toropova E. A. Mesto i rol' natsional'noj identichnosti v imidzhe strany (na primere Yaponii 1946–2009 gg.)* [Place and role of national identity in the image of the country (for example Japan 1946–2009)]. Available at: www.mediascope.ru
5. *Gadzhiev K. S. Natsional'naya identichnost': kontseptual'nyj aspekt* [National identity: the conceptual aspect] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 2011, No. 10, pp. 3–16.
6. *Gadzhiev K. S. Ibid.*
7. *Kotler F., Asplund K., Rejn I., KHajder D. Marketing mest* [Marketing of places]. SPb. Stockholm School of Economics. 2005. 390 p.
8. *Byba YU. V. Imidzh sovremennogo Rossijskogo gosudarstva: sostoyanie i perspektivy formirovaniya: dis ... kand. polit. nauk* [Image of the modern Russian state: the state and prospects of formation: dis. cand. polit. sciences. M. 2008.
9. *Zamyatin D. N. Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space: Modeling of geographical images]. M. Znak. 2006. 488 p.
10. *Ollins U. O brendinge territorij* [About branding of territories] // *Identity* – Identity. 2006, No. 6.
11. *Galumov EH. A. Mezhdunarodnyj imidzh Rossii: strategiya formirovaniya* [International image of Russia: development strategy]. M. Izvestia. 2003. 446 p.
12. *Prigozhin I. R. Pereotkrytie vremeni* [Rediscovery of time] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1989, No. 3, p. 11.
13. *Alekseev P. V., Panin A. V. Filosofiya: uchebnik* [Filosofiya: textbook. 3rd ed., rev.] M. TK Velbi: Publishing house Prospect. 2003. 608 p.
14. *Bourdieu P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space] / transl. from Fr.; resp. ed. of translation N. A. Shmatko. M. In-t of experimental sociology; SPb. Aletheia. 2007. 288 p. (Ser. "Gallicinium").
15. *Na tribunakh stanovitsya tishе: doping#skandaly kak glavnyj udar po velichiyu sporta pri Putine* – It is getting quieter on the stands: doping scandals as a major hit to the greatness of sport under Putin. Available at: www.zagolovki.ru
16. *Kak sbornuyu Rossii iz-za «chuvstva glubokogo otravshcheniya» otstranili ot uchastiya v Paralimpiade v Rio* – As the Russian national team was removed from participation in the Paralympics in Rio because of "feelings of deep disgust". Available at: www.zagolovki.ru

УДК 115

Специфические формы времени в многообразии культурных миров

Дедова И. А.

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Марийский государственный университет. 424000, г. Йошкар-Ола, просп. Ленина, 1. E-mail: iraira0906@mail.ru

Аннотация: Время на протяжении всего существования философии представляло собой загадку в силу своей «неуловимости»: оно не существует вне фиксирующего сознания и в то же время является самостоятельной данностью. В истории философии сложилось несколько традиций понимания феномена времени – онтологическая, гносеологическая, психологическая, трансцендентальная, экзистенциальная. В статье предлагается осмысление феномена времени с позиции культурного творчества. Бытие культуры рассматривается как относительно самостоятельное, обладающее собственными временными свойствами. Поскольку культура не существует вне сознания, то и различные ее формы – магия, миф, религия, философия, наука, искусство – представляют собой различные виды сознания. В зависимости от интенциональности и качества этих видов сознания различаются и формы времени, диалектически связанные друг с другом.

Ключевые слова: время, вечность, сознание, культура, магия, миф, религия, философия, наука, искусство.

Specific forms of time in diversity of cultural worlds

Dedova I. A.

candidate of philosophical sciences, associate professor of philosophy and sociology, Mari State University. 1 Lenin Ave., 424000, Yoshkar-Ola. E-mail: iraira0906@mail.ru

Abstract: Time throughout the existence of philosophy was a mystery because of its "elusiveness": it does not exist outside of the fixing of consciousness and at the same time is a separate reality. In the history of philosophy there are several traditions of understanding the time phenomenon – the ontological, epistemological, psychological, transcendental, existential. The paper proposes an understanding of the phenomenon of time from a position of cultural creativity. The Genesis of culture is seen as relatively independent, having its own temporal properties. Since culture does not exist outside of consciousness, and various forms of magic, myth, religion, philosophy, science, art, and represent different types of consciousness. Depending on the intentionality and quality of these types of consciousness and different forms of time, dialectically related to each other.

Keywords: time, eternity, consciousness, culture, magic, myth, religion, philosophy, science, art.

Время является фундаментальной философской категорией, с которой связаны бытие мира и человека, причинность и цель, случайность и закономерность, цикличность и направленность движения. Время представляет собой последовательность смены событий, состояний предметов и процессов в мире. Но загадка феномена времени заключается в том, что оно «возникает» лишь в момент его восприятия. Познающий субъект всегда находится в настоящем, однако наличие самосознания, рефлексии позволяет ему устанавливать соотношение между различными временными моментами, находящимися в прошлом или будущем. Благодаря сознанию выделяются такие характеристики времени, как а) длительность и последовательность состояний и явлений; б) количество вариантов изменений; в) скорость течения; а также г) отношения модальности: действительности, необходимости, возможности, вероятности.

Для Платона время представлялось как свойство материального мира отражать абсолютные и неизменные идеи: время есть «некое движущееся подобие вечности... образ, движущийся от числа к числу» [1]. Время у Платона является абсолютным, беспредметным, не зависящим от каких-либо свойств материальных объектов. Подобное понимание времени было характерно и для Ньютона: время есть длительность, связанная с равномерным движением. Аристотель связал время с процессом качественного изменения объектов, сформулировав топологический аспект изучения времени [2]. Такое понимание исходит из того, что время есть не столько последовательность одинаковых моментов, сколько определенные интервалы различной скорости и течения, зависящие от состояния конкретного объекта. Таким образом, в классической философии сложилось представление о двух формах времени: 1) времени-длительности (абсолютном, идеальном) и 2) времени-процессе (локальном, реальном).

Р. Декарт и Дж. Локк предложили психологическое рассмотрение длительности, сделав главным предметом анализа познающего субъекта. С этой точки зрения время представляет собой не объективную данность, а способ нашего мышления и чувственного созерцания. Декарт различил понятие времени и длительности: время есть модус мышления, позволяющий измерять длительность, которая, в свою очередь, есть модус бытия [3]. С точки зрения сенсуализма, источником понятия времени является чувственный опыт, а именно, опыт «внутренний». Благодаря рефлексии мы наблюдаем последовательность состояний, идей и образов, сменяющих друг друга в нашей душе [4].

«Психологическая» концепция времени во многом напоминает «символическую», сформулированную христианскими философами. Августин признавал *относительную реальность* времени: «Рассуждая о будущем и прошлом, мы видим их в настоящем. Однако мы видим не сами события и предметы, которых еще или уже нет, а их образы или рациональные основания, всегда присутствующие в душе» [5]. Как и Платон, Августин использует понятие вечности как идеи абсолютной длительности, которая и служит онтологической предпосылкой времени. Время реально постольку, поскольку реально вечность.

Таким образом, прошлое, настоящее и будущее можно трактовать двумя разными способами: 1) в рамках *натуралистического* подхода и классической научной картины мира – как объективные структурные элементы времени и 2) в рамках *деятельностного* подхода – как категории, рожденные в рефлексии и осмыслении опыта мышления. В последнем случае временные характеристики приобретают субъективные свойства, оказываясь проекцией способа человеческого мышления на внешний мир.

Оба подхода не предлагают достаточных оснований для выявления взаимосвязи между объективным состоянием мира и субъективным способом его рассмотрения. В первом случае не учитывается различие между временем и движением, ведь если время понимать как длительность, то это не будет тем же самым, что и движение. И то и другое – это процессы, связанные с изменением состояний объектов; но время включает в себя накопление элементов в связи с переходом от прошлого к будущему, а движение есть любое изменение как таковое. Мир сам по себе существует только в одном состоянии – настоящем. Для бытия не существует прошлого и будущего, есть только смена конкретных его форм (это объяснил еще Парменид). Во втором случае время перестает быть объективной реальностью и становится субъективным условием чувственного опыта и мышления.

Особое место среди временных концепций занимает трансцендентальное учение Канта, который осуществил попытку обосновать сверхчувственную реальность времени: «Идея времени не возникает из чувств, а предполагается ими». «Дело в том, – пишет Кант, – что я не понимаю, что обозначает слово *после*, если ему уже не предшествует понятие времени, ведь происходящее одно *после* другого есть то, что существует в *разное* время, так же как существовать *совместно* – значит существовать в *одно и то же время*» [6]. Время связано и в то же время не связано с опытом: нельзя сказать, что оно возникает из опыта, Время не возникает только из опыта, – это «чистое созерцание», данное нам раньше всякого ощущения. При этом идея времени не является врожденной в человеческой душе, – она возникает в процессе чувственного опыта. Время, по Канту, следует считать как «способ представлять меня самого как объект» [7]. Другими словами, время возникает тогда, когда мы сопоставляем данные опыта со своими внутренними ощущениями: время и объективно, и субъективно одновременно. Мы сами себе даны во времени, так как способны представлять себя в качестве объекта. Трансцендентальным Кант называет такое познание, которое занимается не столько предметами, сколько *видами нашего познания* предметов. Это познание не отражает, а *конструирует* предмет. Пространство – форма внешнего восприятия, а время – форма внутреннего чувства, которому, в итоге, подчинены все наши знания. Благодаря времени эти знания обретают *форму*: то есть хаотичные ощущения организуются, приобретают порядок, связь и отношения, – в противном случае мы не могли бы установить причинно-следственные связи, лежащие в основании понятия закона.

Западная философия XX в. вновь обратилась к идеям Канта о времени как «трансцендентальной схеме». С точки зрения феноменологии, время является *инструментом самопознания* разума – это есть единство будущего (как творческой силы сознания), настоящего (как обращенности к предмету познания) и прошлого (как предзаданности материала). С точки зрения Гуссерля, память, восприятие и фантазия есть не что иное, как формы «внутреннего времени» – «ретенция», «теперь» и «протенция» [8]. Сознание есть не что иное, как совокупность интенций – «направленностей», – так как оно всегда направлено на какой-то объект (этот объект может находиться как вовне, так и внутри сознания). Память воспроизводит «фон» непрерывно, в потоке, и этот поток обеспечивает взаимодействие прошлого, настоящего и будущего. Сущность фан-

тазии заключается в сотворении нового, и в то же время фантазия, воображение всегда присутствуют и в восприятии как в способности создавать образы, – а значит, мы изначально воспринимаем объективную реальность исходя из субъективных свойств нашего сознания. Выясняется, что время есть не просто линия, а *сеть интенциональностей*. То есть существуют пересекающиеся плоскости – горизонтальные и вертикальные. Горизонтальную линию представляет ряд «настоящих моментов», а вертикальные линии – «перспективы» или «наброски» следующих моментов, которые проглядываются из настоящего. Поскольку ретенция удерживает и предмет, и тот поток, в котором этот предмет присутствует, она формирует рефлексию как некое единство восприятия предметов в одновременном и последовательном существовании. Благодаря ретенции сознание может воспринимать самого себя, а значит, становится объектом.

По Хайдеггеру, время связано с решением вопроса о смысле бытия, это есть способ существования Dasein («вопрошающего к бытию»). Человек может найти истину исключительно в самом себе, поскольку его сущность обнаруживается только в процессе самонаблюдения. Временность является средством описания структуры бытия («раскрытие бытия в горизонте времени»). Хайдеггер переходит от объективного времени к *экзистенциальной* временности, а она всегда человеко-размерна: мы раскрываемся во времени, и в нас через временность раскрывается бытие и его смысл. Но при этом экзистенциальное время не сводится к объективному времени-длительности или к субъективному времени-ощущению: ведь человек всегда есть существо, становящееся в мире, а значит, время есть сущностное единство бытия и человека, внешнего и внутреннего. Понимание смысла бытия тождественно темпоральным составляющим наших эмоциональных состояний – таким как страх, забота, надежда. Все эти эмоции связаны с конечностью существования. А значит, существует не столько само время, сколько *переживание* времени, и в нем сопрягаются и способы познания, и эмоциональность, и оценки. Как считал Платон, вечная жизнь не сделала бы человека счастливым. А значит, именно время дано нам для поиска смысла собственной жизни. Временность есть изначальная «вне себя» в себе самом и для себя самого [9].

Таким образом, философская категория времени может пониматься 1) как мера движения (Платон, Аристотель), 2) как процесс смыслообразования (Кант, Гуссерль), 3) как способ человеческого существования (Хайдеггер).

На наш взгляд, время представляет собой сложный сплав онтологических, смыслообразующих и психологических характеристик взаимоотношения человека с миром. И понятие сущности этого взаимоотношения невозможно вне культуры, которая сама по себе есть результат познания и самопознания.

То, что каждая сложная материальная система обладает собственным временем, сегодня является общепризнанным. Различаются такие типы времени, как физическое, космическое, геологическое, биологическое, социально-историческое, психологическое, антропологическое. Но также можно выделить и время *культурно-информационное*, относительно не зависящее от материальных систем. Культура не только отражает, но и творит новую действительность. Основными формами культуры являются магия, миф, религия, философия, наука и искусство. Каждая из этих форм обладает собственным временем, главным содержанием которого являются ценностно-смысловые значения. Последовательно развившись из некоего праисточника, различные формы культурного времени существуют параллельно друг другом, вступая в сложные диалектические взаимоотношения.

Магическое время, будучи древнейшей формой культурного времени, характеризуется сложной динамикой взаимоотношений человека с природой. Магическое сознание различает два типа людей: это «субъекты» – маги, достигшие высокой степени осознания, и «объекты» – обычные люди, погруженные в повседневную действительность. Первые способны «выпадать» из иллюзорной социально-исторической реальности в истинно-природную, свободную от эмпирических зависимостей. Под природой в данном случае понимается не только мир внешних, физических явлений, но и глубинный пласт реальности, непосредственно связанный со сферой бессознательного, где, подобно символике сна, все явления составляют единое целое, благодаря чему возможно магическое воздействие на одно через другое. Социально-историческое время ничего принципиально не меняет, представляя собой «бег по кругу», и погруженность в него делает человека «объектом», зависимым от причинно-следственных связей. Абсолютный самоконтроль сознания в качестве идеала представляет собой выход в вечность, в ту сферу реальности, где нет ничего невозможного и события подчиняются личной воле мага. Магическое время может ускоряться, замедляться, останавливаться, возвращаться в зависимости от волевого усилия сознающего. В отличие от других форм времени, магическое связано с идеей *абсолютной реальности субъективного духа*. Оно содержит зачатки других форм времени – мифического и религи-

озного: первое представляет собой образ вечного «здесь и теперь», второе – стремится к исходу, завершению, слиянию с Абсолютом.

Мифическое время «сворачивается в кольцо», бежит по кругу, объединяет индивидуальное и коллективное, социальное и природное бытие. Смерть здесь не конец, а переход на новый виток жизни, она не абсолютна, а относительна. Время в мифе есть акциденция вечности, проявляющаяся посредством взаимопереходов прошлого и будущего. Мифическое время всегда связано с памятью; прошлое здесь преобладает над будущим, а будущее предопределено прошлым, духами предков. Однако внутренняя логика времени непостижима, что связано с мотивами рока, судьбы, фатума. Это бессилие индивидуального сознания отличает мифическое время от магического: оно представляет собой не практическое взаимодействие человека с реальностью, а скорее воспоминание о былом чуде. Таинственная и ужасная стихия природы, хаос лишь иногда врывается в течение человеческой жизни, напоминая о существовании бездны бессознательного. В мифе намечен разрыв природной и социальной действительности, тогда как маг сам по себе есть проявление природной стихии. В отличие от магического, мифическое время указывает на первичность не субъективного, а объективного духа; вечность заключается не в сознании личности, а в коллективном сознании, и миф призван включить индивида в социальное целое. В мифическом времени заложены основы художественного и философского: первое предстает как «завершенность в становлении», замкнутое целое, осмысление индивидуального Я сквозь призму всеобщего; второе связано с рефлексией, стремлением к абсолютному самосознанию.

Религиозное время представляет собой не столько проявление вечности, сколько отпадение от нее. Время в религии есть отрицание бесконечного в конечном, абсолютного – в относительном, целого – в части. Смысловые интенции религиозного сознания представляют собой единство свободы и необходимости, выбора и предопределенности, что обуславливает динамику и напряженность времени. «Свернутая» диалектика мифа разворачивается в диалектику религиозную, направленную на обнаружение глубоких противоречий бытия. Время, с одной стороны, есть проявление Божественного сознания, с другой – его отрицание, поскольку символ времени – небытие, смерть. Человеческая свобода порождает время (а вместе с ним историю), и осуществляет исход из времени, прорыв в вечность. Время линейно, но эта линия содержательна и прерывиста; прошлое не исчезает в небытии, а через усилие религиозного сознания, обращенного в вечность, повторяется в моментах настоящего: например, смерть и воскресение Христа переживаются верующим не как исторические события, а как трагедия и чудо, происходящие «здесь и сейчас». В эсхатологические моменты слияния божественного и человеческого религиозное время «сжимается» до неделимой точки и оказывается фикцией. Религиозное сознание стремится к «концу времен», завершению, выходу в область трансцендентного, освобождению от самого себя. Это самоотрицание имеет целью преображение времени, наполнение его смыслом. В отличие от мифического, религиозное время направлено в будущее, наполнено предчувствием и ожиданием; а в отличие от магического, просветляет и преображает природный хаос высшим, божественным смыслом.

Философское время – время рефлексии сознания, обнаруживающего границы собственного Я и осуществляющего попытку выйти за эти границы, трансцендирование. Философское время связано с человеческой мыслью, определяемой исторической ситуацией и осознающей себя как длительность и конечность, как экзистенцию. Оно «замкнуто» на само себя и качественно неоднородно. Усилие мысли при этом порождается непрерывным предчувствием смерти, и будущее предстает здесь как окончательное завершение индивидуального времени, небытие. Причиной возникновения времени является раздвоение сознания на Я и не-Я: рефлексивное сознание направлено на само себя и в самом себе раскрывается как субъект и объект одновременно. «Осевое время» дробит единый мир на бесконечные облики, восприятие которых и протекает во времени, в самом себе не имеющем конца и завершения. Субъективность не видит исхода из бытия-к-смерти, осуществляет бунт и предпринимает попытку трансформации собственного Я путем нагружения его ценностно-смысловыми значениями, с помощью, например, этики смирения, долга или свободы. Преодоление времени, таким образом, связано с преодолением пропасти между Я и миром. Но скепсис, который явился причиной рождения философской мысли, делает эту границу непреодолимой, во всяком случае, средствами теоретического разума.

Научное время стало попыткой освободиться от невыносимой субъективности, создающей напряжение на границе Я и мира. Время в науке предстает как объективная длительность, последовательность смены состояний и процессов в мире, детерминированных причинно-следственными связями. Время в классической науке бескачественно, однородно, линейно и непрерывно. Поскольку само время лишается физических свойств и становится лишь «вместилищем» объектов, оно превращается в фикцию и уходит в бесконечность, где сливается с вечностью. В неклассической науке благодаря теории относительности время вновь обретает качественную

определенность и оказывается зависимым от скорости протекания физических объектов и наблюдателя. Но и здесь предполагается некая не зависящая ни от чего длительность, некое «ничто», на фоне которого различаются системы координат. Современная наука предпринимает попытки различить типы времени (космическое, биологическое, историческое и др.), но само научное время остается однородным, лишенным смысловых точек и напряжения. Эта особенность проявляется в том, что прошлое и будущее, причина и следствие в науке качественно неразличимы: следствие, перейдя из будущего в прошлое, само становится причиной и так далее до бесконечности. Качественные изменения происходят в физических объектах: распад атомов, старение организмов, падение цивилизаций, угасание звезд и расширение вселенной, – но время как абсолют остается неизменным. Научное время, как это ни парадоксально, сходно с магическим: обе формы обращены к некоему абсолютному сверхсознанию, на фоне которого осуществляется вечный круговорот вещей. Даже «расширяющаяся вселенная», возникшая из гипотетической сингулярности, видится этим сверхсознанием с позиции сверхсубъекта, отличной от позиции «обычного» человека. Понятие одновременности в теории относительности лишено смысла: два события, одновременные при наблюдении из одной системы координат, не являются одновременными при рассмотрении из системы, движущейся относительно данной. Но, если относительна одновременность, то относительна и разновременность, следовательно, все события во времени одновременны для абсолютной системы отсчета.

Художественное время течет на фоне авторского сверхсознания. Это время диалектически объединяет в себе мифологическое (связанное с архетипами коллективного бессознательного), историческое (определяемое актуальной действительностью) и экзистенциальное (являющее бытие-к-смерти). Общим с философским здесь является самоутверждение личного Я и прорыв к трансценденции; отличием – не столько рефлексивное осознание собственного одиночества, сколько интуитивное единство с миром. «Жизнь», «поток», «переживание» составляют суть течения времени, в котором индивидуальная смерть есть часть общей жизни. Время не может остановиться по личной воле индивидуального Я, в нем нет завершения, но есть всепримиряющее начало, а также воспоминание о навсегда утраченном рае, «золотом веке», «вишневом саде», «минутах мировой гармонии». Художественное произведение фиксирует вечную ценность каждого неповторимого момента. Авторское Я оставляет в потоке переживания часть свой личности, окончательно не сливаясь ни с одним из героев. Герой отличается от других персонажей своей способностью преодолевать течение времени, что делает его похожим на магический субъект. Искусство останавливает внимание на «пустотности» бытия, закате, разрыве, неполноте. Полнота и совершенство лишь предполагаются, просвечивают сквозь зияние бездны, в которую заглядывает герой, но никогда не воплощаются полностью. Иногда эта специфика искусства выражается в социальном протесте, так как законы действительности не выдерживают проверку экзистенцией («Кто виноват?», «Что делать?»). Однако первичной интенцией является не сам протест, а прорыв субъективности, поиск свободы. Искусство представляет собой попытку создать собственное, осмысленное и конкретное бытие, где существование личности обретает целостность, завершенность и оправдание. Смысл произведения искусства – не столько развлечь или воспитать, сколько произвести «очищение» души от неразрешимых противоречий эмпирического бытия (осуществить победу добра над злом, восстановить справедливость, обрести истинную любовь). И даже в самых фантастических сюжетах просвечивает особая правда жизни – жизни человеческого духа. Общим у искусства с магией является непосредственное переживание реальности, активность личного сознания, преображающего действительность.

Культура – не часть общества, а его смысловой центр. Создаваемая и поддерживаемая совокупным сознанием человечества, она вырастает из природного, вневременного бытия, развивается в истории и, занимаясь самопознанием, возвращается к вечности. Все формы культуры, являя собой время, пытаются так или иначе это время преодолеть. Один из героев Достоевского произнес фразу: «Время – не предмет, а идея...» Время является не условием, в котором мы живем, а способом, которым мы мыслим. Время есть смыслообразующая структура сознания, это есть то, что порождает поток наших переживаний и способствует фиксации различных фаз этого потока. Мы сами себе даны во времени, когда представляем себя как объект. Но в душе содержится и вневременной источник, трансцендентальный субъект, воспоминанием о котором и возвращением к которому является культура.

Примечания и список литературы

1. Платон. Тимей // Платон : собр. соч. : в 4 т. Т. 3. М. : Мысль, 1994. 37d.
2. Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 3. Физика. Кн. 4. Гл. 10–12. М. : Мысль, 1981. С. 145–155.
3. Декарт Р. Начала философии // Декарт Р. Избранные произведения. М. : Мысль, 1950. С. 451.

4. Локк Д. Опыт о человеческом разумении // Локк Д. Сочинения : в 3 т. Т. 1. Гл. 11. М. : Мысль, 1985. С. 108–114.
5. Цит. по: Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. М. : Мысль, 1979. С. 295.
6. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 2. М. : Мысль, 1964. С. 398.
7. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 140.
8. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М. : Академ. проспект, 2009. 118 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : «Фолио», 2003. С. 33–35.

Notes and References

1. Plato. *Timej* [Timaeus] / *Platon : sobr. soch. : v 4 t.* – Plato: collected works: in 4 vol. Vol. 3. M. Mysl'. 1994. 37d.
2. Aristotle. *Sochineniya : v 4 t. T. 3. Fizika. Kn. 4. Gl. 10–12.* [Compositions: in 4 vol. Vol. 3. Physics. Book 4. Ch. 10–12]. M. Mysl'. 1981. Pp. 145–155.
3. Descartes R. *Nachala filosofii* [Start of philosophy] // *Descartes R. Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. M. Mysl'. 1950. P. 451.
4. Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii* [Essay concerning human understanding] // *Locke D. Sochineniya : v 3 t. T. 1. Gl. 11.* [Compositions: in 3 vol. Vol. 1. Ch. 11]. M. Mysl'. 1985. Pp. 108–114.
5. Cit. by: Majorov G. G. *Formirovanie srednevekovoj filosofii* [Formation of medieval philosophy]. M. Mysl'. 1979. P. 295.
6. Kant I. *O forme i printsipakh chuvstvenno vosprинимаемого i umopostigaемого mira* [On the form and principles of the sensible and the intelligible world] // Kant I. *Kant I. Soch. : v 6 t. T. 2.* [Compositions: in 6 vol. Vol. 2.] M. Mysl'. 1964. P. 398.
7. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason] // Kant I. *Kant I. Soch.: v 6 t. T. 3* [Compositions: in 6 vol. Vol. 3.] M. 1964. P. 140.
8. Husserl' E.H. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas to pure phenomenology and to a phenomenological philosophy. Vol. 1]. M. Academ. Prospect. 2009. 118 p.
9. Heidegger M. *Bytie i vremena* [Being and time]. Kharkiv. Folio. 2003. Pp. 33–35.

УДК 101.1:316

Проблема конструирования образа социального мира в информационную эпоху: коммуникативный аспект

Гостева Д. Д.

аспирант кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова. 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31А. E-mail: dariagost@list.ru

Аннотация: Информационная эпоха оказывает значительное влияние на все структуры и уровни человеческой деятельности, в том числе на сферу социальной коммуникации. Стремительно развивающийся комплекс инновационных информационно-коммуникативных технологий порождает изменение механизмов коммуникации, что ставит перед человеком задачу овладения новыми символическими средствами и познавательными инструментами с целью адаптации к вызовам и требованиям новой культурной среды. В рассматриваемом с позиций социального конструктивизма процессе познания в современном мире автором акцентируется роль искусственных реальностей, символическая природа которых определяет все многообразие социальных взаимодействий в постоянно меняющейся ситуации информационного «взрыва». Оригинальность работы определяется попыткой автора проанализировать изменяющиеся коммуникативные условия в тенденциях развития образовательной, трудовой и повседневной жизнедеятельности человека информационной эпохи.

Ключевые слова: информационная эпоха, коммуникация, социальное познание, социальное конструирование, медиареальность, виртуальная реальность, коммуникативные риски.

The problem of the social world image construction in the informational epoch: communicational aspect

Gosteva D. D.

postgraduate student, Department of philosophy, sociology and theory of social communication, Nizhny Novgorod State Linguistic University n. a. N. A. Dobrolyubov. 31A Minin str., 603155, Nizhny Novgorod. E-mail: dariagost@list.ru

Abstract: Informational epoch influences deeply all the structures and levels of human activity, including the sphere of social communication. Rapidly developing complex of innovative information-communicative technologies leads to the communication mechanisms changes, which poses a goal for a person to become proficient in new symbolic means and perception instruments for the adaptation to the challenges and requirements of the new cultural environment. In the process of perception considering from the position of social construction in the modern world the author focuses attention on the role of artificial realities, the symbolic nature of which determines all the diversity of social interactions in the constantly changing situation of informational «explosion». Singularity of the article is formed by the attempt of the author to analyze changing communication conditions in the tendencies of education, working activity and everyday life activity development in the informational epoch.

Keywords: informational epoch, communication, social perception, social construction, media reality, virtual reality, communication risks.

Введение

Возрастающая интенсивность процессов информатизации и компьютеризации общества в современном мире ставит перед исследователями в сфере социальной философии задачу изучения специфики процесса конструирования социального мира в новых условиях радикальных социальных преобразований. Эти специфические черты обусловлены стремительно возрастающими потоками информации, усилением роли информационно-коммуникативной деятельности в жизни общества, увеличением доли искусственной реальности в современном коммуникативном пространстве. Это дает основание говорить об увеличении доли посредничества в процессе конструирования образа социального мира, который складывается у человека под воздействием возрастающего количества источников информации.

Принципы социального конструктивизма складываются в истории философской мысли как противовес репрезентативистскому подходу в понимании процесса познания. Исследователи об-

наруживают их уже в философии Д. Вико и более выразительно – в учении И. Канта, в понимании которого не познание должно соответствовать объекту, но объект – познанию, что В. С. Швырев называет условно «неклассическим конструктивизмом», отличая эту систему взглядов от современного толкования, которое можно рассматривать как результат более поздней эволюции конструктивистских идей [1]. Развитие идей, согласно которым реальность конструируется в процессе познания, идет в философии на протяжении XIX–XX вв., коммуникативные аспекты в процессе познания становятся в связи с этим проблемным центром таких философских направлений, как герменевтика, неокантианство, аналитическая философия.

Коммуникативные основы процесса социального конструирования в информационную эпоху

Современный мир демонстрирует тотальную экспансию коммуникации, которая затрагивает все сферы активности человека. Вместе с усложнением информационно-коммуникативных средств и технологий более сложным становится и процесс социального конструирования, особенно в той его части, которая основана на коммуникации как идеально-смысловом аспекте социального взаимодействия.

Коммуникация включена в познавательный процесс на всех его уровнях, поэтому все изменения, которые происходят в пространстве коммуникации, затрагивают и всю структуру познания. В информационно-коммуникативном пространстве постиндустриального мира все большее место занимают такие искусственные реальности, как медиареальность и виртуальная реальность, в рамках которых модели мира претерпевают значительную трансформацию. В традиционных классических моделях преобладала роль дискурса и личностных отношений между людьми в конструировании ими образа мира [2], в условиях информационной эпохи начинают доминировать визуальные коммуникации, в том числе и принципы визуализации в процессе познания. Если медиареальность имеет уже достаточно долгую историю своего символического воплощения, то виртуальная реальность – новый социокультурный феномен, который уже во многом изучен, но который в большей степени еще предстоит изучать. Проблема конструирования медиареальностью, создаваемой технологиями традиционных массмедиа, образа социального мира имеет свои традиции в европейских исследованиях, которые породили технологические, идеологические, психологические подходы к пониманию особенностей массмедийного коммуникативного опосредования в процессах социального познания. Все концепции рассматривали массовую коммуникацию как целерациональную деятельность институционального субъекта, формирующего образ мира в соответствии с установками определенного политического режима, выявляя те или другие принципы, не менявшие конструктивной природы этого процесса. Схватить образ мира посредством медиареальности человек может лишь в тех границах, которые заранее институционально определены.

Социокультурный феномен виртуализации окружающего мира не противоречит основной идее эпистемологического конструктивизма, согласно которой «знание что» может быть сведено к «знанию как» [3], поскольку построение знания, осмысление предметов и их отношений, конструирование окружающего мира возможно в том числе при погружении в виртуальную среду. Традиционное человеческое общение сместилось в принципиально новую размерность, претерпев переход от дорефлексивного мифологического восприятия до актуализации феномена коммуникации в виртуальном пространстве информационной эпохи [4]. Эта коммуникация осуществляется на различных социальных уровнях – от межличностного до массового; в виртуальной среде возникают и активно развиваются все новые сегменты общественных коммуникаций, предоставляя человеку дополнительные возможности познания либо порою замещая уже сложившиеся формы. В процессе социального конструирования образа мира человека включаются новые социальные субъекты, деятельность которых связана с обеспечением функционирования информационно-коммуникативных технологических комплексов. Наряду с традиционными социальными институтами субъектом формирования социальных смыслов выступают неинституциональные образования, не только усложняя систему опосредования, но и делая ее менее прозрачной. В этом контексте важная исследовательская задача – выявление новых коммуникативных рисков, поставляющих искусственные среды, которые все более становятся местом обитания человека.

Коммуникативные риски в образовательной, трудовой и повседневной деятельности современного человека

Исходя из комплексного подхода к анализу информационного общества как целостности выявляются зоны риска в социально-экономических отношениях [5], в сохранении национальной культурной идентичности [6]. Современные отечественные исследователи предлагают раз-

личные аспекты в осмыслении коммуникативных рисков, возникающих в современном мире в связи с воздействием трансграничных коммуникаций на структуру национального культурно-коммуникативного пространства [7]; изучаются возможные угрозы «знанию в среде» [8]. В том числе исследователями предпринимается попытка выявления противоречий общества знания, на основе анализа специфики антропологических рисков информационного общества, среди которых выделяются риск гиперактивности и антропологический риск утраты доверия [9].

Поскольку понимание субъекта в истории философской мысли развивалось в русле осознания проблемы человека в отношении к его предметно-практической деятельности и познавательной активности, мы предлагаем рассматривать коммуникативные риски информационного общества через призму проблемы социального конструирования мира в образовательной, трудовой и повседневной деятельности.

Образовательная среда представляет сегодня ту сферу деятельности, где происходят весьма заметные для общества социальные изменения, в том числе увеличение доли дистанционных форм образования в процессе обучения. Возрастающий запрос на организационную и интеллектуальную деятельность, способную находить воплощение в виртуальной среде, не позволяет говорить о том, что реальное и виртуальное образование являются идентичными процессами. Поскольку «коммуникативное поведение и программа выполняемых социальных ролей осуществляется человеком в пределах определенной нормативной системы» [10], стихийность и неконтролируемость виртуального образования ставит под сомнение возможность полноценного погружения в коммуникативный процесс и его положительного влияния на социализацию человека. При этом речь может идти не только о результатах обучения, но и о существенно сокращающейся доле форм воспитательной работы. Если ранее функция воспитания выполнялась преимущественно институтами семьи и образования, то приходится предположить, что в рамках образовательных проектов, которые возникли в сети Интернет, должны быть заложены и воспитательные функции, но именно этот аспект в большей степени выпадает из зоны внимания новых образовательных программ. Вместе с тем виртуально конструируемые модели мира могут воздействовать на изменение традиционных ценностных и мировоззренческих моделей, что достаточно трудно учитывать в квазиконтактной коммуникации в символической виртуальной среде. Кроме того, виртуальная коммуникация во многом формирует новую «идею человека», реализует переход процесса обретения знаний и научного мышления «от аналитического к целостному, холистическому» [11], что остро ставит вопрос осмысления антропологических рисков, возникающих в образовательной деятельности.

В данном случае, думается, можно говорить о социальном конструировании реальности новой образовательной среды, которая несет как много возможностей, так и достаточное количество рисков. В качестве одной из наиболее важных может быть рассмотрена угроза неравномерного погружения общества в образовательный процесс, в результате чего возникает риск утраты взаимопонимания между людьми. Традиционная для классической литературы проблема «отцов и детей», возникающая на уровне поколений, в процессе общественного развития перерастает в проблему поколенческого непонимания, рассогласования на почве разной степени информационной осведомленности, разного уровня знания. Новый коммуникативный мир породит эффекты новой Вавилонской башни.

Не менее важными представляются коммуникативные риски современного мира, возникающие в процессе трудовой деятельности человека. С одной стороны, информационная эпоха и научно-техническая революция расширили и приумножили возможности реализации человеческого потенциала, с другой – все более размытыми предстают границы допустимого вмешательства технологий в жизнь человека. Одно из наиболее распространенных социотехнических опасений информационного общества – замена человека роботом на предприятиях. При вступлении общества в индустриальную эпоху, ознаменовавшуюся переходом от ручного труда к машинному, подобная тенденция нашла отражение в страхах людей, непонимании происходящего и построении пессимистичных прогнозов на будущее. Тем не менее современный человек понимает, насколько это упрощает его жизнь. Можно предположить, что роботизация предприятий позволила бы освободить людей от многочасового стояния у станка. При этом определенные социально-экономические гарантии позволили бы этим людям сосредоточиться на других значимых формах трудовой активности.

Вместе с тем данный социальный контекст ставит проблему «прочтения» жизни человека через развивавшуюся цивилизационную традицию технизации общественных отношений. Несмотря на продолжающееся доминирование межличностного взаимодействия в коммуникационных процессах в сфере трудовой деятельности человека, прогнозируется потенциальное изменение процесса коммуникации с модели «человек – машина» на модель «машина – машина», где человек имплицитно присутствует. Однако эта модель вносит рассогласование в диалогическую модель отношений

«Я – Ты», «Я – Оно» [12]. С учетом всепроникаемости машинной коммуникации и поглощения повседневной жизни различными гаджетами можно утверждать, что в процессе реификации «машина» осуществила переход из статуса «оно» в статус «ты», материализовавшись в роли другого человека. Это позволяет предположить возможность обратной ситуации, где в роли «я» выступает «машина», а человеку отводится роль «ты», вследствие чего «зона» человеческого в сфере трудовой деятельности попадает в зону риска. При этом в случае осуществления взаимодействия «машина – машина» из диалогической коммуникационной модели исчезает неизменный компонент «я», что является риском утраты субъектного потенциала человека, а также фактором снижения его доли коммуникации в процессе социального взаимодействия. Подобная ситуация в современном мире уже наблюдается в набирающем обороты явлении «майнинга», предоставляющем возможность при минимальном уровне личной вовлеченности добывать криптовалюту и обменивать ее на реальные деньги. Широкое распространение аналогичных тенденций способно оказывать влияние не только на организацию времени и пространства человека, но и вносить существенные изменения в структуру общества и личности, подрывать авторитет института труда, ставить под сомнение значимость навыков и знаний как личностных категорий.

Отдельного внимания требует проблема коммуникативных сдвигов, находящихся свое воплощение в повседневной деятельности человека. «Конкретный социальный опыт, который индивид получает посредством всех сфер повседневности (в семье, профессиональной среде, в дружеском общении), заменяется “непрожитым” квазиопытом, доставляемым медиареальностью» [13]. Активная роль человека в ситуациях межличностной коммуникации замещается на иллюзию социальной сопричастности, процесс общения заменяется псевдообщением, действительное, реально переживаемое в опыте событие, уступает место медиасобытию. В результате человек получает готовый сформированный образ на основе организованной и структурированной информации. Если принять во внимание информационные войны, которые становятся постоянной характеристикой современного медийного пространства, то можно представить разрушительный характер такого информационного воздействия.

Инновационная модель коммуникации, какую представляет виртуальная реальность, так же, как и медиареальность, формирует представление о мире в конструктивистской парадигме. Рассмотрим в качестве примера такую форму коммуникации в интернет-пространстве, как социальные сети. Необходимо обратить внимание на то, что интернет-пространство в целом трансформирует культурные механизмы информационных обменов и порождает новые формы публичности, минимизирует различия между частной и публичной сферами жизни человека [14], что также имеет значение в социальном познании. Социальные сети формируют образ мира через образ группы, сконструированный по законам общения в этой группе, часто наделенный гораздо более сильными стереотипами, чем образы массовой коммуникации. Кроме того, при помощи современных технологий уже сегодня разрабатываются интеллектуальные системы, способные на основе анализа предыдущей истории общения самостоятельно формировать тексты сообщений, в автономном режиме работать с визуальной информацией, принадлежащей другому человеку, интерпретируя ее произвольным образом. Это может привести к тому, что образ человека будет конструироваться в виртуальном пространстве вне участия самого человека, при этом человек, «живущий» в виртуальном измерении социальных сетей, рискует утратить как свою реальную, так и виртуальную личностную идентичность, свободу своего самовыражения.

Заключение

Коммуникации информационной эпохи, основанные на инновационном технологическом инструментарии, дали новый импульс развитию всех сфер человеческой жизнедеятельности. Синтетическая информационно-коммуникативная среда современного мира, образуемая различными формами искусственной реальности, задает новые координаты повседневной, трудовой жизни человека, его образовательной деятельности, в большей степени нагружая ее дистанционными формами коммуникации. В том числе изменяются и принципы конструирования образа социального мира, что создает не только возможности дальнейшей реализации человеческого потенциала, но и угрозы, способные оказывать влияние на мировоззренческие и ценностные установки человека и больших социальных групп. В инновационных моделях коммуникации возникает риск не только утраты человеком собственного «я», но и потери своего субъектного потенциала в процессе социального познания, попадания в рабство к технологизированному обществу в результате многократно увеличивающихся уровней социального опосредования.

Изменение механизмов коммуникации ставит перед человеком задачу овладения новыми символическими средствами и познавательными инструментами для адаптации к вызовам культурной среды в процессе жизнедеятельности. Без изучения особенностей инновационных моде-

лей социальной коммуникации невозможно исследовать способы построения образа социального мира человека, влияющие на процессы его социализации в стремительно изменяющемся мире информационной эпохи.

Примечания и список литературы

1. Швырев В. С. Идея предпосылочности научного знания и современный конструктивизм // Конструктивизм в теории познания. М. : ИФРАН, 2008. С. 4.
2. Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 35–38.
3. Лекторский В. А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания. М. : ИФРАН, 2008. С. 32.
4. Сулейманова Р. Р. Проблемы коммуникации в истории социально-философской мысли // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 2 (217). Философия. Социология. Культурология. Вып. 20. С. 131–138.
5. Розанов Ф. И. Тенденции и «зоны риска» социально-экономической трансформации информационного общества // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журн.). 2012. № 9 (17). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tendentsii-i-zony-riska-sotsialno-ekonomicheskoy-transformatsii-informatsionnogo-obschestva>.
6. Урютова Ю. А. Риски информационной эпохи и проблема сохранения национально-культурной идентичности // Общество и право. 2012. № 4 (41). С. 294.
7. Кузнецова Е. И. Медиакультура XXI века в контексте развития инновационных технологий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. № 4. Ч. 2. С. 222.
8. Загидуллина М. В. Информационное общество в контексте net-мышления // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5 (259). С. 49.
9. Скородумова О. Б. Антропологические риски информационного общества // Науковий вісник. 2013. № 70 (3). С. 480.
10. Савруцкая Е. П. Проблемы коммуникации в контексте социокультурной реальности информационного общества // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальная философия. 2012. № 1 (3). С. 134.
11. Дорофеев Д. Ю., Арзуманян М. Ю. Антропологический и образовательный потенциал современных коммуникаций // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. С. 119.
12. Бубер М. Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М. : Республика, 1995. С. 87.
13. Кузнецова Е. И. Символические механизмы информационного обмена в структуре социального опыта постиндустриальной эпохи // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5. № 6А. С. 215.
14. Семенов Е. Е. Новые формы публичности как социокультурный феномен в процессе становления гражданского общества современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социальная философия. 2013. № 1. С. 107.

Notes and References

1. Shvyrev V. S. *Ideya predposylochnosti nauchnogo znaniya i sovremennyy konstruktivizm* [The idea of scientific knowledge preconditions and modern constructivism] // *Constructivism in the theory of knowledge – Konstruktivizm v teorii poznaniya*. M. IFRAN. 2008. P. 4.
2. Ulanovskij A. M. *Konstruktivizm, radikal'nyj konstruktivizm, social'nyj konstrukcionizm: mir kak interpretacia* [Construction, radical construction, social construction: the world as an interpretation] // *Voprosy psichologii – Questions of psychology*. 2009, № 2, pp. 35–38.
3. Lektorskij V. A. *Mozhno li sovmestit' konstruktivizm i realizm v epistemologii?* [Is it possible to combine construction and realism in epistemology?] // *Konstruktivizm v teorii poznaniya – Constructivism in the theory of knowledge*. M. IFRAN. 2008. P. 32.
4. Sulejmanova R. R. *Problemy kommunikacii v istorii social'no-filosofskoj mysli* [Communication problems in the history of social philosophy reflection] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Chelyabinsk State University*. 2011, № 2 (217). *Filosofiya. Sociologiya. Kul'turologiya – Philosophy, sociology, cultural study*. Issue 20. P. 131–138.
5. Rozanov F. I. *Tendencii i «zony riska» social'no-ekonomicheskoy transformacii informacionnogo obshchestva* [Tendencies and «zones of risks» of the social and economic transformation of the information society] // *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem (electronic scientific journal)* – Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) 2012, № 9 (17). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/tendentsii-i-zony-riska-sotsialno-ekonomicheskoy-transformatsii-informatsionnogo-obschestva>
6. Uryutova Yu. A. *Riski informacionnoj epohi i problema sohraneniya nacional'no-kul'turnoj identichnosti* [Risks of the information era and the problem of preserving national and cultural identity] // *Obshchestvo i pravo – Society and law*. 2012, № 4 (41), p. 294.
7. Kuznecova E. I. *Mediakul'tura XXI veka v kontekste razvitiya innovacionnyh tehnologij* [Media culture of the 21st century in the context of innovative technologies development] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo – Herald of Nizhny Novgorod University n.a. N.I. Lobachevskiy*. Nizhny Novgorod. Publ. NNSU n. a. N. I. Lobachevskiy. 2013, № 4, part 2, p. 222.

8. Zagidullina M. V. *Informacionnoe obshchestvo v kontekste net--myshleniya* [Information society in the context of net--thinking] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Chelyabinsk State University. 2012. № 5 (259). P. 49.

9. Skorodumova O. B. *Antropologicheskie riski informacionnogo obshchestva* [Anthropological risks of information society] // *Naukoviy visnik* – Scientific herald. Kiev. 2013, № 70 (3), p. 480.

10. Savruckaya E. P. *Problemy kommunikacii v kontekste sociokul'turnoj real'nosti informacionnogo obshchestva* [The problems of communication in the context of sociocultural reality of the information society] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Social'naya filosofiya* – Herald of Nizhny Novgorod University n.a. N. I. Lobachevskiy. Social philosophy. 2012, № 1 (3), p. 134.

11. Dorofeev D. Yu., Arzumanyan M. Yu. *Antropologicheskij i obrazovatel'nyj potencial sovremennyh kommunikacij* [Anthropological and educational potential of modern communications] // *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* – Herald of Leningrad State University n.a. A.S. Pushkin. 2012, P. 119.

12. Buber M. *Ya I ty* [Me and you] // *Buber M. Dva obraza very* [Two images of trust]. M. Respublika. 1995. P. 87.

13. Kuznecova E. I. *Simvolicheskie mehanizmy informacionnogo obmena v structure social'nogo opyta postindustrial'noj epohi* [Symbolic mechanisms of information exchange in the process of post-industrial epoch social experience forming] // *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* – Context and reflexion: philosophy on the world and human. 2016, vol. 5, № 6A, p. 215.

14. Semenov E. E. *Novye formy publichnosti kak sociokul'turnyj fenomen v processe stanovleniya grazhdanskogo obshchestva sovremennoj Rossii* [New publicity forms as sociocultural phenomenon in the process of modern Russian civil society formation] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Social'naya filosofiya* – Herald of Nizhny Novgorod University n.a. N.I. Lobachevskiy. Social philosophy. 2013. № 1. P. 107.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (47).06

Развитие военно-инженерного искусства в России в XVIII в.

Бенда В. Н.

кандидат исторических наук, доцент межфакультетской кафедры истории,
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина. 196605, г. Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10. E-mail: bvn.1962@mail.ru

Козлов Н. Д.

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Ленинградский государственный
университет им. А. С. Пушкина. 196605, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10.
E-mail: koznik49@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется состояние отечественного военно-инженерного искусства на протяжении XVIII столетия. Отмечается, что до настоящего времени в отечественной историографии есть не так много работ, посвященных этой проблеме. Целью работы является обобщение уже имеющихся сведений по данному вопросу, уточнение некоторых из них и введение в научный оборот ранее не опубликованных источников и архивных документов. Автор акцентирует внимание на том, что на развитие военного искусства в любом государстве оказывает влияние множество объективных и субъективных факторов. В частности, показано, что как на развитие военного искусства, так и на обороноспособность государства существенное влияние оказывали экономика, уровень теоретических и практических знаний, развитие науки и техники, в т. ч. и фортификационной.

Ключевые слова: XVIII в., Петр I, Я. В. Брюс, русская армия, военная наука, военно-инженерное искусство, военно-специальные школы, инженерные кадры, крепости, штат.

The development of military engineering in Russia in the XVIII century

Benda V. N.

candidate of historical sciences, associate professor of the interfaculty Department of the History,
Pushkin Leningrad State University. 10 Petersburg Ave., 196605,
St. Petersburg, Pushkin. E-mail: bvn.1962@mail.ru

Kozlov N. D.

doctor of historical sciences, professor of the Department of history at Leningrad State University
n. a. A. S. Pushkin. 10 Petersburg Ave., 196605, St. Petersburg, Pushkin. E-mail: koznik49@yandex.ru

Abstract: The article examines the state of Russian military-engineering art during the XVIII century. It is noted that up to the present time in Russian historiography there are not many works devoted to this problem. The aim of this work is to summarize existing information and data on this issue, clarifying some of them and introduction into scientific circulation previously published sources and archival documents. The author focuses on the fact that the development of martial arts in any state has many objective and subjective factors. In particular, it is shown that the development of military science and the defense of the state, influenced strongly by the economy, the level of theoretical and practical knowledge, development of science and technology including fortification.

Keywords: XVIII v., Peter I, J. V. Bruce, Russian army, military science, military engineering, military-special schools, engineers, fortress state.

В отечественной историографии можно найти не так уж много трудов, посвященных исследованию истории фортификационного (военно-инженерного) искусства российского государства в обозначенный период. Обратим внимание на наиболее известные и ставшие в этом плане уже

классическими работы отечественных исследователей. Одной из первых работ, посвященных истории военно-инженерного искусства в России, была работа военного инженера капитана Александра Савельева, проходившего в середине XIX в. военную службу в кондукторской роте Главного инженерного училища [1]. Указанная работа А. И. Савельева была посвящена великому князю Александру Николаевичу, будущему российскому императору Александру II. Во второй половине XIX столетия была опубликована вторая работа А. И. Савельева, содержащая много ценного и интересного материала по развитию инженерного дела в России [2]. Следует также обратить внимание на классическую военно-историческую работу русского военного инженера, генерал-лейтенанта Федора Федоровича Ласковского [3]. Другими немаловажными трудами в этой области являются изданные в разные времена работы советского ученого, профессора Виктора Васильевича Яковлева [4]. Заметим, что эволюция инженерного искусства в Российском государстве, помимо указанных выше работ, описывалась с различной степенью детализации и систематизации в различного рода учебных пособиях и трудах других авторов, изданных на протяжении XIX–XX столетий [5].

В наших предыдущих публикациях [6] мы уже отмечали тот факт, что в первой четверти XVIII столетия в России наблюдался бурный всплеск развития военно-инженерного дела. В петровские времена мощнейшим стимулом дальнейшего развития фортификационного дела послужило образование русского инженерного корпуса и учреждение соответствующих военно-специальных учебных заведений для подготовки инженерных кадров.

Напомним, что в начале 20-х гг. XVIII в. для приведения всех российских крепостей, в том числе и вновь завоеванных, в нормальное состояние требовалось осуществить огромный объем работ. За все это отвечал генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс, так как в соответствии с указом Петра I от 23 мая 1720 г. все крепости были переданы в ведение Приказа артиллерии, в дальнейшем ставшего именоваться «Главной артиллерией» [7]. Осуществить такой объем работ в короткое время, при напряженном финансовом положении страны, при недостаточном количестве высококвалифицированных инженерных специалистов, представлялось Я. В. Брюсу довольно затруднительным.

5 декабря 1722 г. состоялся указ Петра I, которым при артиллерии учреждалась должность генерал-директора над фортификациями, исполнять которую был назначен инженер генерал-майор А. С. Де Кулон, причем указом было определено быть «...в его дирекции всем инженерам, инженерной и минерной ротам» [8]. Именно с этого времени инженеры были выведены из состава артиллерийского корпуса и стали самостоятельным управлением во главе с Инженерной конторой. Указ Петра I от 5 декабря 1722 г. дает основание полагать, что именно он послужил основанием для образования отечественного инженерного корпуса как самостоятельного (отдельного) рода войск в составе русской армии.

Что касается военно-специальных учебных заведений (школ), в которых велась подготовка инженерных кадров, то одним из первых таких заведений была Московская артиллерийско-инженерная школа, учрежденная в соответствии с именованным указом Петра I от 10 января 1701 г. [9]

С началом изучения теоретических основ инженерного искусства в рассматриваемый период в России возникла необходимость наличия специальной литературы на русском языке. Вся необходимая для этого литература в большей степени была переведенными на русский язык иностранными трудами на инженерную тематику, среди которых были известные сочинения Вобана, Кегорна, Штурма, Римплера и др. Иностранная литература по всем областям фортификационного искусства и инженерного дела в тот период была довольно многочисленной.

В одной из наших предыдущих статей мы обращали внимание на тот факт, что успех в использовании иностранной инженерной литературы для обучения отечественных инженерных кадров зависел от двух условий: удачного выбора для перевода литературы по инженерному делу и хорошего их перевода на русский язык [10]. С этим как раз и возникали большие сложности. Многие иностранные труды по инженерной науке, переведенные на русский язык, должны были предоставлять, в первую очередь, для отечественных инженерных кадров того времени элементарные теоретические и практические знания в области гражданского и военного инженерного искусства. Но, на самом деле, картина была совершенно противоположная. Известный русский военный инженер и ученый, генерал-лейтенант Ф. Ф. Ласковский утверждает, что переводили большей частью не то, что было необходимо, а то, без чего на начальных этапах инженерного образования совершенно можно было обойтись [11]. Например, в период с 1708 по 1710 г. в России появились переведенные на русский язык сочинения Мино ван Кугорна, одно название которого занимает «полстраницы» печатного текста [12] и которое, при всех его достоинствах, не могло служить руководством для изучения основ инженерного искусства.

Ф. Ф. Ласковский задается вопросом, можно ли было ожидать хороших знаний области инженерного искусства у наших инженеров времен Петра I, едва знакомых с «азбучными» основами

инженерной науки, и полагает, что перевод этого сочинения был совершенно бесполезен для начальной подготовки инженерных кадров [13]. Таким же бесполезным для русских инженеров было сочинение английского инженера барона Эрнеста фон Боргсдорфа [14], француза Н. Ф. Блонделя [15], немца Л. К. Штурма [16] и ряда других авторов, заложивших основание инженерной литературе.

И хотя, как отмечено выше, отечественная инженерная литература была довольно обширной, но не вся она могла предоставить начинавшим свою деятельность инженерным кадрам простые и понятные знания из области инженерной науки. Более того, из-за отсутствия хорошо подготовленных переводчиков с иностранных языков на русский переводимые инженерные труды изобиловали неясностью изложения материала, искажением подлинников и непонятной терминологией [17].

Подводя итоги развития инженерного искусства в петровские времена, следует отметить, что при нем в государстве было построено 47 крепостей [18]. Петр Великий, организуя оборону страны, полагал, что оборона страны является первостепенной задачей армии и флота, а крепости являлись опорными пунктами в государстве, способствующими целесообразным действиям армии и флота, а успешной обороне, наряду со многими факторами и условиями, способствовал уровень развития инженерного искусства. В эпоху Петра Великого пристальное внимание обращалось на распространение инженерных знаний среди офицерского и унтер-офицерского состава русской армии, что выражалось в известном выражении Петра I «...зело нужно, дабы офицеры знали инженерство» [19].

Основная мысль Петра Великого по развитию инженерного искусства заключалась в том, что на основе создания и деятельности военно-специальных инженерных учебных заведений и специальной литературы, временно позаимствованной у иностранцев, следует готовить отечественные инженерные кадры, которые, будучи уверенными в собственных силах и знаниях, смогли бы взять инженерное дело в российской империи в свои руки и организовать его на национальных началах.

Забегая вперед, отметим, что более чем правильной и оправданной по своей сущности мысли Петра Великого потребовалось еще длительное время для ее полной реализации и достижения должного результата. Как отмечает русский военный инженер генерал-майор Л. Л. Фриман, только через сто лет после появления на русском языке при Петре I иностранных сочинений по инженерному искусству появился оригинальный печатный труд на русском языке по долговременной фортификации, которым могла бы гордиться любая иностранная литература по военно-инженерному делу [20].

В постпетровское время в XVIII в. инженерное искусство и деятельность в области фортификационного строительства развивались в практической и теоретической областях.

В практической области развитие инженерного искусства проходило в сфере ремонта существовавших крепостей укрепления их обороноспособности, а также в строительстве новых оборонительных сооружений. В одной из предыдущих работ нами уже рассматривался вопрос развития инженерного дела в конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII столетия [21].

Напомним, что в 1730 г. появился новый проект штатов инженерного корпуса, который не прошел стадию утверждения [22]. По новому штату количество крепостей и укрепленных пунктов с 32 выросло до 82 [23]. По новому штату предлагалось все крепости разделить на семь департаментов (округов). На предложение начальника инженерного корпуса графа Миниха об увеличении количества крепостей Анна Иоанновна своим указом от 3 марта 1731 г. повелела оставить прежнее число крепостей, практически полностью соответствующее количеству крепостей в петровском штате, добавив в новый штат крепости Арнсбург (сейчас эстонский город Курессааре (остров Сааремаа). – В. Б.), Петер-Шанц (Рига), Бахмут и Екатеринбург [24].

20 августа 1762 г. Екатерина II утвердила доклад Воинской комиссии с предложениями нового штата крепостей [25].

В 1763 г. был утвержден новый штат крепостей, разработанный по предложению П. И. Шувалова и представляющий собой обновленный прежний штат, разработанный при Анне Иоанновне. Штат 1763 г. разделил все крепости и оборонительные линии на пять департаментов: Финляндский, включающий 11 крепостей; Лифляндский – 12 крепостей; Киевский – 12 крепостей и 2 оборонительные линии; Астраханский – 8 крепостей и 1 линия; Сибирский, включающий 6 крепостей и 2 оборонительные линии [26]. Итого: 49 крепостей и 5 оборонительных линий.

Обратим внимание на один важный момент. Изучая данную проблему, нам постоянно приходилось сталкиваться с несовпадением тех или иных данных по количеству крепостей и других показателей, характеризующих состояние инженерного корпуса, которые были приведены в военно-исторической литературе и архивных источниках. Например, в штатах инженерного корпу-

са, согласно расписанию крепостей, составленному генерал-фельдцейхмейстером А. Н. Вильбоа, по состоянию на 17 июня 1763 г. указана 51 крепость, а в штате артиллерийского корпуса по состоянию на 25 января 1765 г. – указано уже 56 крепостей [27].

В этом же плане еще одно замечание. В докладе генерал-инженера М. И. Мордвинова на имя генерал-фельдцейхмейстера Г. Г. Орлова от 13 декабря 1776 г. количество крепостей и укрепленных линий в департаментах несколько отличается от данных Л. Л. Фриман, приведенных выше. Так, например, М. И. Мордвинов вместо Финляндского указывает Санкт-Петербургский департамент [28], в Лифляндский департамент входило 15 крепостей [29], в Астраханском департаменте – 11 крепостей [30], в Сибирском – 5 крепостей [31].

В связи с вышеизложенным можно полагать, что из-за возможной путаницы в количестве крепостей, согласно штатному расписанию, утвержденному в 1763 г., а также по другим причинам, среди которых, в первую очередь, необходимо отметить хроническое недофинансирование содержания инженерного корпуса и крепостей (например, в 1768 г. на содержание инженерного корпуса и крепостей вообще не выделялись денежные средства [32]. – В. Б.), в 1774 г. Военная комиссия возобновила свою работу по составлению нового штата крепостей и определению размеров необходимого финансирования их содержания [33].

В теоретической области развитие инженерного искусства протекало в совершенствовании научных основ подготовки инженерных кадров, а также в составлении различного рода проектов, многие из которых хотя и не были реализованы, но внесли свой вклад в развитие инженерного дела.

В середине второй половины XVIII в. было составлено несколько проектов строительства фортификационных сооружений для защиты и обороны границ империи. Для строительства оборонительных укреплений на участке границы Российского государства от Риги и до Киева, протяженностью более 1100 км, было составлено несколько проектов, которые хотя и были утверждены, но на практике не были реализованы. В первую очередь в этом плане следует обратить внимание на мемуары российского генерал-квартирмейстера, инженера, гидротехника и архитектора Ф. В. Бауэра [34]. Ознакомившись с мемуарами Бауэра, Екатерина II в личном письме на его имя обратила внимание на два важных момента, учитывать которые следовало при проектировании крепостей: 1) «чтобы в назначении образа уважаема была прямая надобность и состояние соседей»; 2) «чтобы предварительно условиться с надлежащим органом относительно гарнизонов, для обороны нужных» [35].

Эволюцию военно-инженерного искусства в конце XVIII в. наглядно демонстрирует содержание инструкции, данной в 1796 г. генерал-фельдцейхмейстером П. А. Зубовым военному инженеру, генерал-майору П. К. Сухтелену. В инструкции, в частности, указывалось на то [36]

- чтобы крепости располагались на судоходных реках, на узлах дорог, на наиболее открытых участках границы и т. д., потому что эти крепости (имелись ввиду крепости на западной границе. – В. Б.) не предназначались для предотвращения попыток прорыва неприятельских войск в пределы государства, а представляли собой опорные пункты для армии как в оборонительной, так и в наступательной войне;

- что кроме крепостей, расположенных близко к границам, необходимо было иметь некоторое количество крепостей, расположенных в глубине территории государства для размещения в них главных баз снабжения и обеспечения. Они должны были располагаться таким образом, чтобы находились в центре позиционного района, в пределах которого нашей армии необходимо было совершать марши переброску воинских подразделений с одного участка на другой;

- что, помимо этого, должны были быть выбраны и изучены пункты, которые могут служить местами дислокации или расположения отдельных частей армии, а также спланировано, каким образом эти места расположения могут быть заняты нашими войсками в случае ведения оборонительной войны.

В заключение отметим, что на обороноспособность страны в XVIII столетии существенное влияние оказывали уровень развития экономики, накопленные и приобретенные теоретические и практические знания в области военно-инженерного искусства, научно-технического прогресса и разработанные проекты строительства оборонительных сооружений, а также фортификационная (инженерная) техника. В первую очередь, на развитие и совершенствование конструктивных особенностей военно-инженерной техники оказывала влияние техника, применявшаяся в области гражданского строительства. Способы строительства инженерных сооружений и оборонительных укреплений и их конструктивные особенности зависели от имеющейся инженерной техники различного профиля и назначения и должны были обеспечивать реализацию боевых требований, предъявляемых к фортификационным сооружениям подобного рода. В

целом, на развитие инженерного искусства значительное воздействие оказывал достигнутый уровень развития военного дела и военного искусства в тот или иной момент исторического развития государства. Это позволяет утверждать, что инженерное дело (фортификационное искусство), занимая определенное положение в области техники и военного искусства, неизменно отражает в себе состояние политического, экономического и военного развития государства.

Состояние военной организации любого государства, в первую очередь, определялось численностью армии, уровнем ее боеготовности и боеспособности, зависящим от тактической грамотности и способности командного состава управлять войсками в бою и умело применять на поле боя имеющееся вооружение и технику.

В рассматриваемый период на развитие военно-инженерного искусства немалое воздействие оказывали и средства поражения, среди которых главенствующее положение занимали артиллерийская техника и вооружение.

Однозначно можно утверждать, что развитие артиллерийского дела и вооружения шло в тесной взаимосвязи с совершенствованием военно-инженерного искусства, особенно в области обеспечения обороноспособности страны и защиты отдельных оборонительных сооружений и объектов.

Примечания и список литературы

1. Савельев А. И. Материалы к истории инженерного искусства в России. СПб. : Тип. Департамента военных поселений, 1853. 201 с.

2. Савельев А. И. Исторический очерк инженерного управления в России. Ч. 1. СПб. : Тип. Р. Голике, 1879. 324 с.; Савельев А. И. Исторический очерк инженерного управления в России. Ч. 2. СПб. : Тип. Р. Голике, 1879. 432 с.

3. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. II. Опыт исследования инженерного искусства в царствование Императора Петра Великого. СПб. : Императорская Академия Наук, 1861. 642 с.; Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. III. Опыт исследования инженерного искусства после императора Петра I до императрицы Екатерины II. СПб. : Императорская Академия Наук, 1865. 1016 с.

4. Яковлев В. В. Эволюция долговременной фортификации. М. : Гос. воен. изд-во, 1931. 287 с.; Яковлев В. В. История крепостей. М. : ООО «Фирма «Изд-во АСТ»; СПб. : ООО «Изд-во Полигон», 2000. 400 с.

5. Фриман Л. История крепости в России. Ч. I. До начала XIX столетия. СПб. : Паровая Скоропечатня А. В. Пожаровой, 1895. 247 с.; Столетие военного министерства. 1802–1902. Главное инженерное управление. Исторический очерк. Первый и второй очерки. СПб. : Тип. «Слово», 1902. I очерк. 675 с.; II очерк. 788 с.

6. Бенда В. Н. Основание Петром I русского инженерного корпуса в первой четверти XVIII века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2014. № 10. Ч. 2. С. 35–40; Бенда В. Н. К вопросу о зарождении военно-инженерного образования в России в начале XVIII в. // КЛИО : журн. для ученых. 2014. № 6 (90). С. 111–117.

7. Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 11. Л. 344.

8. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 3. Оп. 1. Д. 24. Л. 183; Д. 8. Л. 1.

9. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 894.

10. Бенда В. Н. Плюсы и минусы использования европейского опыта в развитии российской науки, образования и армии в XVIII в. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2–1. С. 52–62.

11. Ласковский Ф. Ф. Указ. соч. Ч. II. С. 268.

12. Мино ванн Кугорн. Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте. Которое на три маныры показуется во фортификавание внутренней величины. Французского рояльного штиугольника, в чем крепость нынешних сухих при мокрых рвах обретається. Купно же како ныне при море, или реках, крепости делаются, и коим образом тамо подобает строить. Каждая маныра атакована, и в пример положена, как в их крепостях на обе стороны, таж и о проторях со французскою, или с нынешним крепостным строением / Господина барона фон Кугорна, генерала артиллерии, генерала порутчика инфантерии, генерала правителя крепостного строения Статов Недерляндских и губернатора Фландерского, и крепостей при Шелде реке. В Левардене 1702 года. Напечатано же на российском языке. Повелением царского величества. М. : Моск. Печатный двор, ноябрь 1709. 168 с., [14] л. черт.

13. Ласковский Ф. Ф. Указ. соч. Ч. II. С. 269.

14. Борсдорф Э. Побеждающая крепость к счастливому поздравлению славной победы над Азовым и к счастливому въезду в Москву Его Царскому Величеству покорнейше поднесено от Ериста Фридерика барона, фон Борсдорфа. М. : [б/м изд.], 1709. 26 с.: 3 л. черт.

15. Блондель Н. Ф. Новая манера укрепления городов, учиненная через господина Блонделя, генерала порутчика войск короля французского. М. : [б/м изд.], 1711. 98 с.

16. Штурм Л. К. Архитектура воинская. Гипотетическая, и еклектическая: То есть верное наставление как разными немецкими, французскими, галанскими, и италианскими манырами. С добрым прибытком, так в регулярной, как в ирегулярной фортификации ползоватися возможно. Из седмидесят и более раз-

ных манир, которые от лутчих нынешних инженеров выбраны, от части же самим автором изданы.: В разговоре с некоторою высокою особою. изъявлено / От публичного профессора Штурма. И ныне повелением царского пресветлаго величества напечатано. М. : Моск. Печатный двор, 13 марта 1709. 237 с.: [53] л. черт.

17. Яковлев В. В. Эволюция долговременной фортификации... С. 87.
18. Там же. С. 84.
19. Фриман Л. Л. История крепости в России: Очерк. Ч. 1: До начала XIX столетия / Фриман Л., воен. инж.-подполк., препода. Николаев. инж. акад. и уч-ща. СПб. : Паровая скоропеч. и лит. А. В. Пожаровой, 1895. С. 124.
20. Фриман Л. Л. Указ. соч. С. 126.
21. Бенда В. Н. Анализ состояния русской артиллерии и инженерного корпуса под управлением Б. Х. Миниха в конце 20-х – начале 30-х гг. XVIII в. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: журн. науч. публикаций. 2014. № 12(71). Ч. I. С. 81–91.
22. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 4785а. Л. 4об-5об.
23. Ласковский Ф. Ф. Уз. соч. Ч. III. С. 9–19.
24. Фриман Л. Л. Указ. соч. С. 146.
25. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 2158. Л. 1об.
26. Фриман Л. Л. Указ. соч. С. 147.
27. Архив ВИМАИВ и ВС. Ф. 2. Оп. Сборная. Д. 3312. Л. 23об. 24об.
28. Там же. Оп. ШГФ. Д. 2158. Л. 3об.
29. Там же. Л. 5-6об.
30. Там же. Л. 8об-9.
31. Там же. Л. Л. 9об-10.
32. Там же. Оп. Сборная. Д. 3312. Л. 19об.
33. Там же. Оп. ШГФ. Д. 2158. Л. 1.
34. Бауэр Ф. Ф. Mémoires historiques et géographiques et militaires sur la Valaquie. Francfort et Leipsic: Chez Henry-Louis Broenner, 1778. 136 p.
35. Фриман Л. Л. Указ. соч. С. 150.
36. Там же. С. 150–151.

Notes and References

1. Savel'ev A. I. *Materialy k istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii* [Materials for the history of engineering in Russia]. SPb. Printing house of the Department of military settlements. 1853. 201 p.
2. Savel'ev A. I. *Istoricheskii ocherk inzhenernogo upravleniya v Rossii. Ch. 1.* [Historical background of engineering management in Russia. Part 1.] SPb. Typography Printing house of R. Golike. 1879. 324 p.; Savel'ev A. I. *Istoricheskii ocherk inzhenernogo upravleniya v Rossii. Ch. 2.* [Historical background of engineering management in Russia. Part 2.] SPb. Printing house of R. Golike. 1879. 432 p.
3. Laskovskii F. F. *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Ch. II. Opyt issledovaniya inzhenernogo iskusstva v tsarstvovanie Imperatora Petra Velikogo* [Materials for the history of engineering in Russia. Part II. The experience of the study of engineering art during the reign of Emperor Peter the Great] SPb. Imperial Academy of Sciences. 1861. 642 p.; Laskovskii F. F. *Materialy dlya istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii. Ch. III. Opyt issledovaniya inzhenernogo iskusstva posle imperatora Petra I do imperatritsy Ekateriny II* [Materials for the history of engineering in Russia. Part III. The experience of the study of engineering after the Emperor Peter I to Catherine II.] SPb. Imperial Academy of Sciences. 1865. 1016 p.
4. Yakovlev V. V. *Evolutsiya dolgovremennoi fortifikatsii* [The Evolution of long-term fortification]. M. State Military Publishing House. 1931. 287 p.; Yakovlev V. V. *Istoriya krepostei* [The history of the fortresses]. M. «Firma «Publishing house AST» LTD; SPb. «Publishing house Poligon» LTD. 2000. – 400 p.
5. Friman L. *Istoriya kreposti v Rossii. Ch I. Do nachala XIX stoletiya* [The History of the fortress in Russia. Pt. I. Until the early nineteenth century]. Spb. Steam Fastprint of A. V. Pozharova. 1895. 247 p.; *Stoletie voennogo ministerstva. 1802–1902. Glavnoe inzhenernoe upravlenie. Istoricheskii ocherk. Pervyi i vtoroi ocherki* [The centenary of the war Ministry. 1802–1902. The chief engineer's office. Historical sketch. The first and second essays]. SPb. Typ. «Slovo». 1902. I-st essay 675 p.; II-nd essay. 788 p.
6. Benda V. N. *Osnovanie Petrom I russkogo inzhenernogo korpusa v pervoi chetverti XVIII veka* [The foundation of the Russian engineering corps in the first quarter of XVIII century by Peter I] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. Tambov. Gramota. 2014, № 10, pt. 2, pp. 35–40; Benda V. N. *K voprosu o zarozhdenii voenno-inzhenernogo obrazovaniya v Rossii v nachale XVIII v.* [To the question about the origin of military engineering education in Russia in the early XVIII century] // *KLIO: Zhurnal dlya uchenykh* – CLIO. Journal for scientists. № 6(90), 2014, pp. 111–117.
7. Arkhiv Voенно-istoricheskogo muzeya artillerii, inzhenernykh voisk i voisk svyazi (Arkhiv VIMAIV i VS) [The archive of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Corps]. F. 2. Inv. 1. File 11. Sh. 344.
8. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA) [Russian state military historical archive]. F. 3. Inv. 1. File 24. Sh. 183; File 8. Sh. 1.
9. Arkhiv VIMAIV i VS. F. 2. Inv. 1. File 4. Sh. 894.
10. Benda V. N. *Plyusy i minusy ispol'zovaniya evropeiskogo opyta v razvitii rossiiskoi nauki, obrazovaniya i armii v XVIII v.* [The pros and cons of using European experience in the development of Russian science, education

and the army in the XVIII century] // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk – Actual problems of humanitarian and natural sciences. 2017, № 2–1, p. 52–62.

11. Laskovskii F. F. Op. cit. Part II. P. 268.

12. *Mino vann Kugorn. Novee krepostnoe stroenie na mokrom ili nizkom gorizonte: Kotoroe na tri maniry pokazetsya vo fortifikovanie vnutrennoi velichiny. Frantsuzskogo royalnogo shtiugolnika, v chem krepost' nyneshnikh sukhihkh pri mokrykh rvakh obretaetsya.: Kupno zhe kako nyne pri more, ili rekakh, kreposti delayutsya, i koim obrazom tamo podobaet stroit'. Kazhdaya manira atakovana, i v primer polozhena, kak v ikh krepostyakh na obe storony, takozh i o protoryakh so frantsuzskoyu, ili s nyneshnim krepostnym stroeniem. / Gospodina barona fon Kugorna, generala artilerii, generala porutchika infanterii, generala pravitel'ya krepostnogo stroeniya Statov Niderlyandskikh i gubernatora Flanderskogo, i krepostei pri Shelde reke. V Levardene 1702 goda. Napechatano zhe na rossiiskom yazyke. Poveniem tsarskogo velichestva [A new feudal structure on wet or low horizon: Which three maniry is seen in fortific inner value. French royal hexagon, what is the current fortress dry when wet ditches is acquired.: At the same time the way now the fortresses are built at the sea, the rivers – the way they are to be built. Each maneer is attacked, and is an example is laid as long as with the current serf structure / Mr. Baron von Cogorno, General of artillery, Lieutenant General of infantry, General of the ruler of the fortress of the structure of Stats Niderlandska and the Governor Finderscope, and fortresses at Selde the river. In Levatine 1702. Printed in the Russian language. By order of the king's Majesty]. M. Moscow Printing yar, november 1709. 168 p., [14] sh. charts.*

13. Laskovskii F. F. Op. cit. Part II. P. 269.

14. *Borsdorf E. Pobezhdayushchaya krepost' k schastlivomu pozdravleniyu slavnoi pobedy nad Azovym i k schastlivomu v'ezdu v Moskvu Ego Tsarskomu Velichestvu pokorneishe podneseno ot Erista Friderika barona, fon Borgsdorfa [Conquering fortress to happy greeting a glorious victory over Azov and to the happy entry of His Imperial Majesty humbly presented from Erista Frederic Baron von Borgsdorf]. M. 1709. 26 p.: 3 sh. charts.*

15. *Blondel' N. F. Novaya manera, ukrepleniya gorodov uchinennaya cherez gospodina Blondelya, generala porutchika voisk korolya frantsuzskogo [A new way of strengthening cities perpetrated through Mr. Blondel, General Lieutenant of the troops of the French king]. M. 1711. 98 p.*

16. *Shturm L. K. Arkhitektura voinskaya. Gipoteticheskaya, i eklekticheskaya: To est' vernoe nastavlenie kak raznymi nemetskimi, frantsuzskimi, galanskimi, i italianskimi manirami. S dobrym pribytkom, tak v regul'arnoi, kak v irregulyarnoi fortifikatsii polzovatsiya vozmozhno.: Iz sedmidesyat i bolee raznykh manir, kotorye ot lutchikh nyneshnykh inzhenerov vybrany, ot chasti zhe samim avtorom izdany.: V razgovore s nekotroyu vysokoyu osoboyu. iz"yavleno. / Ot publichnogo professora Shturma. I nyne poveniem tsarskogo presvetlago velichestva napechatano [Military Architecture. Hypothetical, and eklektikal: That is, the proper guidance of how the different German, French, Holand, and Italian maneers. How it is possible to use them with a good profit as in regular as in irregular fortification. From seventy and more different maneers, which are chosen from of today's engineers, in part, by the same author published. In a conversation with some high special are expressed. / From a public Professor Shturm. And now by the king's Magesty commandment is printed]. M. Moscow Printing yard, 13 March 1709. 237 p., [53] sh. charts.*

17. *Yakovlev V. V. Evolyutsiya dolgoremnoi fortifikatsii [Evolution of long-term fortification.]... P. 87.*

18. *Ibid.* P. 84.

19. *Friman L. L. Istoriya kreposti v Rossii: Ocherk. Ch. 1: Do nachala XIX stoletiya / Friman L., voen. inzh.-podpolk., prep. Nikolaev inzh. akad. i uch-shcha [History of the fortress in Russia: an Essay. Part 1: Before the beginning of the XIX century / Freeman, L., military engineer. -Lecturer of Nikolaev Engineer Acad. and Colledge]. SPb. Steam fastprint and lit. of A. V. Pozharova. 1895. P. 124.*

20. *Friman L. L. Op. cit.* P. 126.

21. *Benda V. N. Analiz sostoyaniya russkoi artillerii i inzhenernogo korpusa pod upravleniem B. Kh. Minikha v kontse 20-kh- nachale 30-kh gg. XVIII v. [Analysis of condition of Russian artillery and engineering corps under the management of B. H. Minich in the late 20's-early 30-ies of the XVIII century] // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. Zhurnal nauchnykh publikatsii – Actual problems of humanitarian and natural sciences. Journal of scientific publications. № 12(71), 2014, pt. I, pp. 81–91.*

22. *VIMAIV i VS. F. 2. Inv. ShGF. File 4785a. Sh. 4turn–5turn.*

23. *Laskovskii F. F. Op. cit. Part III. P. 9–19.*

24. *Friman L. L. Op. cit.* P. 146.

25. *VIMAIV i VS. F. 2. Inv. ShGF. File 2158. Sh. 1 turn.*

26. *Friman L. L. Op. cit.* P. 147.

27. *VIMAIV i VS. F. 2. Inv. Sbornaya. File 3312. Sh. 23turn. – 24turn.*

28. *Ibid. Inv. ShGF. File 2158. Sh. 3 turn.*

29. *Ibid. Sh. 5–6 turn.*

30. *Ibid. Sh. 8 turn – 9.*

31. *Ibid. Sh. 9 turn -10.*

32. *Ibid. Inv. Sbornaya. File 3312. Sh. 19 turn.*

33. *Ibid. Inv. ShGF. File 2158. Sh. 1.*

34. *Bauer F. F. Mémoires historiques et géographiques et militaires sur la Valaquis. Francfort et Leipsic: Chez Henry-Louis Broenner. 1778. 136 p.*

35. *Friman L. L. Op. cit.* P. 150.

36. *Ibid.* Pp. 150–151.

УДК 433.908

Деятельность уфимского губернатора И. Ф. Щербатского по совершенствованию работы органов местного управления*

Кантимирова Р. И.

кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и философских дисциплин, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета. 453103, г. Стерлитамак, просп. Ленина, 47а. E-mail: kantimirova.rezida@mail.ru

Аннотация: В статье представлен анализ деятельности уфимского губернатора И. Ф. Щербатского, которая была направлена на решение проблем государственного управления. На основе исторических документов автор приходит к выводу о том, что под руководством данного чиновника была разработана программа мер по улучшению деятельности органов местного управления, полицейских и судебных органов Уфимской губернии, в частности путем изменения административно-территориального деления. Будучи уфимским губернатором в период с 1873 по 1875 г., И. Ф. Щербатский особое внимание уделял проблемам в региональном управлении. Важной задачей считал урегулирование деятельности Уфимского городского общественного управления, борьбу с должностными преступлениями самих чиновников. Особо выделял чиновник вопросы общественного крестьянского управления и предпринимал шаги по ликвидации недостатков в его реализации.

Ключевые слова: И. Ф. Щербатский, губернатор, Уфимская губерния, деятельность, полицейские органы, крестьянские органы, административно-территориальное деление.

Activities of Ufa Governor F. I. Shcherbatsky in improving the work of local authorities

Kantimirova R. I.

candidate of historical sciences, associate professor of the Department of general history and philosophical disciplines, Sterlitamak branch of the Bashkir State University. 47A Lenin str., 453103, Sterlitamak. E-mail: kantimirova.rezida@mail.ru

Abstract: The article presents the analysis of the activities of the Ufa Governor F. I. Stcherbatsky, which was aimed at solving governance problems. On the basis of historical documents the author comes to the conclusion that under the leadership of the official has developed a program of measures to improve the activities of local authorities, police and judicial authorities of the Ufa province in particular, by changing the administrative-territorial division. Being Governor of Ufa in the period from 1873 to 1875 years, F. I. Stcherbatsky, special attention is paid to problems in the regional office. An important task considered regulation of the activity of Ufa city public administration, the fight against official crimes of the officials themselves. Emphasized the official public farm management and has taken steps to address deficiencies in its implementation.

Keywords: F. I. Stcherbatsky, the Governor of Ufa province, police authorities, peasant bodies, administrative-territorial division.

Деятельность уфимского губернатора Ипполита Федоровича Щербатского до сих пор не попадала в поле зрения историков, хотя эта личность заслуживает внимания ученых. Документы, сохранившие для нас отдельные фрагменты из его жизни, свидетельствуют о его несомненных административных способностях, активной деятельности и несомненном вкладе российского чиновника в развитие региона.

Ипполит Федорович родился в 1827 г. в дворянской семье и получил образование в Пажеском корпусе в Санкт-Петербурге. Будущий уфимский губернатор был участником венгерского похода 1849 г., в 1853–1856 гг. – Крымской войны. В 1859 г. И. Ф. Щербатский за особые заслуги на военном поприще получил звание полковника. В 1867 г. был награжден орденом Святого Владимира третьей степени, а в 1869 г. И. Ф. Щербатскому был пожалован майорат в Царстве Польском. 13 января 1870 г. по Царству Польскому он произведен за отличную службу в действительные статские советники [1]. Согласно указу от 2 марта 1873 г. И. Ф. Щербатский был назначен уфимским губернатором.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта СФ БашГУ, проект № В 17-67.

© Кантимирова Р. И., 2017

Став начальником края, И. Ф. Щербатский детально изучил положение дел в Уфимской губернии и предпринял меры для решения насущных проблем, тормозящих развитие региона. Для улучшения социально-экономического состояния губернии чиновник предлагал провести через подведомственную ему территорию новые железнодорожные пути. Детально изучив положение дел в народном здравоохранении в Уфимской губернии, он ходатайствовал об увеличении численности врачей и фельдшеров, предлагал открыть приемные покои в уездах, расширить больницы в Белебее и Стерлитамаке. Для повышения грамотности населения выступал с инициативой открыть в губернии ряд учебных заведений: реальные училища, гимназии, прогимназии, учительскую семинарию [2].

Не менее важной задачей чиновник считал улучшение состояния и деятельности местных органов власти. Будучи уфимским губернатором с 1873 по 1875 г., И. Ф. Щербатский особенно акцентировал внимание на проблемах в региональном управлении. Анализ прохождения документации в губернских учреждениях показывал, что поступающие прошения, ходатайства и жалобы сплошь и рядом не рассматривались – и так из года в год и по несколько лет. Например, в Уфимском губернском правлении к 1873 г. накопилось 2623 неразрешенных дела за прошлые годы. В 1873 г. было решено 2574 дела, а в 1874 г. – 2336. Исполнено бумаг: в 1873 г. – 19769, в 1874 г. – 10968. Осталось нерешенных дел: к 1873 г. – 2557, к 1874 г. – 2721.

Недостатки в работе органов управления усугублялись еще и высоким уровнем должностных преступлений самих чиновников. В 1873–1874 гг. было привлечено к суду 27 работников уездных присутственных мест и должностных лиц. В это же время в губернское правление поступило 238 жалоб на медленное исполнение уездных присутственных дел и незаконные действия должностных лиц, в итоге 99 чиновников получили выговор [3].

Не менее важной задачей государственный деятель считал урегулирование деятельности Уфимского городского общественного управления. В 1873 г. губернатор отмечал, что «несмотря на более благоприятные условия Уфы как губернского города, имеющего население более развитое, положение дел управления настолько неудовлетворительно, что вызывает постоянные жалобы со стороны городских обывателей и самих гласных на неправильные и даже противозаконные действия, медленность и нерадение властей Уфимской городской Управы». Как только И. Ф. Щербатский вступил в должность, ему поступали жалобы на действия городской Управы. В результате разбирательства уфимский губернатор для прекращения беспорядков предложил передать деятельность Управы на обсуждение Думы и с назначением следствия над служащим, виновным в злоупотреблениях властью. Главной причиной неудовлетворительного положения Уфимского городского общественного управления, считал губернатор, является неудачный выбор лиц, поставленных во главе общественного управления. Их деятельность отличается медлительностью и нерадением к исполнению своих обязанностей. Все сведения о неправильных действиях Управы были отправлены на рассмотрение губернского присутствия по городским делам и представлены в Правительствующий Сенат для предания суду Городского головы купца 2-й гильдии П. В. Попова и членов Управ [4].

Особо выделял чиновник вопросы общественного крестьянского управления и отмечал недостатки, обусловленные главным образом «низким уровнем и бедностью массы населения» [5]. Должности крестьянского общественного управления, отмечал государственный деятель, занимают лица неспособные и не пользующиеся хорошей репутацией. В результате только в 1873 г. в Уфимской губернии 107 должностных лиц крестьянского управления были привлечены к ответственности за нерадение и другие проступки. Губернатор признавал необходимость поднятия уровня образования населения для ликвидации недостатков в работе органов крестьянского управления. В Уфимской губернии, отмечал государственный деятель, лучшие члены общества уклоняются от работы в органах крестьянского управления, так как многочисленные обязанности лишают их возможности заниматься собственным хозяйством. К тому же за службу в органах крестьянского управления они ничего не получают. Поэтому среди должностных лиц крестьянских органов управления «встречаются неспособные, слабые, не всегда добросовестные лица». Например, только в 1873 г. 126 сельских старост были удалены от должности, из них 17 по неспособности, два – за нетрезвое состояние, 107 – за другие поступки [6].

Как сообщал мировой посредник П. И. Добротворский, в ходе ревизии волостного правления в 1873 г. в деревне Багады Белебеевского уезда, проводимого по указанию губернатора И. Ф. Щербатского, было установлено, что в волостных правлениях должностные лица не справляются со своими обязанностями. К волостным правлениям предъявляются такие требования, «которых они положительно не могут исполнить как по недостатку времени, так равно и по недостатку средств и недостаточному развитию волостных писарей». «Для того чтобы исполнить

все требования: вести как полагается книги, собирать разные сведения, доставлять отчетность, – утверждал П. И. Добротворский в сообщении И. Ф. Щербатскому, – состав писарей нужно, по крайней мере, утроить, а во главе их поставить такого человека, который по развитию и знанию дела мог бы быть хоть секретарем губернского правления» [7]. Но в ходе ревизии на губернатора самое приятное впечатление произвело волостное правление именно этой деревни Багады. В книгах – чистота, в делопроизводстве – безукоризненный порядок. Губернатор назвал это волостное правление образцовым. Мировой посредник П. И. Добротворский, просмотрев книги решений волостных судов, записи прихода и расхода денежных средств, утверждал, что подобная чистота в записи решений судей невозможна, так как решения пишутся со слов судей и в то время, когда они забирают само дело. Поэтому, объяснял посредник губернатору, очевидно, что эти решения писались после – «на досуге, весьма вероятно, не в том духе, как состоялось решение в действительности».

В неудовлетворительном состоянии находился и личный состав мировых посредников в Уфимской губернии, поэтому они не могли устраивать постоянный надзор за действиями должностных лиц. Мировыми посредниками были люди преклонного возраста либо не справляющиеся со своими обязанностями. На неправильные действия мировых посредников, представителей волостных и сельских учреждений поступали многочисленные жалобы [8].

Непосредственно губернатору и губернскому правлению подчинялись полицейские органы. Их деятельность в Уфимской губернии в период губернаторства И. Ф. Щербатского не лучшим образом отличается от функционирования полиции в других губерниях. В органах полиции губернии наблюдались медлительность в производстве исполняемых дел, скопление нерешенных бумаг, недостаток основательности в рассмотрении документов. К тому же в полицейских органах ощущался недостаток средств, выделяемых на канцелярские расходы. И материальное обеспечение чиновников полиции было неудовлетворительное. Потому в 1874 г. в отчете императору И. Ф. Щербатский указывал, что «даже на высшие полицейские должности в Уфимской губернии не представляется возможным привлечь людей не только с высшим юридическим образованием, но вообще развитых в достаточной степени, обладающих юридической практикой, по крайней мере, в пределах необходимости для полицейского чиновника». Таким образом, писал губернатор, деятельность полицейских органов не может быть признана удовлетворительной [9]. Из-за низкого материального обеспечения в полицейских органах Уфимской губернии наблюдался недостаток способных и опытных чиновников, так как полицейские при первой же возможности переходили на службу в другие ведомства. Губернатор считал, что одной из основных причин, мешающих работать полицейским органам, является то, что Уфимская губерния занимает огромную территорию. В 1873 г. общая площадь губернии составляла 104 296 кв. версты. Население региона насчитывало 1 460 426 человек. Чиновник указывал на несовершенство административно-территориального деления, которое осложняло деятельность полицейских органов. Уфимская губерния была разделена всего на шесть уездов. Самым обширным уездом считался Бирский, затем следовали Белебеевский, Стерлитамакский, Уфимский и Златоустовский уезды. Площадь Бирского уезда с населением в 32 660 человек равнялась площади некоторых губерний Российской империи. Население Уфимского, Мензелинского, Стерлитамакского и Белебеевского уездов составляло от 205 000 до 281 560 человек [10].

Огромные пространства губернии затрудняли деятельность полицейских учреждений по охране общественной безопасности, обеспечению соблюдения законов по взиманию податей и других сборов, по охране казны и частных лиц, по преследованию преступлений. Таким образом, деятельность полицейских органов осложнялась следующими факторами: несовершенством административно-территориального деления губернии; огромными пространствами региона; отсутствием усовершенствованных путей сообщения. Об этом И. Ф. Щербатский писал в отчетах императору в 1873–1875 гг. Выход из этого положения губернатор видел в учреждении в губернии двух новых уездов – Байкинского и Бакалинского, с преобразованием сел Байки (Бирский уезд) и Бакалы (Белебеевский уезд) в города и центры этих уездов. Тогда разделение Уфимской губернии на восемь уездов совпало бы с делением волостей и вновь образованных призывных участков.

Уфимский губернатор считал, что разделение губернии на восемь уездов привело бы к более равномерному распределению состава полиции соответственно территории и лежащих на них обязанностях. К тому же новое административно-территориальное деление губернии, утверждал начальник края, «пробудило бы производительные богатые силы губернии и в непродолжительном времени поставило бы ее наряду с самыми богатыми губерниями Российской империи» [11]. Но ходатайство было оставлено без внимания.

**Уездное деление Уфимской губернии по проекту уфимского губернатора
И. Ф. Щербатского в 1873 г. [12]**

Уезды	Население	Площадь, кв. верст	Призывные участки
1. Уфимский	187 210	13 772	6
2. Златоустовский	106 334	14 169	3
3. Байкинский	135 686	15 628	4
4. Стерлитамакский	207 102	18 132	6
5. Белебеевский	175 658	14 252	5
6. Бакалинский	146 294	8354	4
7. Бирский	215 508	10 111	6
8. Мензелинский	228 819	9878	7

Кроме этого в целях улучшения деятельности полицейских органов губернатор предавал суду чиновников, назначал административные взыскания, производил замену некоторых должностных лиц другими. В сентябре 1874 г. И. Ф. Щербатский выпустил особый циркуляр для служащих чиновников полиции Уфимской губернии. В нем были указаны все узаконения и распоряжения для полицейских чинов, содержащихся в различных томах свода законов Российской империи. Особое внимание было уделено инструкциям по взиманию сборов, податей и повинностей с указанием практического применения этих правил. В результате эта мера благоприятно отразилась на поступлении окладных и других сборов в 1874 г. [13]

В 1874 г. губернатор назначил особую комиссию, в которую были включены советники губернского правления. Комиссия тщательно провела ревизию Уфимского городского полицейского управления. В ходе проведенной ревизии в деятельности полицейского управления были выявлены существенные недостатки. Полицейскому управлению была свойственна крайняя медлительность в производстве исполняемых дел. В 1874 г. в полицейских управлениях было решено 10 640 дел, не исполнено 147 228 бумаг, что составило в среднем 1520 дел и 21032 бумаги на каждое полицейское управление. Анализ прохождения документации в полицейских органах показывает, что поступающие прошения, ходатайства и жалобы не рассматривались из года в год и по несколько лет. На основании выявленных недостатков ревизионной комиссии уфимский губернатор приказал улучшить делопроизводство и привести его в соответствии с законом [14].

В августе 1875 г. начальник края ходатайствовал перед комиссией о губернских и уездных учреждениях при полицейском отделении МВД об увеличении состава исполнительных чиновников Уфимской губернии и о сокращении размера стантовых округов. Это требовалось для улучшения деятельности полицейских органов. Вместе с тем все принимаемые меры оказались недостаточными и не принесли большого успеха. Губернатору не удалось привести в полный порядок делопроизводство полицейских органов. На это были объективные причины. В отчете императору в 1875 г. И. Ф. Щербатский сообщал, что «местными средствами поставить полицию во всех отношениях в положение, вполне соответствующее назначению, не представляется возможным».

Губернатор и губернское правление осуществляли надзор и за расположенными на территории губернии тюрьмами. В 1873 г. тюремные замки в Уфимской губернии находились в Уфе, Стерлитамаке, Мензелинске, Бирске, Белебее. Один рабочий дом со смиренным отделением был в Уфе и два этапа – в Мензелинском и Златоустовском уездах. Уфимский губернатор в 1873 г. лично осмотрел несколько тюремных замков и пришел к выводу, что они находятся в неудовлетворительном состоянии. Многие помещения тюремных замков не соответствовали своему назначению и находились в весьма ветхом состоянии. Требовался капитальный ремонт зданий тюрем в Стерлитамаке, Мензелинске и Бирске. Бедственное положение сложилось в Златоусте, который находится в отдалении от других городов на 550 верст и не имел вообще тюремного замка. Арестанты Златоуста помещались в бывшей заводской гауптвахте. При личном осмотре губернатором Златоустовской гауптвахты оказалось, что в ней нет даже комнаты для караула. Всего в тюремных замках Уфимской губернии в 1873 г. содержалось 5160 заключенных, в 1874 г. – 5773 и в 1875 г. – 4953 человека [15].

Губернское начальство неоднократно ходатайствовало о постройке новых тюремных замков в Бирске и Мензелинске. Чиновник в 1874 г. считал необходимым построить каменные здания на 150 человек в Стерлитамаке. В 1875 г. он ходатайствовал перед МВД о постройке в г. Уфе нового здания для рабочего дома со смиренным отделением. В 1875 г. в г. Златоусте губернское правление для содержания арестантов распорядилось нанять частный дом Соловьева за 240 руб. в год, сроком на шесть лет. В итоге местные органы власти смогли только сделать некоторые перестройки в тюремных замках и провести капитальный ремонт. Многие ходатайства были отложены ввиду предстоящего переустройства тюрем применительно к правилам судебных уставов 20 ноября 1864 г.,

введения которых в Уфимской губернии ожидалось. Поэтому содержание в тюрьмах оставалось неудовлетворительным. Из-за тесноты помещений, ветхости зданий наблюдались скопление и скученность арестантов, а вследствие этого антисанитария, высокая степень заболеваемости среди заключенных. Вместе с тем уфимский губернатор отмечал, что, несмотря на ветхость и тесноту тюремных помещений в Уфимской губернии, в 1873 г. среди арестантов не было совершено никаких преступлений, а также не было ни одного случая побега [16].

В своих отчетах за 1873–1875 гг. уфимский губернатор затрагивал деятельность судебных учреждений. Судебная система в крае функционировала на основе «Учреждений для управления губернией Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. После введения «Положения о башкирах» от 14 мая 1863 г. общая судебная система состояла из волостных судов для всех сельских обывателей, уездных судов для дворян и сельских обывателей по делам, выходящим за пределы компетенции волостных судов, городских магистратов и ратуш для купцов и мещан [17]. Последние были ликвидированы в 1866 г. Общесловными апелляционно-ревизионными органами для них были Оренбургские и Уфимские палаты уголовного и гражданского суда [18]. В 1873 г. в отчете императору И. Ф. Щербатский писал, что судебные учреждения в Уфимской губернии остаются непреобразованными, хотя соседние губернии (Казанская, Пермская, Вятская) пользуются новым судопроизводством. В Уфимской губернии местные судебные учреждения с каждым годом все более утрачивали доверие из-за несостоятельности, а также медленного и формального решения дел. Особенно неудовлетворительное положение дел сложилось в Стерлитамакском уездном суде. Также в результате ревизии судебных учреждений Уфимской губернии в 1873 г. были обнаружены беспорядки и неправильное ведение дел [19]. Во время проверки делопроизводства волостных правлений выяснился недостаточный надзор со стороны мировых посредников. Например, злоупотребления в их деятельности были замечены по делам о продаже свободных башкирских земель. В 1874 г. в губернии были отстранены от исполнения должности два мировых посредника, а один был предан суду правительствующим Сенатом. В деятельности этих должностных лиц были обнаружены умышленные злоупотребления властью и корысть в разрешении дел. Личный состав мировых посредников в Уфимской губернии, утверждал чиновник, был неудовлетворительным, а потому губернскому начальству поступали многочисленные жалобы. У И. Ф. Щербатского был свой взгляд на решение этой проблемы. В 1874 г. он предлагал упразднить институт мировых посредников в Уфимской губернии и ввести судебные учреждения, так как мировые посредники совсем утратили доверие со стороны крестьян и помещиков.

Все вышеуказанные факты свидетельствуют о том, что под руководством губернатора И. Ф. Щербатского была разработана целая программа мер по улучшению функционирования деятельности органов местного управления, полицейских и судебных органов, изменению административно-территориального деления Уфимской губернии.

Примечания и список литературы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1284. Оп. 49. Д. 32. Л. 2.
2. Кантимирова Р. И., Павлова О. С. Деятельность уфимского губернатора И. Ф. Щербатского по развитию медицины в крае // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (61). Ч. 2. С. 94–98.
3. Национальный архив Республики Башкортостан. (НА РБ) Ф. И. 9. Оп. 1. Д. 1679. Л. 118; Ф. И. 9. Оп. 1. Д. 1680. Л. 21.
4. НА РБ Ф. И. 9, Оп. 1. Д. 1679. Л. 119.
5. Там же. Л. 108–109.
6. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3726. Л. 349.
7. Добротворский П. И. Губернаторская ревизия (из истории голодных годов). Уфа : Печатня И. К. Блохина, 1907. С. 14.
8. НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1679. Л. 17–18.
9. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3857. Л. 23.
10. НА РБ Ф. И. 9. Оп. 1. Д. 1680. Л. 24.
11. НА РБ. Ф. И. 9. Оп. 1. Д. 550. Л. 2–8.
12. НА РБ. Ф. И. 9. Оп. 1, Д. 1679. Л. 127–128.
13. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3857. Л. 23.
14. НА РБ. Ф. И. 9. Оп. 1. Д. 1681. Л. 22–23.
15. НА РБ Ф. И. 9. Оп. 1. Д. 1679. Л. 165; Ф. И. 9. Оп. 1. Д. 1680. Л. 66–67.
16. НА РБ Ф. И. 9. Оп. Д. 1679. Л. 99.
17. Гибадатов У. И. Судебная реформа 1864 года в Башкирии: историко-правовые исследования / ИИЯЛ УНЦ РАН. М. : Наука, 2008. С. 73.
18. НА РБ. Ф. 332. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–10.
19. НА РБ Ф. И. 9. Оп. 1. Д. 1679. Л. 121–122.

Notes and References

1. The Russian state historical archive (RGIA) F. 1284. Inv. 49. File 32. Sh. 2.
2. Kantimirova R. I., Pavlova O. S. *Deyatel'nost' ufimskogo gubernatora I. F. SHCHerbatskogo po razvitiyu meditsiny v krae* [Activities of the Ufa Governor F. I. Shcherbatsky on the development of medicine in the region] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* – Historical, philosophical, political and law sciences, culturology and study of art. Issues of theory and practice. 2015, № 11 (61), part 2, pp. 94–98.
3. The national archive of the Republic of Bashkortostan. (NA RB) F. И. 9. Inv. 1. File 1679. Sh. 118; F. И. 9. Inv. 1. File 1680. Sh. 21.
4. NA RB F. И. 9. Inv. 1. File 1679. Sh. 119.
5. Ibid. Sh. 108–109.
6. RGIA. F. 1263. Inv. 1. File 3726. Sh. 349.
7. *Dobrotvorskiy P. I. Gubernatorskaya reviziya (iz istorii golodnykh godov)* [Governor's revision (from the history of famines)]. Ufa. Printing House of I. K. Blokhin. 1907. P. 14.
8. NA RB. F. И 9. Inv. 1. File 1679. Sh. 17–18.
9. RGIA. F. 1263. Inv. 1. File 3857. Sh. 23.
10. NA RB F. И. 9. Inv. 1. File 1680. Sh. 24.
11. NA RB. F. И. 9. Inv. 1. File 550. Sh. 2–8.
12. NA RB. F. И 9. Inv. 1. File 1679. Sh. 127–128.
13. RGIA. F. 1263. Inv. 1. File 3857. Sh. 23.
14. NA RB. F. И 9. Inv. 1. File 1681. Sh. 22–23.
15. NA RB F. И. 9. Inv. 1. File 1679. Sh. 165; F. И. 9. Inv. 1. File 1680. Sh. 66–67.
16. NA RB F. И. 9. Inv. File 1679. Sh. 99.
17. *Gibatov U. I. Sudebnaya reforma 1864 goda v Bashkirii: istoriko#pravovye issledovaniya* [Judicial reform of 1864 in Bashkortostan: historical and legal research] / Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center RAS. M. Nauka. 208. P. 73.
18. NA RB. F. 332. Inv. 1. File 2. Sh. 7–10.
19. NA RB F. И. 9. Inv. 1. File 1679. Sh. 121–122.

УДК 94 (470)

«Виновным себя не признаю...»: жизнь протоиерея В. М. Филипьева (1874–1937)

Никонова С. И.

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и философии,
Казанский государственный архитектурно-строительный университет. 420043, г. Казань,
ул. Зеленая, 1. E-mail: svetakgasu@rambler.ru

Аннотация: В статье рассмотрены жизненные реалии представителя духовной интеллигенции протоиерея В. М. Филипьева, более 40 лет прослужившего настоятелем небольших сельских приходов Вятской губернии. В судьбе потомственного сельского священника отразились яркие, драматические и трагические страницы отечественной истории, истории российской провинции конца XIX и первых десятилетий XX в. Выявлены особенности повседневной жизни семьи сельского священника, бытовые условия, взаимодействие с крестьянской общиной. Рассмотрены изменения в традиционном укладе жизни священнослужителя после революции 1917 г., выделены основные моменты государственно-конфессиональных отношений в первые десятилетия советской власти, механизмы проведения антирелигиозной политики и репрессий в отношении священников на конкретном примере судьбы протоиерея В. М. Филипьева. Опора на широкий круг источников позволила автору составить краткий очерк истории жизни Владимира Михайловича Филипьева, вплоть до его трагической гибели в сталинских лагерях.

Ключевые слова: духовная интеллигенция, сельский священник, законоучитель, земские школы, протоиерей, репрессии, антицерковная политика.

“I pleaded not guilty... “: the life of archpriest V. M. Filipev (1874–1937)

Nikonova S. I.

doctor of historical sciences, professor, head of Department of history and philosophy,
Kazan State University of Architecture and Construction. 1 Zelenaya str., 420043, Kazan.
E-mail: svetakgasu@rambler.ru

Abstract: The article deals with the realities of life of archpriest Vladimir Filipyev, representative of the rural religious intelligentsia. The fate of a hereditary village priest reflected the bright dramatic and tragic pages of Russian history, the history of the Russian province of the late XIX and the first decades of the XX century. The peculiarities of the life style of the family of a village priest, living conditions, family ties are revealed. Changes in the traditional way of life of the clergyman after the revolution of 1917 are considered, attention paid to the state-confessional relations in the first decades of Soviet government and to the mechanisms for conducting anti-religious policies and repressions against priests on a specific example of the fate of archpriest V. M. Filipeva. Reliance on a wide range of sources allowed the author to make a brief outline of the life story of Vladimir Mikhailovich Filipev, right up to the tragic death in Stalin's camps

Keywords: spiritual intelligentsia, the rural priest, the teacher of Zemsky school, Archpriest, repression, anti-clerical policy.

Великая российская революция 1917 г. четко разделила жизнь страны и каждого ее жителя на две части. До 1917 г. – традиционный для поколений российских граждан уклад жизни, сложившаяся веками иерархия ценностей, социальная структура, картина мира и духовная жизнь. Особое место в сословном реестре занимало духовенство, значительную часть которого составляли сельские приходские священники, имевшие несомненное влияние на умы и души своей паствы. Можно по праву отнести представителей сельского духовенства к категории духовной интеллигенции, разделяющей с крестьянским миром бытовые трудности, семейные невзгоды, а также драматические события в истории страны.

После 1917 г. за короткое время привычные жизненные реалии трансформируются, определены новые ценностные категории, уничтожена старая и создана новая иерархия социальных групп, из которой исключены целые сословия, которым новая власть отказала в гражданских правах, они превратились в «бывших» граждан, потеряли собственность, право на профессию, а зачастую и на жизнь.

Среди ставших опасными профессий – священничество, на которое советская власть обрушила все доступные ей механизмы воздействия. В экстремальных условиях проявлялись лучшие и худшие качества человека и профессионала. Тысячи священников были физически устранены в первые годы новой власти, еще большее число подверглось репрессиям в 1930-е гг.

В судьбе потомственного священника В. М. Филипьева, более 40 лет прослужившего настоятелем небольших сельских приходов Вятской губернии, нашли отражение серьезные изменения в духовной жизни народа, в кратчайшие сроки прошедшего путь от мира традиционных ценностей, в иерархии которых православие занимало ведущее место, в мир новых смыслов, реалий, из которого были исключены многие прежние духовные ценности, выстроены качественно новые государственно-конфессиональные отношения. В новом мире не было места носителям прежних духовных ценностей и, прежде всего, священнослужителям.

Владимир Михайлович Филипьев родился в 1874 г. в семье сельского священника села Верховино Вятской губернии. В семье было семеро детей, и после ранней смерти отца мать Афанасия Ивановна вырастила их одна. В клировой ведомости Преображенской церкви села Верховино 1890 г. в составе причта значится «просфорница-вдова Афанасия Иоаннова, умершего священника сей церкви Михаила Филипьева жена, 39 лет. На должность просфорницы определена 9 ноября 1885 г. Пропитывается добровольным подаянием от прихожан с получением из Вятского о бедных духовного звания попечительства по 15 руб. в год и от церкви по 9 руб. Ее дети: 1. Николай – по увольнении из Вятского духовного училища занимается в Верховском волостном правлении; 2. Сергей – находится при матери; 3. Владимир – обучается в 2 классе Вятской духовной семинарии на полном казенном содержании, поведения хорошего; 4. Иоанн – обучается в 4 классе Вятского духовного училища на казенном содержании, поведения хорошего; 5. Александр – обучается в 3 классе Вятского духовного училища на казенном содержании, поведения хорошего; 6. Мария – обучается в 2 классе Вятского епархиального училища на средства по опеке, поведения скромного; 7. Екатерина» [1].

В 1895 г. Владимир Филипьев окончил Вятскую духовную семинарию с аттестатом 1-го разряда. Трое выпускников 1-го разряда (в числе их – В. Филипьев) получали право на обучение в Духовной академии, но юноша выбрал иное: стал сельским священником.

Владимир Михайлович был рукоположен в сан иерея 6 августа 1895 г. и определен на службу в Пророко-Ильинскую церковь с. Балахна Котельничского уезда Вятской губернии, 18 января 1897 г. перемещен в Предтеченскую церковь с. Монастырское Орловского уезда Вятской губернии, в которой прослужил почти двадцать лет.

Жизнь сельского священника проходила в разнообразных трудах и заботах. Крестьянская община и церковь жили в едином ритме, в соответствии с церковным календарем и событийными обрядами (венчания, крещения, отпевания). Таким образом, настоятель оставался, пожалуй, главным лицом крестьянского мира, общественной и частной жизни общества. Священническая деятельность отца Владимира была отмечена церковным начальством. Так, в 1899 г. он награжден набедренником, в 1904 г. – скуфьей, в 1913 г. – камилавкой [2]. В клировой ведомости Предтеченской церкви села Монастырское на 1907 г. записано о В. М. Филипьеве: «Имеет грамоту. Поведения отличного. Весьма усерден в благоустройстве своего приходского храма... Живет в новом деревянном церковном доме на церковной земле. Постоянного жалования не получает. Пропитывается он со своим семейством от получения добровольной платы за требоисправления и добровольных сборов от прихожан. Средняя денежная доходность по братской книге за последнее трехлетие выражается суммой 975 руб. 14 коп., из коих на долю священника приходится 487 руб. 57 коп. Председатель церковно-приходского попечительства при церкви с 13 августа 1900 г.» [3].

В 1915 г. доходы священника составляли: «...содержания из казны 294 руб. в год, за требоисправления 555 р. 75 коп.; за законоучительство в земских училищах по 60 руб. и в церковной школе 30 руб.» [4]. В семье священника к этому времени было трое детей, поэтому для «пропитания» держали птицу и скотину, разводили огород, а также «держали стол» для чужих людей.

Кроме основной, собственно, священнической деятельности в обязанности сельского священника входило обучение крестьянских детей Закону Божьему. На территории прихода имелись школы: церковная Монастырская с 1896 г.; земские – Монастырская с 1881 г., Старцевская с 1908 г. и 2-я Коршуновская с 1909 г. Отец Владимир с 1 апреля 1897 г. состоял в должности законоучителя Монастырской земской школы, а с 27 сентября 1908 г. одновременно и Старцевской земской школы. Его педагогическая деятельность проходила успешно. В течение нескольких лет (1909–1911 гг. и 1913–1915 гг.) священник избирался депутатом Вятского училищного съезда.

В. М. Филипьев не только преподавал в земских школах, он взял на себя обязанность опекать молодых учителей, направляя их педагогическую деятельность и духовное развитие. Так, в начале XX в. в земские школы уезда были направлены молодые учительницы – выпускницы Ор-

ловской Татианинской женской гимназии. Закрепилось неофициальное название этой гимназии – «крестьянская», связанное с тем обстоятельством, что в гимназию за казенный счет принимали девочек из крестьянских семей, имеющих определенные способности и желание учиться. Так, выпускницами Орловской Татианинской гимназии, направленными в Монастырскую волость Орловского уезда, были Ирина Михайловна Багаева и Анна Стефановна Филимонова, обе – сироты из беднейших крестьянских семей. Окончив с отличием 8-й (педагогический) класс гимназии в 1909 г., И. Багаева и А. Филимонова получили назначение в Монастырскую земскую школу [5]. Молодые учительницы столовались в семье отца Владимира, а матушка Надежда Васильевна взяла над ними шефство: помогала одеваться, советовала, как себя вести в обществе, что читать, наставляла в жизни. Священник и его жена опекали девушек до свадьбы, а матушка стала крестной матерью для их детей.

Первая мировая война изменила привычный порядок жизни, мобилизация еще более усугубила тяжелое положение крестьянских семей, многие оказались на грани голода и нуждались в помощи. В период войны проводили свою работу наряду с государственными также и общественные благотворительные организации помощи семьям солдат, оставшимся без кормильца. Практически в каждой губернии были созданы попечительские общества, отделения которых плодотворно работали в уездах и волостях. Во главе этих организаций стояли авторитетные в обществе люди. В Монастырской волости председателем попечительства избран иерей В. М. Филипьев.

В трудные военные годы осуществилась мечта отца Владимира о работе в приходе отца. 16 октября 1916 г. согласно прошению он перемещён на настоятельскую священническую вакансию в церковь с. Верховино Орловского уезда.

Преображенская церковь с. Верховино упоминается в документах с начала XVII в. в связи с обретением чудотворного образа Преображения Господня («Спас Колотый»). В 1750–1755 гг. на месте старого деревянного храма построена каменная церковь, в 1865 г. возведен новый теплый храм. В 1816 г. «в 50 саженьях от церкви на местопоявления Чудотворной иконы Преображения Господня» построена каменная часовня [6].

В селе работали больница, школа, библиотека, открытые врачом-подвижником Савватием Ивановичем Сычуговым (1841–1902 гг.) в конце XIX в., а также сельское училище и земская станция. Помимо службы в храме отец Владимир «проходил должность» законоучителя Верховского двухклассного училища с 1 декабря 1916 г.

Революционные события 1917 г. повлияли на все стороны жизни общества, в том числе и удаленных от центра страны провинций. Вятская губерния оказалась на линии фронта Гражданской войны в 1918–1919 гг. Постановлением Вятского губернского чрезвычайного военно-революционного штаба (ВРШ) 2 августа 1918 г. Вятка и Вятская губерния были объявлены на военном положении, в августе военные действия вплотную приблизились к территории Вятской губернии, в ряде уездов вспыхнули восстания. В 1919 г. на вятские земли наступали части А. В. Колчака, в ноябре 1919 г. Орловский в числе других северных вятских уездов был объявлен на военном положении. Только к концу 1919 г. красные части смогли отбросить отряды А. В. Колчака с территории губернии [7].

Положение сельских священников при утверждении новой власти было весьма опасным. Могли расстрелять «случайно» на ступеньках храма за «контрреволюционные высказывания». Так, в 1918 г. был арестован и расстрелян Алексей Лопатин [8]. В конце XIX в. он был священником вс. Верховино, а в 1918 г. служил протоиреем Преображенского собора г. Слободского.

Иерей Владимир Филипьев являлся последним настоятелем храма Преображения Господня и исполнял свой профессиональный долг вплоть до закрытия храма в феврале 1937 г. [9] После 1917 г. профессиональная причастность к «служению культу», принадлежность к духовному сословию являлись основанием для различного рода притеснений со стороны властей, а также судебного преследования. Священники были лишены многих гражданских прав, по отношению к членам их семей также применялись репрессивные меры.

Так, в 1929 г. лишена избирательных прав дочь отца Владимира Екатерина (20 лет): «...на основании инструкции ВЦИК от 4/XI-1926 г. лишить Филипьеву Екатерину Владимировну избирательных прав как иждивенца служителя культа» [10].

Профессиональная деятельность В. М. Филипьева шла довольно успешно. Он занимал должность благочинного 4-го округа Орловского (Халтуринского) уезда с 27 октября 1916 г. по 26 января 1923 г. и с 20 мая 1927 г. по 15 ноября 1932 г. В апреле 1921 г. он дослужился до протоиерея, в 1927 г. был награжден наперстным крестом с украшениями.

Советская власть наступала на служителей культа, подвергая их репрессиям различного рода. Протоирей В. Филипьев подвергался им наряду с тысячами священников.

Первый арест и судебное разбирательство были применены по отношению к В. М. Филипьеву в 1930 г. Он был осужден по ст. 62 УК РСФСР (Организованное по взаимному соглашению сокрытие

или неверное показание количества подлежащих обложению или учету предметов). «Гражданский суд 25 декабря 1930 г. за неплатеж церковных налогов приговорил на год принудительной работы, каковую выполнил, и к штрафу 1000 рублей. Постановлением президиума крайсуда от 4 мая 1932 г. приговор отменен и судебное дело прекращено за отсутствием состава преступления. Выдана выписка из протокола заседания президиума суда № 21 от 4 мая 1932 г.» [11].

Советская власть продолжала наступление на представителей «чуждых» классов: лишила семью В. М. Филипьева дома. «Гражданским судом 4 мая 1931 г. по иску райисполкома собственный дом с постройками, устроенный в 1924–25 гг. по законам советского правительства на коммунальной земле, признан муниципализированным» [12]. К сожалению, не представляется возможным установить, где жила семья священника после муниципализации дома. Можно предположить, что отец Владимир с семьей переехал в д. Погорелка (3 км от с. Верховино), поскольку на этот адрес батюшке приходила корреспонденция.

Также на священника возложены обязательства по мясопоставкам, как на крестьянина-единоличника. В ответ на его жалобу в Кировский крайисполком «служителю культа Филипьеву Владимиру Михайловичу, проживающему в деревне Погорелка Верховинского сельсовета Верховинского района» от 9 июня 1935 г. указано: крайисполком считает решение Верховинского райисполкома правильным и одновременно разъясняет, что согласно постановлению ВЦИК от 25 декабря 1934 г. служители культа, не имеющие кулацких признаков, привлекаются к мясопоставкам по нормам как крестьяне-единоличники. Поэтому Вашу жалобу возвращаем без удовлетворения» [13].

11 ноября 1932 г. протоиерей В. Филипьев получил согласие архиепископа на перемещение к церкви села Великокаицкое, но остался служить в Верховино, «как удержанный церковной общиной до надобности, ощутившейся с открытием 12 декабря 1932 г. церкви в Верховино, и как призванный собранием верующих 25 января 1933 г.» [14]. Церковь с. Верховино почти год была закрыта, так как настоятель был на исправительных работах по ошибочному, как оказалось, приговору, и открылась, когда он отбыл наказание. До сих пор остается неясным, почему не воспользовался открывшейся вакансией и не уехал в с. Великокаицкое, ведь в Верховино его семье даже жить было негде. Вероятно, удержало чувство долга по отношению к своей пастве, верности отцовской кафедре, родной церкви. Остался, безусловно понимая, что трагическая развязка приближается.

Второй раз В. М. Филипьев арестован и осужден в 1936 г. по ст. 162 (Тайное похищение чужого имущества (кража)). К сожалению, данные о деталях данного судебного процесса отсутствуют, однако сам факт ареста и суда по несправедливому обвинению, несомненно, нанес пожилому протоиерею душевный удар, но он продолжал службу в храме вплоть до его закрытия в феврале 1937 г.

В конце 1930-х гг. Преображенский храм постигла та же судьба, что и большинство церквей в соседних селах: склады, мастерские в алтарях, зернохранилища... Чудотворный образ «Спас Колотый» был утрачен, с тех пор его следы теряются. Пожилой батюшка и его жена остались без средств существования, и Владимир Михайлович вынужден был устроиться на работу на лесозаготовку. Работа была тяжелая для 64-летнего священника, к тому же оплату производили крайне нерегулярно, что вызывало недовольство рабочих.

16 ноября 1937 г. В. М. Филипьев был арестован. Ему предъявлено обвинение по ст. 58-10 УК РСФСР. Владимир Михайлович обвинялся в том, что в 1936 и 1937 гг. вел активную контрреволюционную деятельность, а «в августе 1937 г., используя финансовое затруднение лесозаготовителя, вел активную контрреволюционную агитацию, организуя рабочих не выходить на работы, заявляя, что денег нет, хлеба тоже, рабочих мроят с голоду, советская власть задушила, надо организовано не выходить на работу... В октябре 1937 г. при разделке древесины забивал в кряжи железные предметы для производства аварийности, с тем, чтобы сорвать работу лесопильного завода...». «В период весеннего сева 1937 г. Филипьев вел контрреволюционную агитацию за срыв сева, объяснял тем, что надо недодавать кормов лошадям и выводить их из строя, чтобы сорвать сев» [15].

В. М. Филипьев не признал себя виновным ни по одному пункту обвинения. Так, в протоколах допроса от 19 ноября 1937 г. Владимир Михайлович не признает участие во «вредительской и диверсионной работе, направленной на срыв выполнения государственного плана лесозаготовок», объясняя, что работал «на разделке древесины на погореловском лесозаготовке всего два месяца (сентябрь и октябрь 1937 г.), проводил разделку мелкой древесины, никакой вредительской работы не вел, виновным себя не признаю». В. М. Филипьев дает отрицательные ответы и на следующие вопросы: «Вы умышленно забивали в древесину гвозди с целью аварийности лесопильного завода? Признаете ли Вы, что вели контрреволюционную пораженческую агитацию, направленную против колхозного строительства?» Кроме того, в вину вменялось знакомство со священником с. Великокаицкое Мещеряковым (к тому времени осужденным) и арестованным архиереем Киприяном [16].

27 ноября 1937 г. на заседании Особой тройки при УНКВД Кировской области было заслушано дело № 5490 по обвинению В. М. Филипьева и вынесен суровый приговор. «Постановили:

Филиппева Владимира Михайловича заключить в исправтрудлагерь сроком на 10 (десять) лет, считая срок с 15 ноября 1937 г.» [17]

К сожалению, проследить дальше жизненный путь В. М. Филиппева не представляется возможным, не известны судьбы его жены Надежды Васильевны и детей. Установлено, что в 1931 г. был осужден по ст. 58-10 брат Владимира Михайловича – Иван Михайлович, протоиерей церкви с. Анкушино Кирово-Чепецкого района Кировской области (реабилитирован 06.05.1989) [18].

14 апреля 1989 г. прокуратурой Кировской области В. М. Филиппев был реабилитирован на основании действия ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» [19].

Русская православная церковь за последние десятилетия ведет серьезную работу по восстановлению имен пострадавших за веру в годы гонений священнослужителей – новомучеников российских. Жизнь замечательного человека, наставника, священника и учителя Владимира Михайловича Филиппева является примером беззаветного служения народу, честного исполнения своего долга. Он разделит судьбу невинно осужденных, казненных, умерших в лагерях священников, крестьян, рабочих, десятков тысяч российских граждан, на долю которых выпало жить в России в годы великих испытаний.

Примечания и список литературы

1. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 70. Д. 1216. Лл. 32об. -34.
2. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Дд. 1218,1258, 1073, 1216.
3. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1258. Лл. 87,88 об., 89, 95об.
4. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1260. Лл. 163об., 164.
5. ГАКО. Ф. Р-1140. Оп. 2. Д. 131. Лл. 180-180об.
6. ГАКО. Ф. 237. Оп. 70. Д. 1073. Л. 821.
7. Очерки истории Кировской организации КПСС. Часть вторая. 1918–1968 г. Горький : Волго-Вят. кн. изд-во, 1961. С. 21, 24, 37, 49.
8. Очерки истории Вятской епархии (1657–2007). Вятка : Буквица, 2007. С. 382.
9. Зуев А. В. История Преображенской церкви с. Верховино в XVII – начале XXI вв. Юрья, 2015. С. 59.
10. ГАКО Ф. Р-897. Оп. 4. Д. 11. Л. 95,96.
11. ГАКО. Ф. Р-2168. Оп. 4. Д. 76. Л. 4.
12. Там же. Л. 24.
13. Там же.
14. Там же.
15. Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. Р-6799. Оп. 6. Д. СУ-8350. Л. 34.
16. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 6. Д. СУ-8350. Л. 31–31об.
17. Там же. Л. 34.
18. Сухих А. Вспомним поименно. Кн. 4. Киров : Экспресс, 2005. С. 98–99.
19. ГАСПИ КО. Ф. Р-6799. Оп. 6. Д. СУ-8350. Л. 40.

Notes and References

1. State archive of the Kirov region (GAKO). F. 237. Inv. 70. File 1216. Sh. 32–34.
2. GAKO. F. 237. Inv. 70. File 1218,1258, 1073, 1216.
3. GAKO. F. 237. Inv. 70. File 1258. Sh. 87,88., 89, 95.
4. GAKO. F. 237. Inv. 70. Files 1260. 163, 164.
5. GAKO. F. P-1140. Inv. 2. File 131,180.
- 6 GAKO. F. 237. Inv. 70. File 1073. Sh. 821.
7. *Ocherki istorii Kirovskoj organizatsii KPSS* – Essays on the history of Kirov party organization. Part two. 1918--1968. Gorky. Volga-Vyatka book publ. 1961. Pp. 21,24,37,49.
8. *Ocherki istorii Vyatskoj eparkhii (1657–2007)* – Essays on the history of the Vyatka diocese (1657–2007). Vyatka. Bukvitsa. 2007. P. 382.
9. Zuev A. V. *Istoriya Preobrazhenskoj tserkvi s. Verkhovino v XVII – nachale XXI vv* [History of the Church of the Transfiguration in village Verhovino in the XVII – early XXI century] Yurya. 2015. P. 59.
10. GAKO. F. R-897. Inv. 4. File 11. Sh. 95,96.
11. GAKO. F. P-2168. Inv. 4. File 76. Sh. 4.
12. Ibid. Sh. 24.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. State archive of socio-political history of the Kirov region (GASPI KO). F. P-6799. Inv. 6. File CY8350. Sh. 34.
16. GASPI KO. F. P-6799. Inv. 6. File CY-8350. Sh. 31–31.
17. Ibid. Sh. 34.
18. *Sukhikh A. Vspomnim poimanno* [Let's remember the names]. Book. 4. Kirov. Express. 2005. Pp. 98–99.
19. GASPI KO. F. P-6799. Inv. 6. File CY-8350. Sh. 40.

УДК 93/94

Анонимные донесения в Московское охранное отделение в 1909–1911 гг.

Медведев С. В.

кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии, истории и социальных технологий,
Московский государственный университет путей сообщения. 127994, г. Москва,
ул. Новосущевская, 22. E-mail: speransky1809@yandex.ru

Аннотация: В статье, на основе архивных материалов из Государственного архива Российской Федерации, анализируются анонимные донесения, отправленные в Московское охранное отделение и Канцелярию московского обер-полицмейстера в течение 1909–1911 гг. В центре внимания автора письма с угрозами в адрес руководителей московской полиции, послания, разоблачающие революционеров, а также наветы обывателей друг на друга. Как показано в статье, наибольшую обеспокоенность жалобщиков вызывали евреи, поляки и китайцы. В качестве подозрительных лиц зачастую фигурируют студенты и околоточные надзиратели. Отдельный корпус анонимок составляют жалобы на граждан, допускающих словесные выпады против монархии, монарха, императорской семьи и чиновников. Автор приходит к выводу о недостаточном внимании полиции к анонимным донесениям.

Ключевые слова: полиция, политическая полиция, анонимные доносы, Московское охранное отделение, социалисты-революционеры, нелегальная литература.

Anonymous reports in the Moscow security Department in 1909–1911

Medvedev S. V.

candidate of historical sciences, associate professor of the Department of political science, history and social technologies, Moscow State University of Communications. 22 Novosushevskaya str., Moscow.
E-mail: speransky1809@yandex.ru

Abstract: The article, based on archival materials from the State archive of the Russian Federation, analyzed the anonymous reports sent to Moscow security Department and the Moscow Office of the chief of police during the years 1909–1911. The focus of the author of threatening letters to the heads of the Moscow police, the Epistles, revealing the revolutionaries, and the slander of the townsfolk at each other. As shown in the article, the greatest concern of the complainants was caused by foreigners – the Jews, the Poles and the Chinese. As suspicious persons often are the students and the police officer supervisors. Separate letters are complaints to citizens that allow verbal attacks against the monarchy, the monarch, the Imperial family and officials. The author comes to the conclusion about the lack of police attention to anonymous reports.

Keywords: police, political police, anonymous denunciations, the Moscow security Department, the socialists-revolutionaries, illegal literature.

Анонимные обращения в московскую политическую полицию – важный исторический источник, позволяющий проанализировать общественные настроения, страхи, ожидания. Начиная с начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова (1901–1902), творчески преобразовавшего политический сыск Российской империи, руководство столичной полиции проявляло неизменный интерес к информации добровольных осведомителей. Реакция сотрудников Московского охранного отделения на анонимки 1900–1907 гг. была разнообразной: с одной стороны, зафиксированы случаи расследования доносов, написанных откровенно нездоровыми людьми [1], с другой – равнодушие к более содержательным и аргументированным посланиям. Объяснить логику подобной работы затруднительно – в нашем распоряжении пока нет аналитических записок или должностных инструкций, раскрывающих механизм обработки данных, содержащихся в доносах обывателей. Изучение хранящихся в фонде Московского охранного отделения анонимок показало: с 1908 г. практически ни одно подобное сообщение не было проигнорировано полицией.

Алгоритм проверки информации был единым: после ознакомления с письмом заместитель начальника охранного отделения (чаще всего эти документы визировались его подписью) рассылал на имя полицейских надзирателей или участковых приставов телеграммы, составленные

по определенной форме. «Выяснить негласно и донести подробно о проживающем...» – данное распоряжение было напечатано на всех бланках, после чего следовал написанный от руки текст о подозреваемом. В 1908–1909 гг. нижние чины полиции зачастую саботировали исполнение дополнительных обязанностей, связанных с проверкой тех или иных жителей Москвы. Их отчеты, направляемые в Московское охранное отделение, пестрели формальными отписками: «Они уходят в рошу, может быть там и занимаются раздачей литературы. Этого выяснить не представилось возможным» [2], «...по поводу есть ли у него нелегальная литература выяснить не представилось возможным» [3], «...что же касается круга его знакомства, то таковое выяснить не представилось возможности» [4]. Бессодержательные отчеты нижних чинов полиции вынуждали заместителя начальника Московского охранного отделения подполковника Пастрюлина требовать большей информативности: «Прошу телеграфировать, в каком из домов дешевых квартир имени Солодовникова служит коридорным Василий Пивнев. Отрицательно не отвечать» [5]. Через год-два после окончания Первой революции в России полицейскими надзирателями и приставами, осуществлявшими контроль за различными частями и участками Москвы, служили полуграмотные люди, часть из которых не горели желанием выполнять распоряжения политической полиции.

Отдельной проблемой для сотрудников охранного отделения являлся разбор содержания анонимных писем. Традиционно часть анонимок была посвящена фобиям, связанным с еврейской антиправительственной активностью. Так, 29 января 1909 г. охранкой было получено письмо нецензурного содержания: «У жидов Брумберга и Гаркави находятся тайные канцелярии. Актер Брумберг живет на Чистых прудах; у этого жида находится масса нелегальной литературы-прокламации, и вообще у него собираются жиденята, и вы убедитесь, что это не выдумка, а правда. И у Гаркави на Арбате тоже находятся прокламации, поэтому я думаю, что вы не затруднитесь произвести обыски у этих п...ых жидов» [6]. Четырехкратное упоминание слово «жид» в лаконичном послании явно свидетельствовало о ненависти автора к евреям и заведомо тенденциозных обвинениях, однако на имя полицейского надзирателя Ораткина последовало распоряжение выяснить, хранит ли Брумберг «массы нелегальной литературы». Судя по отчету Ораткина, Брумберг был членом общества вспомоществования бедным евреям, снимая при этом не самую дешевую квартиру. При квартире имелся оборудованный кабинет «по внутренним и детским болезням». Никакой информации, помимо этой, Ораткин выяснить не смог, уточнив, «имеет ли канцелярию – выяснить не представилось возможным». Похожее письмо было получено Московским охранным отделением в этот же день, что косвенно свидетельствует о возможной кампании, направленной против подозрительных лиц еврейской национальности. «Сообщаю Вашему Высокоблагородию, что надо следить за еврейской аптекой, что на углу Тверской площади – там под этой фирмой орудует еврей Фишбейн – у него служит революционный агент поляк Фадей Дорантович: он развозит по России нелегальную литературу и взрывчатые вещества» [7]. На этот раз отчет полицейского надзирателя Варламова отличался обилием подробностей: сообщалось о владельцах аптеки до Фишбейна, приводились заверения о том, что «при упомянутой аптеке, как из служащих, никого из евреев нет и не было, сам упомянутый выше содержатель аптеки не желает иметь евреев у себя и никаким партиям не принадлежит. Относительно Фишбейн не представилось возможности выяснить» [8]. Интересно, что отчет полицейского надзирателя во многом схож с донесением анонима – то же повышенное внимание к евреям, то же опасение за аптеку, в случае, если бы в числе ее служащих трудились представители этой национальности. Стоит напомнить, что в 1908–1909 гг. председатель Совета министров и министр внутренних дел П. А. Столыпин пытался добиться ликвидации целого ряда ограничительных мер для евреев [9]. Еще одной популярной темой анонимок, связанной с евреями, были их таинственные собрания по ночам в московских квартирах. В фонде Московского охранного отделения хранится несколько таких писем, схожих по стилистике и содержанию. «Имею честь заявить, что на Тургеневской площади, в доме Гурлянда, квартире Зискинд, собираются по ночам подозрительные личности, преимущественно евреи, не имеющие права проживания: очевидно, что они занимаются нелегальными делами, а может быть, даже какими-нибудь заговорами, а может быть, и хранением оружия» [10]. Наряду с письмами тривиального содержания, тиражирующими распространенные фобии общества, встречаются и более удивительные послания. Так, в январе 1909 г. корреспондент Московского охранного отделения, подписавшийся «Членом Русского Монархического Собрания», обвинил некоего князя Крапоткина в неблагоденности и сочувствии революционно настроенным евреям. «Обращаю внимание начальника МОО на политическую неблагоденность князя Михаила Григорьевича Крапоткина, проживающего в собственном доме по Большому Патриаршему переулку. Князь Крапоткин, живя еще в доме княжны Крапоткиной по Собачьей площади, укрывал в квартире своего квартиранта еврея Лихмановича, члена револю-

ционной партии, за что своевременно был подвергнут Московским градоначальником генералом Рейнботом штрафу в размере 500 рублей» [11]. Еще одно письмо антиеврейской направленности касалось «шантажиста-революционера Сперанского», который, «благодаря красоте своей», отбирал деньги у содержанок гимназии Сток и замужних женщин, третируя их содержанием любовных посланий. Анонимное послание ничем не отличалось бы от описания обычной уголовной истории, если бы не внезапные восклицания его автора о евреях: «Теперь хлопочет принять лютеранство и переехать в Москву... (далее неразборчиво. – С. М.), где евреи и поляки будут участвовать все (в пользу Синего Креста). Я слежу за многими и укажу вам многих, но сейчас мне некогда. Советую обыск: у некоторых евреев присяжно-поверенных револьверы, у всех евреев, живущих в Леонтьевском переулке в доме Шк. (неразборчиво. – С. М.) и на Садовой», далее текст помещался вверх ногами – «в меблированных комнатах Англия на Тверской» [12]. Не касаясь степени адекватности анонима, заметим, что направленность сознания на обнаружение «повсеместного распространения евреев с револьверами» отражает возможные коллективные фобии, связанные с инаковостью евреев, а также их участием в революции. Порой, как казалось чрезмерно впечатлительным, а возможно, и не совсем здоровым корреспондентам Московского охранного отделения, евреи организовывали на них гонения прямо на службе. В этом контексте примечательно письмо рабочего Московско-Брестской железной дороги, жалующегося полиции: «Меня всевозможно ругали, называли черносотенцем за то, что я обличал всех агентов станции Крупки в покровительстве евреев. Я попал в немилость агентов станции Крупки, участкового и населяющих поселок Крупки жидов, не исключая и жандарма, который вместе с дорожным мастером станции Крупки взяли плацы в Староборисовском имении великих князей Петра Николаевича и Николая Николаевича; первый взял в плац размером одна десятая, выделил из него 25 сажений, на котором построился жид Лейба Аснин, второй взял полный плац для еврея Персица» [13]. В похожей антиеврейской тональности выдержано письмо, поступившее в МОО 6 декабря 1909 г.: «В конторе господина Нерославского, находящейся у Красных ворот, в доме Афрамова проживает не имеющий прав жительства в Москве некто еврей Копель Шайкин. Означенный Шайкин принят Нерославским в качестве... (неразборчиво. – С. М.) по торговле для разъезда по провинции, но мне известно, что он призван совершенно не к этой цели и человек крайне вредный русскому обществу... даже не значится отмеченным по домово́й книге Афрамова. Действия Нерославского в укрывании Шайкина известны приставу 1 участка Мещанского, но по моему то никаких мер им не принято: надо думать, что господин Нерославский не жалеет вознаграждения для укрытия подобной личности» [14]. На запрос Охранного отделения адресный стол ответил, что Капель Шайкин еще в августе 1909 г. выбыл в Витебск. В графе «семейной положение» Шайкина почему-то было указано «проездом». О Нерославском никакой информации охранное отделение не запрашивало.

Помимо евреев бдительную часть общества волновало присутствие в Москве китайцев. «Верноподданный» в апреле 1909 г. сообщал: «Приезд принца Японского, ухаживание за ним, братание с ним, награды ему бесспорно должны шокировать каждого русского патриота, но приезд китайцев, расхаживающих беспрепятственно по Московским улицам и дворам уж слишком должно бросаться в глаза своей произвольностью. Немедленно нужно принять меры к удалению китайцев из столицы: это не торговцы, а шпионы, как и было перед японской войной» [15]. Русско-японская война 1904–1905 гг. продолжала отзываться недоброй памятью в сознании россиян и в 1909–1911 гг. Нередко споры о ней велись в пивных, постепенно становящихся своеобразными политическими дискуссионными площадками. Летом 1911 г. подобный спор состоялся в пивной Беккера, «что в доме Кабанова у Мясницких ворот, где двое немцев, один по фамилии Цимер, а другой неизвестный, сидя за столом, грубо выражались и на его замечания нельзя ли потише, назвали его словами: "...ты русская свинья, твоему Николаю II морду в кровь разбили в Маньчжурии"» [16]. Справедливости ради отметим, что в контексте начинающейся неприязни к немцам этот случай рассматриваться не может, так как конфликтовавший с ними подданный Российской империи называл «Германского Императора дураком», – скорее, эта история напоминает бытовые разногласия, вызванные алкогольным опьянением. Данный тезис косвенно доказывают архивные документы: среди просмотренных нами анонимных донесений за 1909–1910 гг. это первое негативное упоминание о немцах. То же самое можно сказать о поляках: если сравнивать содержание анонимок 1909–1910 гг. с анонимками 1901–1904 гг., можно прийти к выводу о том, что количество тревожных сообщений о поляках значительно уменьшилось. Более похожи на свидетельства начинающихся антинемецких общественных настроений анонимки за 1911 г.: письмо от некоего «Григория Алексева», отразившее сразу несколько коллективных фобий: «На днях выехал за границу проживающий в доме Сегал по Большому Сергиевскому переулку Михаил Моисеевич Аверьянов. Господин этот проживал по чужому паспорту, его настоящее звание (так в

тексте. – С. М.) Мордух Моисеев Дамант, он по происхождению еврей, не имеющий права проживать в Москве. Кроме того, он состоит, кажется, немецким шпионом, так как посылает часто какие-то сообщения в Германию. Говорит великолепно по-немецки. Человек довольно подозрительный» [17], а также анонимное послание о некоем разговорчивом финне: «Провизор Роберт Герасимович Петерс ругает нашего Государя, называя его глупым, а своего единовеца, Вильгельма Германского Императора, превозносит до небес, говоря, что наш Государь не стоит его подметки и что он им вертит как хочет. В силу этого я полагаю тем более, что он, как финляндец, находится в тесной связи с теми революционерами, которые идут против правительства и существующего строя, а к тому же я видел у него подпольные произведения, каковые он привозил из Финляндии» [18].

Еще одной группой анонимных посланий, сохранившихся в документах Московского охранного отделения, можно считать донесения о представителях тех или иных профессий. Чаще всего объектами подозрительности осведомителей становились служащие, мелкие лавочники, приказчики, однако в ряде случаев в анонимках фигурируют полицейские и юристы. Интересной особенностью их донесений является и то, что обвинения в противоправительственной деятельности зачастую направлялись в адрес служащих одних и тех же специальностей. В 1909 г. повышенного внимания обывателей удостоились швейцары. «Ваше ВысокоБлагородие, спешу Вам сообщить о том, что мы нашли неудобного человека против полиции, развратный человек, тот который развращает людей, даже раздаёт прокламации солдатам, которые проходят мимо его... (далее неразборчиво. – С. М.). Адрес его – Сретенка, Луков переулок, дом Домороцкого, первая парадная на право, еще раз прошу» [19]. Если верить анониму, в феврале 1909 г., через полтора года после окончания Первой революции в России, московский швейцар свободно раздавал революционные листовки проходящим мимо его дома прохожим. Подобная история могла произойти только при полном попустительстве нижних чинов полиции, обязанных осуществлять наблюдение за Сретенкой. Соответствие действительности данного предположения косвенно подтверждается отчетом полицейского надзирателя Разумова, оперативно собравшего информацию о швейцаре Захарове Николае Никифоровиче. Сообщая необходимые сведения о подозреваемом лице (возраст, место рождения, домочадцы – «при нем жена Мария Викторовна, 26 лет, дети...»), кем выдана паспортная книжка и ее номер, степень благонадежности – «под замечанием не был»), надзиратель Разумов обходит молчанием вопрос, поднятый анонимом: действительно ли швейцар раздавал прокламации. Из отчета совершенно не ясно, осуществлялось ли наблюдение за подозрительным швейцаром, необходимо ли проведение обыска в его в квартире. Прочитавший отписку полицейского надзирателя заместитель начальника Московского охранного отделения Пастрюлин не мог составить никакого мнения о швейцаре Захарове: в деле отсутствует описание его внешности, краткая характеристика круга общения, примерный маршрут прогулок.

14 февраля 1909 г. в полицию была отправлена еще одна анонимка, касающаяся неблагонадежности швейцара: «Всепокорнейше прошу у Господина Начальника сыскной полиции немедленно сделать обыск у служащего Лазаревского института Поликарпа Сокулина. Обыск после пяти часов нужно начать с квартиры, а потом специальные классы... (далее неразборчиво. – С. М.). У него много прокламаций... (неразборчиво. – С. М.), прятал оружие в колодезь» [20]. Как обычно, Московское охранное отделение затребовало «выяснить негласно и донести подробно», причем распоряжение имело грифы «срочно» и «секретно». «Подробности» от полицейского надзирателя Селезнева были получены охранкой через полторы недели: «Поликарп Тимофеевич Сокулин – 39 лет, запасной фельдфебель Лейб-гвардии Литовского полка Владимирской губернии, Суздальского уезда, Гавриловой волости, села Шитово, при нем жена Прасковья Абрамовна, 38 лет. Служит в упомянутом Институте швейцаром, живет с 1908 года, а относительно литературы выяснить не представилось возможности, что имеет или не имеет, об этом никому неизвестно» [21]. Последняя фраза Селезнева, объяснимая в устах случайного свидетеля на допросе, носит демонстративно-издевательский характер в отчете полицейского надзирателя. К сожалению, пока не удалось выяснить реакцию начальства Московского охранного отделения на столь оригинальные записки нижних чинов полиции.

Традиционно под подозрение попадали торговцы. Обилие анонимок на купцов могло быть вызвано происками конкурентов, завистью и недоброжелательностью покупателей, подозрениями в финансировании полиции или революционеров. Зачастую доносы писались хорошими знакомыми держателей торговых лавок, что обнаруживалось в описании убранства внутренних помещений. «Иван Акимович Капцов ведет крупную торговлю порнографией всякого содержания и политическими, снабжая множество торговцев-разнощиков. Он, Капцов, хранит такой товар, во-первых у себя в палатке, у Ильинских ворот, там этот товар можно найти во всякое время, обыкновенно он раскладывает его между других книг, по углам, во-вторых, товар этот он, Капцов, хранит у себя на

квартире... там он тщательно его прячет по уютным местам. Например: под матрац прислуги, в чемоданчик, который почти всегда лежит у двери в передней. Не покажется ли Вам несколько странным то отношение к упоминаемому Капцову, в каком он состоит с агентом сыскной полиции Орловым, который постоянно бывает там? Этот агент Орлов часто и часто принимает от Капцова угощения, Капцов его частенько поит чайком» [22]. Периодически о магазинах поступали сведения по телефону: «Телефонная депеша. Шмаков Николай Алексеевич /член Русского народа/ сообщил, что в магазине Семина в окне, на Никольской улице, выставлена картина, изображения коей порицает действия Правительства, собравшая большую толпу любопытных» [23].

Письма о неблагонадежных бывших и настоящих полицейских также отличаются своеобразием. 29 июня 1910 г. бдительный аноним представил свои подозрения о переодевающихся полицейских: «Я уведомляю охранное отделение о том, что трое наших надзирателей переодеваются и каждую неделю переносят из бутырской тюрьмы от каторжных политиков письма и другое что нужно за смоленский в псковский переулочек, в дом Доброхотова к девушкам Авдаевой и другой сожительнице и оттуда переносят политикам в тюрьму все что нужно» [24]. Переодевающиеся полицейские не первый раз становились темой посланий в охранку – никакой реакции на подобные сообщения обычно не следовало. Некто «Черносотенец» не пожалел времени для того, чтобы написать анонимное послание ровными печатными буквами: «Очень странно, почему вы не берете из Москвы Николива. Он в Александровской слободе черт знает что делает – это одна шайка с Лощинским. Это сеятели крамолы. Николив сейчас живет Бог ведает на что, а занимается пропагандой. Обыщите и кой-что найдете – он ихний главарь, думает, что околоточный – так никто не узнает. Плохи Ваши охранки. Убери его – у него есть списки и печать» [25]. Интересно, что предположение, высказанное в анонимке, оказалось верным: Всеволод Владимирович Николев действительно был связан с полицией. Отчет полицейского надзирателя Вознина носил откровенно апологетический характер: «Николев Всеволод Владимирович, 23 года, запасной младший унтер-офицер из вольноопределяющихся 4-го Невского полка из дворян. Находящийся в настоящее время в штате полиции, в этом году служил околоточным надзирателем 3-го участка Лефортовской части. По собранным сведениям, Николев часто ходит по трактирам. В Александровской слободке, видимо, кто-нибудь на него составил анонимное письмо. Кроме упомянутого Николева, в Александровской слободке нет и особенно подозрительных, как было сказано в анонимном письме, тоже нет. Уволился он в штат полиции добровольно, любитель употреблять много спиртных напитков, на язык болтливый, но думаю человек хороший. За время его службы околоточного надзирателя в 3 участке Лефортовской части, кроме вышеизложенного, ничего предосудительного замечено не было» [26]. Обращает на себя внимание довольно терпимое отношение полицейского надзирателя к пьянству околоточного – вероятно, в среде нижних чинов полиции это не считалось чем-то из ряда вон выходящим. Подвыпившие околоточные вступали в конфликты с посетителями пивных, что становилось предметом интереса политической полиции. Околоточный в интерьере рюмочной неизменно обращал повышенное внимание со стороны бдительных посетителей. В декабре 1911 г. околоточный надзиратель 2-го участка Лефортовской части Троицкий, в ответ на анонимку, был вынужден составить протокол, объясняющий причины его нахождения в трактире: «Около 10 часов вечера я проходил по своему околотку, по левой стороне Измайловского шоссе, – в это время навстречу мне попался домовладелец моего околотка Иван Иванов Аронов, шедший от всенощной, при встрече я ему сказал, что пора заплатить недоимку земских сборов и при том же добавил, что Земская Управа уже жаловалась Господину Московскому Градоначальнику на бездействие полиции о взыскании земских сборов, на что господин Аронов ответил мне, что я могу заплатить сейчас и пригласил меня зайти в трактир 3 разряда Орловой. Я, не желая упустить момента получить вышеозначенные деньги, зайти в трактир согласился» [27]. Выпив «две чашки чаю», околоточный принял участие в обсуждении портрета графа Л. Н. Толстого, причем большая часть собеседников пришла к выводу о том, что из пивной его вынесли правильно. Как обычно бывает в подобных ситуациях, нашелся человек, решивший нарушить разговорную идиллию: «В это время тут же сидевший домовладелец местности Благуша Василий Афансьев Ермаков, он же гласный Московской Земской Управы, ввязался в ихний разговор и между прочим сказал: Председатель сделал не правильно, что вынес портрет графа Толстого, а вот нашего Царя Николая давно бы надо послать к еб... матери, он такой гавно нам не нужен... и давно бы надо сделать республику, как в Китае и Персии» [28]. Перечисление в отчетном документе грубейших оскорблений в адрес императора со стороны нижнего чина полиции может свидетельствовать о скрытой симпатии подобной лексике, а также о десакрализации венценосной особы в его сознании. Показательно, что подвыпившие посетители трактира обсуждали именно Льва Толстого. В фонде Московского охранного отделения сохранились анонимные послания с упоминанием прославленного при жизни писателя: «Как велик и силен Тол-

стой и как ничтожно, жалко русское правительство во главе с кровавым Николаем и его современником Малютой Скуратовым. Правительство боится Европы, а потому и не трогает Толстого. Нужны деньги, вот в чем вся суть. Статья Толстого произвела в Москве прямо ошеломляющее впечатление. Доживете вы скоро до чего-нибудь такого, что не снилось вам во сне. Николаю будет хуже, чем Султану и Шаху. Не забудьте это предсказание» [29]. «Предсказания» в адрес Николая II соседствуют с разгромными письмами в адрес глав местной администрации. Судя по внутренней переписке Московского охранного отделения, немало шума произвела анонимка с угрозами екатеринославскому губернатору, в которой также содержались оскорбительные для императора выпады. Имя Николая II обозначалось стилизованной под виселицу «Н», с нарисованными на трех сторонах буквы повешенными. «Бесовой Милостью, Мы, Николай Н, палач Екатеринославский, великий обманщик финляндский и пр и пр. Сим объявляем благодарность всем военным и гражданским мясникам города Екатеринослава за успешную заготовку восьми туш чelовечьего мяса для собственного Августейшей семьи Нашей употребления. Н. П. С. Е. И. В. Р. И. Н. » [30]. Нередко об оскорблениях императора и его семьи сообщали сотрудники общей полиции – в феврале 1911 г. ротмистр Турчанинов получил сообщение от пристава Мариинского участка города Москвы о том, что «в трактире Ионова по Ямской улице служащий трактира крестьянин Коринской волости, деревни Летуново, Петр Григорьев Пospelов, увидев в руках посетителей календарь, на обложке которого была изображена Августейшая Семья и, указывая на детей Его Величества сказал: “Вот посажены бл...и”» [31]. Похожая история произошла в 1911 г. на одном из московских рынков, где «торговка яблоками мещанка города Переяславля Владимирской губернии Анна Алексеева Ветрова, будучи яркой революционеркой, оскорбляет Государя Императора, понося Его всевозможными словами, например: сволочь, убили бы Его, чтобы Ему оторвало муде и т. д., всякими матерными словами, кроме того оскорбляет все правительство и Администрацию» [32]. Наряду с частыми оскорбительными анонимками и доносами, касающимися Николая II, нельзя не отметить равнодушие низов общества к участи его лучших министров. Убийство П. А. Столыпина Д. Богровым, ставшее сенсацией практически для всех российских газет, почти не получило отражения в анонимках, – удалось найти только одну телефонограмму на эту тему: «Полицейский надзиратель сыскной полиции Степашенко принял по телефону от неизвестного лица заявление, что по Газетному переулку в доме № 8 квартира 10 проживает Александр Тимофеевич Тимофеев и Дмитрий Тихонов – оба причастные к убийству Председателя Совета Министров» [33].

Император, его семья и чиновники – не единственные объекты анонимной ругани и угроз. В архиве сохранилось анонимное письмо, адресованное некоей состоятельной женщине, которое, по всей видимости, она отнесла в охранное отделение. По форме напоминающее ультиматум, письмо было отправлено людьми, выдающими себя за представителей партии эсеров, что, видимо, должно было продемонстрировать особую серьезность намерений: «Милостивая Государыня. Так как вы живете очень роскошно и слишком много денег тратите на ваши наряды, то мы, партия с-р, считаем, что вы обязаны дать нам две тысячи рублей в самом непродолжительном времени. Положить вы их должны на кружок направо около второй скамьи в сквере, ровно через неделю по получении этого письма. Не пытайтесь заявлять об этом в полицию или сыскную, это не поможет. В противном же случае, при малейшей вашей попытке отказаться дать нам эти деньги, вы будете убиты – и ничто тогда вас не спасет» [34]. Судя по тону письма, ранее женщина уже получала подобные письма или же встречалась с вымогателями, выдающими себя за террористов. Показательно, что охранное отделение не стало пересылать анонимку в уголовную полицию, причиной чему может являться убеждение, что к ее составлению действительно причастна ПСР. В похожем ультимативном письме неизвестные, называвшие себя «летучим боевым отрядом партии анархистов-революционеров», требовали уже пять тысяч рублей: «24 июля, в 2 часа дня, имея с собой означенную сумму, будьте в Верхних торговых рядах у фонтана и имейте в руках книгу, перевязанную красной лентой на крест. Вручите пакет с деньгами тому, кто назовет Вас Лобовым» [35].

К отдельной группе анонимных посланий можно отнести сообщения о подозрительных домах и помещениях. Так, перед упоминавшимся уже визитом Николая II в Москву в 1909 г. обеспокоенный гражданин сообщал: «Позвольте Вас уведомить по случаю приезда Государя в Москву – за домами и квартирами наблюдайте. Примите к сведению наше уведомление – боимся, чтобы не случилось какого несчастья. По Каланчевской улице близ Красных ворот в доме № 4 Сапожникова совершаются какие-то собрания по ночам и продолжаются до 6 часов утра ежедневно – следует проверить, что там творится, кроме того у самого дома около переулочка около 12 часов гасится городской фонарь» [36]. Похожее письмо отправил в полицию «Доброжелатель Монархии», добровольно наблюдавший за подозрительным домом: «В районе 3 Лефортовского участка по Курскому проезду есть дом Молодцова: в дни революции тут была дружина, происходили митинги. В своем доме он укрывал и давал приют им. Он ярый анархист. Уберите

его на время приезда Государя» [37]. Приезд Государя порой стимулировал впечатлительных москвичей видеть склады с оружием даже там, где их не было: «На Большой Серпуховской улице в доме Морозовой находится склад оружия, которое распродается нелегальным элементом в понедельник 23, вечером, под 24. Придет за оружием молодой человек, одет в осеннем пальто в шапки. И будет ночевать в этой квартире. Этот молодой человек выселенный из Москвы проживает по чужому паспорту». Ответ полицейского надзирателя Ромашова превзошел в безграмотности сообщение анонима: «23 ноября с. г. в квартире № 2 был обыск – склада оружия не оказалось. 22 ноября 1909 г. в кв. № 2 некакой молодой человек неначевал. В осеннем пальте в шапке некто неприходил» [38]. Внимание привлекали заброшенные таинственные дома, по мнению анонимов, априори подходящие под описание логова революционеров и склада оружия. Так, под наблюдение попал «одинокий дом за Серпуховской заставой», «в котором находится склад оружия разного калибра». Как видно из дальнейшего содержания письма, вывод о многообразии огнестрельного оружия не подкреплялся посещением самого дома. «Очевидец» сообщал: «Часто в этом доме собираются собрания, посторонних лиц вообще не пускают, пробовали туда ходить, но получали отказ, хотя около этого одинокого дома никого не видать, но Вы будьте добры навести следствие, там Вы все найдете, оружие, схороненное и в доме и внедалеке от него, в разных закоулках. Мы спрашивали, где этот дом находится из-за интересу и получали отказ, говорили: а Вам что нужно? Но мы все-таки узнали, где этот одинокий дом находится» [39]. Странный рассказ о навязчивых поисках неизвестного авторам письма дома заканчивался не менее удивительно: «Будьте добры, по саму получении письма действовать, а то нам и Вам придется вскоре быть убитыми. Когда все узнаете, то будьте добры пропечатать во всех газетах и я прииду к Вам за вознаграждением». Разоблачительный пафос и надежды на крупное финансовое вспомоществование разбились о прозаический отчет полицейского надзирателя Семашева: «Имеется домик огородника Купцова 1 участка Серпуховской части, в означенном доме склада оружия неимеется, а также собрания небываит» [40]. Более серьезная депеша описывала дом по Большому Успенскому переулку, сданный в аренду некоему Смирнову. Взволнованный аноним приводил интересные подробности: «В означенном доме живут все время без прописки, дом без дворника. В настоящее время живет 2 месяца какой-то Ананьин, вооруженный револьвером «парабеллум», который скрывается от суда» [41].

Обоснованные опасения за жизнь монарха подкреплялись не менее обоснованным недоверием дворцовой полиции, из-за чего обывателям приходилось в какой-то степени выполнять ее работу. Подтверждение серьезных сбоев в службе дворцовой полиции можно найти в переписке исполняющего должность ее начальника с Московским охранным отделением. В июне 1911 г. руководство дворцовой полиции внезапно озаботилось благонадежностью уже служащего нижнего чина Александра Михайловича Малахова. О Малахове, крестьянине из деревни Загредино Витебской губернии, был направлен запрос в Департамент полиции (видимо, в Особый отдел), однако в ответ пришло уведомление о том, что «по делам Департамента известен Малахов Александр, звание и отчество не указано, который по сообщению Начальника Нижегородского Охранного Отделения от 16 ноября 1908 года принадлежал в 1907 и 1908 годах в Нижнем Новгороде к местной организации партии социалистов-революционеров: но относятся ли эти сведения к нижнему чину Александру Михайловичу Малахову, о коем сделан запрос, Департамент удостоверить не может» [42]. Не выяснив необходимой информации, руководство дворцовой полиции было вынуждено обратиться в Московское охранное отделение с тем же запросом. Удивляет не только факт службы в дворцовой охране, в Петергофе, в непосредственной близости от императорской семьи человека, к биографии которого появились вопросы, но и очевидная некомпетентность Департамента полиции, база данных которого не позволяла идентифицировать подозреваемого по известной информации о революционере с полным совпадением имени и фамилии. Обязанность центрального ведомства политического сыска – Департамента полиции – выявлять неблагонадежных лиц, проводя необходимые следственные действия, дезавуировалась расписками в том, что «Департамент удостоверить не может». Стоит предположить, что нижние чины дворцовой полиции в период 1909–1911 гг. не проходили скрупулезной многоуровневой проверки при поступлении на службу, благодаря чему становились возможными случаи, подобные выше изложенному.

Исследование анонимных донесений в Московское охранное отделение в 1909–1911 гг. позволяет сделать несколько выводов как о проблемах общества, так и о проблемах сыскной полиции данного периода. Во-первых, и те, кто анонимки писали, и те, кто по ним отчитывались, были преимущественно людьми малограмотными. Речь идет не только о безграмотности орфографической (хотя о ней, конечно, тоже), а прежде всего о неумении обращать внимание на важные детали, проявлять внимательность и задумываться о последствиях. Анонимы, ретиво добывающиеся разоблачений революционеров, не стремились перепроверить слухи и предположения, яв-

ляющиеся основой многих их доносов; полицейские надзиратели, получая задание проверять большое количество тенденциозных и даже курьезных сообщений, переставали обращать внимание на здравые голоса серьезных информаторов. Во-вторых, полицейским нижнего звена, осуществляющим надзор за различными районами города Москвы, часто не хватало общей выучки и профессиональной грамотности. Одной из причин этого являлся кадровый голод и общая нехватка профессионалов практически во всех сыскных учреждениях Российской империи дореволюционного периода. Судя по документам фонда МОО, зачастую нижними чинами сыска служили армейские резервисты или бывшие матросы. Степень их благонадежности в Москве определяло охранное отделение, в которое поступали запросы начальника резерва Московской столичной полиции подобного содержания: «Запасной канонир 2 гренадерской Артиллерийской бригады, происходящий из крестьян Ковенского уезда, Батиголоской волости, Полипского Общества, Михаил Францевич Богданас, 26 лет, обратился ко мне с просьбой о приеме его на службу во вверенный мне Резерв, в городовые, вследствие чего прошу сделать надлежащее сношение с надлежащими властями о сообщении сведений благонадежности Богданас за время его службы матросом в городе Кельсе по реке Неман с 16-летнего возраста до 1907 года. Фамилии пароходовладельца не помнит» [43]. После подтверждения Московским охранным отделением благонадежности (состоящей из выявления возможных связей с революционными группами по запросу в Департамент полиции) кандидат мог приступить к службе. По документам не выявляются вступительные испытания, собеседования на предмет знания особенностей службы, описание характерных особенностей новых сотрудников. Также ничего неизвестно о прикреплении к новичкам более опытных сотрудников. Подобное попустительство в кадровой политике приводило к тому, что полицейские надзиратели порой сливались с тем обществом, за которым должны были наблюдать. Пьянство, бессодержательные отчеты, пренебрежение служебными обязанностями и откровенное нежелание осуществлять наблюдение за подозрительными личностями, прочитываемое в формулировках «не представилось возможным выяснить», – было не только следствием формального набора нижних чинов полиции, но и причиной откровенного хаоса на вверенных их участках: неприкрытой раздачи революционных прокламаций, прилюдных оскорблений императорской семьи, повсеместного распространения оружейных складов (во всяком случае, в сознании анонимов). Увеличение количества анонимок на одни и те же темы свидетельствовало, с одной стороны о том, что их авторы не чувствовали себя в безопасности, а с другой – о схожих ощущениях полицейских надзирателей. В фонде МОО за 1910–1911 гг. мы находим неединичные сообщения о нападениях на приставов и полицейских надзирателей. Департамент полиции не мог обеспечить безопасность нижних чинов полиции: их по-прежнему было недостаточное количество, они по-прежнему мало чем отличались от малограмотных обывателей, их по-прежнему плохо контролировали.

Примечания и список литературы

1. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 1907. Д. 44. Л. 15–16.
2. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 256.
3. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 385–386.
4. Там же. Л. 292.
5. Там же. Л. 239.
6. Там же. Л. 53.
7. Там же. Л. 57.
8. Там же. Л. 59–60.
9. Могилевский К. Столыпин и модернизация России // Родина. 2012. № 4. С. 9.
10. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 121.
11. Там же. Л. 32.
12. Там же. Л. 478.
13. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 44. Л. 289.
14. Там же. Оп. 29. Д. 44. Л. 454.
15. Там же. Л. 147.
16. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 57. Л. 76.
17. Там же. Д. 44. Л. 382.
18. Там же. Л. 223.
19. Там же. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 77.
20. Ф. 63. Оп. 30. Д. 44. Л. 92.
21. Там же. Л. 94.
22. Там же. Л. 138.
23. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 44. Л. 302.
24. Там же. Оп. 30. Д. 44. Л. 206.

25. Там же. Л. 483.
26. Там же. Л. 486.
27. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 57. Л. 129.
28. Там же.
29. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 29. Д. 44. Л. 327.
30. Там же. Л. 350.
31. Там же. Ф. 63. Оп. 31. Д. 57. Л. 49.
32. Там же. Оп. 31. Д. 44. Л. 305.
33. Там же. Л. 260.
34. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 30. Д. 44. Л. 5.
35. Там же. Оп. 29. Д. 44. Л. 290.
36. Там же. Л. 506.
37. Там же. Л. 356.
38. Там же. Л. 441-442.
39. Там же. Оп. 30. Д. 44. Л. 110.
40. Там же. Л. 111.
41. Там же. Л. 46.
42. Там же. Оп. 31. Д. 33. Л. 114.
43. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 31. Д. 33. Л. 113.

Notes and References

1. GARF. F. 63. Inv. 1907. File 44. Sh. 15-16.
2. GARF. F. 63. Inv. 29. File 44. Sh. 256.
3. F. 63. Inv. 29. File 44. Sh 385-386.
4. Ibid. Sh. 292.
5. Ibid. Sh 239.
6. Ibid. Sh. 53.
7. Ibid. Sh. 57.
8. Ibid. Sh. 59-60.
9. *Mogilevskij K. Stolypin i modernizatsiya Rossii* [Stolypin and the modernization of Russia] // *Homeland – Rodina*. 2012, No. 4, p. 9.
10. GARF. F. 63. Inv. 29. File 44. Sh. 121.
11. Ibid. Sh. 32.
12. Ibid. Sh. 478.
13. GARF. F. 63. Inv. 31. File 44. Sh. 289.
14. Ibid. Inv. 29. File 44. Sh. 454.
15. Ibid. Sh. 147.
16. GARF. F. 63. Inv. 31. File 57. Sh. 76.
17. Ibid. File 44. Sh. 382.
18. Ibid. Sh. 223.
19. Ibid. GARF. F. 63. Inv. 29. File 44. Sh. 77.
20. F. 63. Inv. 30. File 44. Sh. 92.
21. Ibid. Sh. 94.
22. Ibid. Sh. 138.
23. GARF. F. 63. Inv. 31. File 44. Sh. 302.
24. Ibid. Inv. 30. File 44. Sh. 206.
25. Ibid. Sh. 483.
26. Ibid. Sh. 486.
27. GARF. F. 63. Inv. 31. File 57. Sh. 129.
28. Ibid.
29. GARF. F. 63. Inv. 29. File 44. Sh. 327.
30. Ibid. Sh. 350.
31. Ibid. F. 63. Inv. 31. File 57. Sh. 49.
32. Ibid. Inv. 31. File 44. Sh. 305.
33. Ibid. Sh. 260.
34. GARF. F. 63. Inv. 30. File 44. Sh. 5.
35. Ibid. Inv. 29. File 44. Sh. 290.
36. Ibid. Sh. 506.
37. Ibid. Sh. 356.
38. Ibid. Sh. 441-442 turn.
39. Ibid. Inv. 30. File 44. Sh. 110.
40. Ibid. Sh. 111.
41. Ibid. Sh. 46.
42. Ibid. Inv. 31. File 33. Sh. 114.
43. GARF. F. 63. Inv. 31. File 33. Sh. 113.

УДК 281(47)(091)

Участие епископа Уфимского и Мензелинского Андрея в подготовке и деятельности Всероссийского съезда духовенства и мирян в 1917 г.*

Павлова О. С.

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории, Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета.

453103, г. Стерлитамак, просп. Ленина, 47а.

E-mail: oksana.s.pavlova@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению деятельности епископа Уфимского и Мензелинского Андрея (Ухтомского) и епархиального духовенства по организации приходской жизни, а также подготовке и проведению Всероссийского съезда духовенства и мирян в 1917 г. на материалах Уфимской епархии. Автором рассмотрены обстоятельства созыва Съезда, а также круг вопросов, обсуждавшихся в рамках его деятельности. Материалы заседаний Съезда, а также региональной периодической печати позволили сделать выводы о том, что наиболее обсуждаемым был вопрос об актуальности приходской реформы, результатом чего стала разработка самой обширной секцией Съезда, которой руководили известные сторонники церковно-приходского обновления, в числе которых был и епископ Андрей, Положения о приходе. Значительный круг вопросов, обсуждавшихся в рамках деятельности Съезда: о епископате и монашестве, реформировании церковного управления, об отделении церкви от государства и другие – получили дальнейшее развитие на Поместном Соборе.

Ключевые слова: Уфимская епархия, духовенство, Всероссийский съезд духовенства и мирян, епископ Уфимский и Мензелинский Андрей (Ухтомский).

The participation of the Bishop of Ufa and Menzelinsky Andrew in the preparation and activities of the all-Russian Congress of clergy and laity in 1917

Pavlova O. S.

candidate of historical sciences, associate professor of history and history teaching methodology, Sterlitamak branch of the Bashkir State University. 47A Lenin str., 453103, Sterlitamak.

E-mail: oksana.s.pavlova@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the activities of the Bishop of Ufa and Menzelinsky Andrew (Ukhtomsky) and the diocesan clergy on the organization of parish life, as well as the preparation and holding of the all-Russian Congress of clergy and laity in 1917 on materials of the Ufa diocese. The author considers the circumstances of the convening of the Congress, as well as the issues that were discussed in the framework of its activities. The proceedings of the meetings of the Congress, as well as regional periodicals allowed us to make conclusions about what the most discussed was the question about the relevance of parish reform, which resulted in the development of the largest section of Congress, led by well-known supporters of the parish of updates, among whom was Bishop Andrew, of the Regulations on the ward. Significant issues that were discussed in the framework of the activities of the Congress: on the bishops and monasticism, the reform of Church governance, the separation of Church and state, etc. has been further developed at the local Council.

Keywords: Ufa diocese, clergy, catechetical activity, all-Russian Congress of clergy and laity, the bishop of Ufa and Menzelinsky Andrew (Ukhtomsky).

В условиях общественно-политического подъема в 1917 г. важным этапом на пути формирования программы общецерковных реформ стал созыв Всероссийского съезда духовенства и мирян, который проходил с 1 по 12 июня 1917 г. в Москве. Открытию съезда предшествовали повсеместно проводимые в апреле – мае местные съезды духовенства, которые продемонстрировали активную общественно-политическую позицию в вопросах переустройства церковного управления, взаимоотношений государства, церкви и общества [1].

* Работа выполнена при поддержке гранта СФ БашГУ № В 17-67.

© Павлова О. С., 2017

В ходе подготовки съезда Святейший Синод принял ряд положений, в числе которых 1–5 мая 1917 г. было издано постановление «О привлечении духовенства и паствы к более активному участию в церковном управлении» [2]. Такая позиция Святейшего Синода способствовала оживлению общественных дискуссий на местах, ярким примером чему стала Уфимская епархия. Епископ Уфимский и Мензелинский Андрей (Ухтомский), будучи заметной фигурой в высших правительственных кругах и церковной иерархии, был введен Временным правительством 14 апреля в состав Святейший Синода и своей позицией выразил желание значительной части представителей высшего духовенства оправдать революционные события февраля 1917 г. и не допустить реставрации в России монархии [3]. Заявленная им позиция нашла отражение и в том, что епископ Андрей прилагал значительные усилия к объединению общества и формированию единой программы дальнейших действий на уровне собственной епархии. В связи с этим интерес представляет анализ содержания материалов «Уфимских епархиальных ведомостей» [4], а также журнала «Заволжский летописец» за 1917 г., который издавался от имени Восточно-русского культурно-просветительного общества, основанного и возглавляемого епископом Андреем. На страницах «Заволжского летописца» в связи с произошедшими событиями в феврале 1917 г. епископ Андрей приветствовал новую власть, охарактеризовав реалии общественно-политической жизни так: «...мы стоим лицом к лицу с величайшими возможностями в истории России и в истории Русской Церкви» [5].

Когда епископ Андрей был приглашен новой властью в Петроград и отклонил предложение стать митрополитом Петроградским, он побывал в действующей армии и результаты своей поездки подробно изложил на страницах «Заволжского летописца». О своей встрече с русскими офицерами и солдатами на фронте он сообщал в заметке под названием «Мои воспоминания о поездке в Петроград и в армию» следующее: «4 марта, получив срочную телеграмму от обер-прокурора свят. Синода В. Н. Львова о немедленном прибытии в Петроград, я того же числа и выехал туда... 12 марта, по просьбе военного министра А. И. Гучкова, я выехал из Петрограда в Ригу и Двинск для того, чтобы посетить войска передовых позиций нашей армии и благословить их на новый подвиг ратный, на защиту каждой сажени земли родной, при новом строе русской жизни. Проехав сначала в Псков, я посетил генерала Рузского, который удивил меня своим смирением и простотою. Очень понятно, что такие начальники при всяких режимах останутся общими любимцами». Далее епископ Андрей, призывая к поддержке новой власти, прежде всего, взывал к патриотическому чувству каждого солдата: «...теперь все наше помышление, все силы должны быть направлены на защиту родины от внешнего врага... мы все должны руководствоваться этою мыслью. “Бог, совесть чистая и родина”, – вот все, что должно занимать наши умы и сердца» [6].

Отметим, что передовая пресса страны не обошла вниманием данное событие. Так, по поводу приезда епископа Андрея в Петроград газета «Русское слово» от 14 марта сообщала следующее: «...вчера в Казанском соборе, в присутствии многотысячной толпы молящихся Епископ Уфимский, Андрей, произнес горящую проповедь, в которой призывал солдат и народ к созидательной работе, к объединению всей России, к достижению одной общей цели, к окончательной победе над внешним врагом. Закончил епископ следующими словами: «Сегодня я вызван генералом Рузским на фронт. Верьте Рузскому – он русский в полном и прекраснейшем смысле этого слова и вас, православные, не предаст» [7].

В одном из номеров «Заволжского летописца» епископ Андрей в своем обращении «К русскому духовенству», адресованному, прежде всего, сельскому духовенству, призывал к активному участию в организации приходской жизни: «Итак, настал последний час, когда духовенство, столкнувшись с действительной жизнью, и незагипнотизированное своими близорукими руководителями, может настроить приходскую жизнь – вернее: удержать народ в церковной ограде для пользы самого же народа.

Духовенство должно дать себе клятву ни в какую политику не лезть, никаких политических речей не произносить, а только делать свое великое церковное дело организации народа вокруг Церкви» [8].

По возвращении из Петрограда весной 1917 г. епископ Андрей приступил к осуществлению приходской реформы с введением приходского самоуправления (через приходские советы) и выборности всего духовенства. Примечательно, что многие видные деятели Восточно-русского Общества из числа интеллигенции активно участвовали в общественно-политической деятельности, а с лета 1917 г. возглавили приходские советы и вошли в состав Правления уфимских православных приходов [9].

Как уже было отмечено, особое внимание в сложившейся политической ситуации он уделял вопросу консолидации общества и видел возможность осуществления этого через организа-

цию приходской жизни. В одном из обращений к пастве епископа Андрея православный приход должен был стать объединяющим центром для выработки христианского отношения к современным событиям [10].

По инициативе епископа Андрея был созван экстренный съезд духовенства и мирян Уфимской епархии 25 апреля в Уфе, в рамках которого была утверждена программа съезда, главные цели которой определялись призывом к возрождению церковно-приходской жизни при современной свободе вероисповедания и мерами к укреплению церковной жизни [11].

Примечательно, что наиболее остро обсуждаемые вопросы в рамках епархиальных съездов, в том числе и уфимского, легли в основу деятельности Всероссийского съезда духовенства и мирян. Положения о приходе были выработаны самой обширной секцией Съезда, которой руководили известные ревнители церковно-приходского обновления, в числе которых были А. А. Папков, Н. Д. Кузнецов и епископ Андрей [12]. Центральным был вопрос о важности возрождения приходских собраний и советов. Одновременно обсуждалась необходимость активизации внутренней миссии Русской православной церкви. Участники Съезда отмечали, что миссионеры-проповедники должны расширять свое дело как в осуществлении миссионерской работы по отношению к раскольникам и представителям иных вер, так и в отношении всесторонней помощи приходским пастырям в реорганизации приходской жизни [13]. Отметим, что идеи, которые легли в основу «Положения о приходе», были предложены и активно разрабатывались и воплощались в жизнь епископом Андреем на территории Уфимской епархии. По мнению владыки, необходимо решительное вмешательство со стороны клира в общественную жизнь, священник обязан вносить духовное начало во все сферы функционирования прихода, в состав которого должна входить школа, больница, богадельня, библиотека, ремесленное училище и другие учреждения. Именно священник является связующим звеном с внешним (за пределами прихода) миром и возглавляет приходские отделения общественных организаций государственного масштаба: т. е. вся общественная жизнь должна проходить под контролем и с благословения настоятеля. Само собой разумеется, что обладание подобной духовной властью требует полной самоотдачи и высоконравственной жизни. Священник должен пользоваться абсолютным доверием прихожан, поэтому, делал вывод епископ Андрей, приход пользуется правом выбора и смещения своего пастыря [14]. Этому моменту владыка придавал большое значение и подробно разработал рекомендации акта избрания, ввел их повсеместно на территории своей епархии с июля 1916 г. Еще в апреле 1916 г. были опубликованы «Правила для избрания настоятелей храмов Божиих Уфимской епархии», в предисловии к которым Епископ писал: «...решаюсь просить вашей, братие, помощи в выборе и отыскании таких добрых пастырей, таких рабов Господних, которые были бы приветливы ко всем, учительны, незлобивы, наставляли бы всех с кротостью, чтобы были образцом в слове, в жизни, в любви, в вере, в чистоте». Весной 1917 г. епископ Андрей осуществил приходскую реформу с введением приходского самоуправления (через приходские советы) и выборности всего духовенства [15].

Также одним из самых дискуссионных вопросов, обсуждавшихся в рамках Съезда, был вопрос об отделении церкви от государства. Мнение епископа Андрея (Ухтомского) по этому поводу было следующим: «Съездом уже предreshен вопрос о том, что отделение церкви от государства не произойдет, и что обеспечение духовенство будет получать от государства. Я сочувствую такой точке зрения, но почти уверен, что в жизни этого никогда не будет, и прежнее сожитие между церковью и государством не восстановится» [16]. Опыт деятельности Поместного Собора подтвердил актуальность этого вывода.

Результатом работы Съезда стало практически единогласное принятие Декларации на его заключительном заседании 12 июня, которая представляла собой обобщение резолюций российских епархиальных съездов. В ней падение монархии признавалось закономерным. В частности, она гласила: «Приветствуем совершившийся политический переворот, давший церкви вместе со свободой самоуправления возможность подобных настоящему собраний, в тесном единении духовенства с мирянами. Чтим, как граждане, память самоотверженно страдавших и умиравших в борьбе за права народа и благословляем имена живых, ставших во главе народного движения к свержению прежней, потерявшей общее доверие власти» [17].

Таким образом, изучение материалов деятельности духовенства Уфимской епархии по разработке проекта церковной реформы и обсуждению вопросов о судьбах Православной церкви позволяет глубже понять сущность отношения представителей церковных кругов к переживаемым событиям 1917 г. в общероссийском масштабе и на региональном уровне, а также увидеть прямую преемственность обсуждаемых вопросов и принятых решений в работе Съезда и Поместного Собора.

Примечания и список литературы

1. Каиль М. В. Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 241–255.
2. Там же. С. 244.
3. Бабкин М. А. Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.). Исследования и материалы. М. : Индрик, 2011. С. 239.
4. Уфимские епархиальные ведомости за 1917 г. Уфа : Уфим. электр. тип., 1917.
5. Заволжский летописец. 1917. № 6. С. 151.
6. Заволжский летописец. 1917. № 7. С. 178–180.
7. Заволжский летописец. 1917. № 6. С. 146.
8. Там же. С. 147–148.
9. Зимина Н. П. Епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и деятельность Восточно-русского культурно-просветительного общества в г. Уфе (1916–1919 гг.) // Свобода совести в России : исторический и современный аспекты. Вып. II : сб. докл. междунар., общерос. и межрегион. науч.-практ. семинаров и конф. 2004–2005 гг. М., 2005. С. 220.
10. Заволжский летописец. 1917. № 6. С. 153.
11. Заволжский летописец. 1917. № 7. С. 183.
12. Потехин С. М. Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве по личным впечатлениям. Киев, 1917. С. 6–8.
13. Там же. С. 11.
14. Зеленогорский М. Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского). М. : Терра, 1991. С. 18–19.
15. Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 7. С. 219–220.
16. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году : материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. М. : Индрик, 2008. С. 134.
17. Там же. С. 185.

Notes and References

1. Kail' M. V. *T'Serkov' v revolyutsii: organizatsiya i rabota Vserossijskogo s'ezda dukhovenstva i miryan 1917 g.* [Church in the revolution: organization and work of the all-Russian Congress of clergy and laity 1917] // *Novejshaya istoriya Rossii* – The recent history of Russia. 2013, No. 1, pp. 241–255.
2. Ibid. P. 244.
3. Babkin M. A. *Svyashchenstvo i TSarstvo (Rossiya, nachalo XX v. – 1918 g.). Issledovaniya i materialy* [Priesthood and Kingdom (Russia, beginning of XX century – 1918). Studies and materials]. M. Indrik. 2011. P. 239.
4. *Ufimskie eparkhial'nye vedomosti za 1917 g.* – The Ufa diocesan gazette for 1917. Ufa. Ufa electrical printing house. 1917.
5. *Zavolzhskij letopisets* – Zavolzhsk chronicler. 1917, No. 6, p. 151.
6. *Zavolzhskij letopisets* – Zavolzhsk chronicler. 1917, No. 7, pp. 178–180.
7. *Zavolzhskij letopisets* – Zavolzhsk chronicler. 1917, No. 6, p. 146.
8. Ibid. Pp. 147–148.
9. Zimina N. P. *Episkop Ufimskij Andrej (Ukhtomskij) i deyatel'nost' Vostochno#russkogo kul'turno# prosvetitel'nogo obshchestva v g. Ufe (1916–1919 gg.)* [Bishop of Ufa Andrew (Ukhtomsky) and the work of the Eastern Russian cultural and educational society in the city of Ufa (1916–1919)] // *Svoboda sovesti v Rossii : istoricheskij i sovremennyj aspekty. Vyp. II : sb. dokl. mezhdunar., obshcheros. i mezhhregion. nauch.-prakt. seminarov i konf. 2004–2005 gg.* – Freedom of conscience in Russia: historical and modern aspects. Issue II. Intern., all-Russian I Interregion. scientific-pract. seminars and conference. 2004–2005. M. 2005. P. 220.
10. *Zavolzhskij letopisets* – Zavolzhsk chronicler. 1917, No. 6, p. 153.
11. *Zavolzhskij letopisets* – Zavolzhsk chronicler. 1917, No. 7, p. 183.
12. Potekhin S. M. *Vserossijskij s'ezd dukhovenstva i miryan v Moskve po lichnym vpechatleniyam* [All-Russian Congress of clergy and laity in Moscow on personal impressions]. Kiev. 1917. Pp. 6–8.
13. Ibid. P. 11.
14. *Zelenogorskij M. Zhizn' i deyatel'nost' arkhiepiskopa Andrey (knyazya Ukhtomskogo)* [Life and activity of Archbishop Andrew (Prince Ukhtomsky)]. M. Terra. 1991. Pp. 18–19.
15. *Ufimskie eparkhial'nye vedomosti* – The Ufa diocesan bulletin. 1916, No. 7, pp. 219–220.
16. *Rossijskoe dukhovenstvo i sverzhenie monarkhii v 1917 godu : materialy i arkhivnye dokumenty po istorii Russkoj pravoslavnoj tserkvi* – Russian clergy and the overthrow of the monarchy in 1917: materials and archival documents on the history of the Russian Orthodox Church) / comp., foreword and comments by M. A. Babkin. M. Indrik. 2008. P. 134.
17. Ibid. P. 185.

УДК 93

Социальные проблемы городского населения в годы нэпа и пути их решения в условиях формирования патерналистской модели государственной социальной политики (на примере Царицына-Сталинграда)

Олейникова Е. Г.

доктор исторических наук, профессор, директор центра «Школа кадрового резерва»
Волгоградского института управления, филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 400123, г. Волгоград,
ул. Гагарина, 8. E-mail: gattogatto@mail.ru

Аннотация: В статье проанализированы особенности государственной социальной политики в период нэпа. Выявлены социальные проблемы населения Царицына-Сталинграда в исследуемый период, пути решения наиболее острых социальных проблем: снабжение продовольствием, занятость, оплата труда, предоставление жилья. Проведен сравнительный анализ либеральной и патерналистской моделей социальной политики с точки зрения причастности государства к решению социальных проблем населения. Выявлены специфические черты государственного патернализма в социальной сфере. Обобщен исторический опыт сочетания экономических и административных методов социального управления в период нэпа. Обоснованы выводы о влиянии экономической либерализации на состояние и пути решения социальных проблем населения. Доказано, что исследование социальной политики периода патернализма имеет важное теоретическое и практическое значение в современных условиях формирования в Российской Федерации социального государства.

Ключевые слова: социальная политика государства, управление социальной сферой, социальные проблемы населения, новая экономическая политика, государственный патернализм.

Social problems of the urban population during the NEP and ways to address them in the context of the formation of a paternalistic model of State social policy (exemplified by Tsaritsyn-Stalingrad)

Oleynikova E. G.

doctor of historical sciences, professor. Reserve Staff school director of the
Volgograd Institute of Management – a branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation. 8 Gagarin str.,
400123, Volgograd. E-mail: gattogatto@mail.ru

Abstract: The article analyzes the features of the state social policy during the NEP period. The social problems of the population of Tsaritsyna-Stalingrad during the period under study, ways of solving the most acute social problems are revealed: food supply, employment, labor compensation, housing provision. A comparative analysis of the liberal and paternalistic models of social policy has been carried out from the point of view of the state's involvement in solving social problems of the population. Specific features of state paternalism in the social sphere are revealed. The historical experience of combining economic and administrative methods of social management during the NEP period is generalized. The conclusions about influence of economic liberalization on a condition and a way of the decision of social problems of the population are proved. It is proved that the study of historical aspects of social policy has an important theoretical and practical significance in the current conditions of the formation of a social state in the Russian Federation.

Keywords: social policy of the state, management of the social sphere, social problems of the population, a new economic policy, state paternalism.

Российская Федерация в настоящее время переживает процесс формирования основ социального государства, одной из основных целей внутренней политики которого служит обеспечение достойного уровня жизни и свободного развития всем членам общества. В связи с этим актуальным направлением научных исследований является изучение изменений социальных функ-

ций государства в процессе его экономического и политического развития. Социальную функцию государства применительно к различным государственным типам исследователи определяют как направление его правовой и организационно-практической деятельности, регулирующее уровень жизни и процессы реализации социально-экономических прав личности в объеме, адекватном конкретному этапу развития общества и государства [1]. Осуществление социальной функции напрямую связано с моделью социальной политики, которая сформировалась в государстве под влиянием исторических, политических, экономических, ментальных и иных факторов. Как известно, две модели социальной политики – либеральная и патерналистская – во многом противоположны друг другу с точки зрения причастности государства к решению социальных проблем населения. Либеральная модель, функционирующая в условиях свободного рынка, предусматривает минимальное вмешательство государства в социально-экономические процессы, в результате чего уровень благополучия индивида зависит главным образом от его собственных усилий. Государство, предоставляя свободу действий, не ставит своей задачей смягчение социальных издержек, компенсацию рисков, решение социальных проблем тех граждан, которые по различным причинам не в состоянии сами достичь высокого уровня жизни.

В условиях патерналистской модели, которая нашла наиболее полное воплощение в СССР, государство, напротив, определяло в качестве одной из стратегических целей достижение и постоянный рост благосостояния граждан. В условиях абсолютного преобладания государственной собственности, планового хозяйства экономическая инициатива и свобода человека были сведены к минимуму. Государство выступало основным гарантом унифицированного набора социальных благ, которые стремилось предоставить населению.

По нашему мнению, специфической чертой и важным преимуществом модели социального государства является возможность гармоничного сочетания свободы развития, которая предоставляется индивиду, и определенных государственных гарантий, защищающих людей от бедности и социальной деградации даже в неблагоприятных экономических условиях.

В теории и практике социального государства, наряду с либерализмом, очевидно определенное влияние патернализма, но реализуются эти патерналистские принципы в условиях рыночного хозяйства и политической демократии, что значительно меняет их проявление и результаты. В процессе формирования модели социального государства в нашей стране не только теоретическую, но и практическую значимость приобретает исследование и критическая оценка опыта государственного патернализма на разных этапах исторического развития советской социальной политики. В этом смысле особый интерес, на наш взгляд, представляет период нэпа. В годы Гражданской войны в социальной политике советского государства были заложены основы патернализма, причем осуществлялись они тогда в гипертрофированной форме, в рамках политики «военного коммунизма». Издержки этой жесткой политики чуть не привели страну к социально-экономическому и политическому коллапсу.

Новая экономическая политика начиналась в условиях полной деградации социальной сферы и массовой нищеты населения. В начале 1920-х гг. произошла одна из самых страшных катастроф двадцатого столетия – разразившийся голод унес жизни миллионов людей. Города Поволжья особенно пострадали от голода. Число голодающих жителей Царицына превысило 30 тыс., в целом по Царицынской губернии голодало 70% населения [2].

Экономика Царицына была разрушена гражданской войной, восстановление в условиях «военного коммунизма» происходило крайне медленно. Как и по всей стране, большое количество национализированных промышленных объектов не функционировало. На работавших предприятиях производственные показатели были значительно ниже довоенных, оплата труда – мизерной. Так, в начале 1921 г. уровень заработной платы на предприятиях Царицына составлял всего 27,8% от уровня 1913 г. [3] Заработная плата выдавалась нерегулярно, практиковалась замена денежных выплат произведенной продукцией.

В рамках новой экономической политики в стране происходило трестирование предприятий, которое являлось формой перевода государственной промышленности на начала хозяйственного расчета и осуществлялось в соответствии с плановыми заданиями центральных органов. В соответствии с политикой центра крупные предприятия Царицына остались в государственной собственности, социалистический сектор составлял более 2/3 промышленности. В то же время ряд предприятий были переведены на хозрасчет, к примеру, гвоздильно-проволочный завод «Красная застава», который успешно работал в новых экономических условиях.

Большинство царицынских заводов выполнили план 1922/1923 гг. и дали прибыль. Сравнительно быстро восстанавливались лесопилюющая, гвоздильно-проволочная, кожевенная и горчишно-маслобойная отрасли. Постепенно стала улучшаться ситуация в оплате труда. Одним из крупнейших заводов города являлся металлургический завод ДЮМО (в 1922 г. переименованный в

«Красный Октябрь»). Царицынский губернский исполком советов неоднократно ходатайствовал перед центральной властью о выдаче заводу субсидии для выплаты рабочим заработной платы.

К середине 1920-х гг. новая экономическая политика обеспечила постепенный выход сталинградской экономики из кризиса (в 1925 г. Царицын был переименован в Сталинград). В феврале 1926 г. губернский съезд советов отмечал, что промышленность Сталинградской губернии в силу благоприятных географических условий быстро развивалась в прошлом и имеет еще более оснований для дальнейшего роста. Было принято решение неослабно продолжать промышленное развитие, переходя от использования существующего основного капитала на переоборудование и новое строительство; добиться постройки тракторного завода и нескольких электростанций [4].

Введение нэпа создало условия для постепенного оздоровления социальной ситуации. Правительственная реформа несколько стабилизировала финансовую систему. Предприятия переходили на оплату труда исключительно в денежной форме.

Однако промышленность города не всегда работала стабильно, что негативно сказывалось на городском бюджете. Так, в секретном письме Сталинградского губфинотдела в Президиум губисполкома и Президиум горсовета от 15 июля 1926 г. сообщалось о сложном финансовом положении местного городского бюджета, вызванном невыполнением налоговых обязательств предприятиями Сталинграда. В результате заработная плата за июль 1926 г. в государственном секторе была выплачена лишь на 50% [5].

Как и по всей стране, в Сталинграде развитие нэпа сопровождалось обострением проблемы занятости. В секретном сообщении губернского отдела труда (ГОТ) Сталинградскому губисполкому ВКП (б) от 7 декабря 1926 г. сообщалось о нарастании в городе безработицы, которая только за ноябрь 1926 г. увеличилась на 1 449 человек. Значительное превышение предложений рабочей силы над спросом наблюдалось среди строителей, водников, транспортников, сотворгслужащих, чернорабочих. Предлагалось создать при Комитете Биржи труда специальный фонд помощи безработным, средства для него получить путем дополнительного налогообложения городских магазинов, ресторанов, буфетов, торгующих спиртными напитками после 23 часов, а также обложить новым налогом казино и другие игорные заведения [6].

Чрезвычайно острой была жилищная проблема, особенно среди работников городской промышленности. Мест в заводских общежитиях не хватало, нередко в них проживали граждане, не имеющие отношения к производству. К примеру, в декабре 1926 г. в заводоуправлении «Красного Октября» имелось более 5 тыс. заявлений от рабочих о предоставлении квартир. В то же время заводской жилищный фонд населяли около 100 семей «со стороны» [7]. Рабочим и их семьям приходилось снимать жилье на собственные средства. В многочисленных жалобах, поступавших от рабочих в горсовет и городской комитет ВКП (б), отмечалось, что найти квартиру в Коммунах трудно, а частники требуют предоплату за полгода и берут очень дорого, так как никакой предел цен на съемное жилье властями не установлен [8].

Власти города пытались снизить остроту недостатка жилья и социальных учреждений как силовыми, так и экономическими методами. Сталинградский губком ВКП (б) принял постановление о выделении под жилье студентам городских техникумов и Рабфака помещений, занимаемых под красные уголки непромышленными союзами [9]. На заседании Бюро райкома ВКП (б) от 3 декабря 1926 г. было решено: прекратить практику самовольных захватов заводских квартир, дела о самовольных захватах пропускать через НарСуд вне очереди; провести выселение из заводских жилищных фондов граждан, не связанных с производством. В то же время партийным организациям заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады» поручалось совместно с профорганами проработать вопрос о развитии заводского, а также кооперативного и индивидуального жилищного строительства при кредитовании его со стороны государства [10]. Был создан специальный фонд по улучшению быта рабочих, средства которого направлялись на ремонт и постройку жилья.

Рыночные отношения позволили изыскивать новые возможности для смягчения остроты продовольственной проблемы. Губернские и городские власти работали над налаживанием контактов с частными производителями. К примеру, 22 июля 1926 г. на заседании хлебного совещания при Сталинградском ГУБВНУТОРГе были разработаны меры по своевременному обеспечению Сталинграда хлебом и созданию некоторых запасов на будущее, которые включали осуществление закупок на внутругубернском и соседних рынках; более тесное сотрудничество с хлеботоргующими организациями; получение полной информации от данных организаций, а также от Хлебопродукта об объемах поступлений хлеба в Сталинград [11].

Сталинградским горкомом ВКП (б) было решено создать централизованный резерв снабжения в размере 250 пудов ржи и 150 пудов пшеницы и разместить его на сталинградской мельнице № 151. Были предусмотрены меры по развитию как государственного, так и частного производства хлеба: помощь коллективов промышленных предприятий на строительстве хлебаза-

вода в поселке им. Рыкова; улучшение работы кооперативной сети, исходя из необходимости бесперебойного снабжения населения хлебом и ликвидации очередей; привлечение мелкого частного к делу выпечки и распределения хлеба [12].

Таким образом, патерналистская социальная политика в период нэпа обеспечила государственный контроль и оказание государственной помощи в решении наиболее острых социальных проблем: снабжение продовольствием, занятость, оплата труда, предоставление жилья. Новая экономическая политика не изменила общих принципов государственного патернализма, с его достоинствами и недостатками, но создала возможность использовать преимущества рыночной экономики, элементы которой допускались в системе советского народного хозяйства.

Примечания и список литературы

1. *Симонова С. С.* Социальная функция государства по обеспечению продовольственной безопасности // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 2 (27). С. 275.
2. Волгоград: хроника истории. 1589–1989 гг. Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988. С. 130.
3. *Водолагин М. А.* Очерки истории Волгограда. 1589–1967. М. : «Наука», 1968. С. 235.
4. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 37. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–13.
5. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 7. Л. 27.
6. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 7. Л. 124–126.
7. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 7. Л. 123.
8. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 7. Л. 66.
9. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 10. Л. 34.
10. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 7. Л. 123.
11. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 7. Л. 18.
12. ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 3. Д. 10. Л. 2.

Notes and References

1. *Simonova S. S.* *Sotsial'naya funktsiya gosudarstva po obespecheniyu prodovol'stvennoj bezopasnosti* [Social function of the state to ensure food security] // *Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa* – Business. Education. Right. Herald of the Volgograd Institute of Business. 2014, No. 2 (27), p. 275.
2. *Volgograd: khronika istorii. 1589–1989 gg.* – Volgograd : chronicle of history. 1589–1989. Volgograd. Lower Volga Book publishing house. 1988. P. 130.
3. *Vodolagin M. A.* *Ocherki istorii Volgograda. 1589–1967* [Essays on the history of Volgograd. 1589-1967]. M. Nauka. 1968. P. 235.
4. State archive of Volgograd region (hereinafter – SAVO). F. 37. Inv. 1. File 14. Sh. 1–13.
5. SAVO. F. P 71. Inv. 3. File 7. Sh. 27.
6. SAVO. F. P 71. Inv. 3. File 7. Sh. 124–126.
7. SAVO. F. P 71. Inv. 3. File 7. Sh. 123.
8. SAVO. F. P 71. Inv. 3. File 7. Sh. 66.
9. SAVO. F. P 71. Inv. 3. File 10. Sh. 34.
10. SAVO. F. P 71. Inv. 3. File 7. Sh. 123.
11. SAVO. F. P 71. Inv. 3. File 7. Sh. 18.
12. SAVO. F. P 71. Inv. 3. File 10. Sh. 2.

УДК 93/94

О причинах Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г.*

Цысь В. В.

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России,
Нижевартовский государственный университет. 628605, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56.
E-mail: roshist@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены причины Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. – крупнейшего вооруженного антибольшевистского выступления за всю историю существования Советской России, СССР. Особое внимание обращается на факторы, обусловившие рост недовольства населения на Севере Западной Сибири.

Среди них выделены злоупотребления при проведении продовольственной разверстки, привлечении местных жителей к трудовой повинности; бессистемность разверсток и повинностей; слабость органов местного управления на всех уровнях, из-за чего наблюдалась рассогласованность действий различных государственных учреждений, занимавшихся осуществлением политики военного коммунизма; столкновение общественных настроений, ожиданий, представлений о перспективах развития страны, предопределивших действия конкретных людей в определенных ситуациях, завышенные ожидания представителей власти, наиболее активной части коммунистов о возможностях и перспективах скорейшего перехода к безрыночному обществу, порождавшее насилие в отношении классово и идеологически чуждых слоев общества; непонимание руководителями различных уровней местной специфики, высокомерное, пренебрежительное отношение к «несознательным» северянам; «пограничное» положение Тюменской губернии между Уралом и Сибирью, порождавшее, в том числе, слабость местных военных сил, которые оказались не в состоянии быстро погасить локальные вспышки народного недовольства.

Ключевые слова: крестьянское восстание, Западная Сибирь, предпосылки, Тюменская губерния, военный коммунизм, трудовая повинность, продразверстка, общественные настроения.

On reasons for peasant rebellion in Western Siberia in 1921

Tsys' V. V.

doctor of historical sciences, professor of the history of Russia, Nizhnevartovsk State University.
56 Lenin str., 628605, Nizhnevartovsk. E-mail: roshist@mail.ru

Abstract: The article looks at the reasons for the peasant rebellion in Western Siberia in 1921, the biggest armed anti-Bolshevik resistance in history of USSR. The publication particularly examines factors that strengthened dissatisfaction among citizens in the North of Western Siberia.

The following factors have been established: corrupt practices in food rationing; establishing mandatory universal labour duty; lack of systematic approach and logic in food rationing and labour duty fulfillment; weakness of local government at all levels because of what was observed misalignment between actions of different government structures dealing with war communism policies; government's excessive expectations about prospects of transition to market-free economy, generated violence against class and ideologically alien sections of society; lack of understanding of regional peculiarities from the government structures, arrogant and disrespectful attitude to "irresponsible" northerners; borderline position of Tyumen governorate between the Urals and Siberia that was a reason for weak military forces, who were unable to quickly repay local outbursts of popular discontent.

Keywords: peasant rebellion, Western Siberia, premises, Tyumen governorate, war communism, labour duty, food rationing, public attitudes.

Причины крупнейшего в истории Советской России и СССР антибольшевистского народного выступления привлекали внимание исследователей практически сразу же после его подавления. В советской историографии упор делался на происки внутренней «контрреволюции», а также местной специфике – высоком удельном весе кулачества, относительной зажиточности сибирского крестьянства, слабости органов советской власти. Злоупотребления продработников хотя и упоминались, но лишь в качестве дополнения к вышеназванным обстоятельствам [1].

Аналізу факторов, спровоцировавших начало восстания, посвящены работы ряда современных ученых. «Первопроходец» темы с точки зрения ее переосмысления в перестроечной и постсоветской историографии К. Я. Лагунов пальму первенства отдает ошибочным, а иногда и просто

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и администрации ХМАО-Югры, проект № 17-11-86001.

© Цысь В. В., 2017

преступным действиям продработников, инертности и благодушию губернского руководства, его «обюрокрачиванию». В свою очередь причины такого поведения видятся автору в следующем:

«1. Безудержный карьеризм. 2. Левацкий заскок, стремление любой ценой дожать сибирского куркуля... 3. По-барски пренебрежительное отношение к крестьянину, пренебрежение его интересами, хозяйской психологией и человеческим достоинством. 4. Намеренное натравливание сибирского крестьянина на Советскую власть. Сознательная провокация мятежа» [2].

Не возражая в принципе против подобных оценок (за исключением последнего, четвертого пункта), В. И. Шишкин их скорректировал с помощью соответствующей лексики и научных обобщений: «Недовольство населения политикой центральных и местных, прежде всего губернских, властей (продразверстками, мобилизациями и трудовыми повинностями), не считавшихся с реальными интересами и объективными возможностями крестьянства, а также возмущение методами осуществления этой политики, злоупотреблениями и преступлениями сотрудников продовольственных органов» [3]. В целом аналогичные факторы новосибирским ученым приводятся и в других работах [4].

При конкретизации указанных выводов автором обращается внимание на такие обстоятельства, как наличие среди большевиков всех уровней лиц с криминальными наклонностями, карьеристов, приспособленцев, революционных фанатиков, случайных людей, не способных, с одной стороны, адекватно оценить социально-экономическую ситуацию в Тюменской губернии, с другой стороны – готовых в личных интересах или в угоду начальству поступиться и совестью, и принципами законности [5].

В обобщающем исследовании, посвященном характеристике народных выступлений в Сибири в начале 1920-х гг., В. И. Шишкин выделяет три группы причин. К первой отнесено идейное неприятие частью сибиряков советской власти, ко второй – недовольство политикой и конкретными действиями большевиков (создание ревкомов, продразверстка, военные и трудовые мобилизации, религиозная политика), к третьей – озлобление населения злоупотреблениями и жестокостью представителей местной власти [6]. Применительно к Западно-Сибирскому крестьянскому восстанию автор склоняется к выводу, что пересечение именно второй и третьей групп факторов привело к его возникновению.

Н. Г. Третьяков считал, что в основе обострения политической ситуации в Тюменской губернии лежали недовольство крестьян продразверсткой, запретом свободной торговли при неспособности властей обеспечить деревню необходимыми товарами, методы заготовок продовольствия, сопровождавшиеся массовыми репрессиями в отношении крестьянства, злоупотреблениями и преступными действиями продорганов [7].

Несмотря на в общем-то достаточно подробную проработку причин восстания, необходимо дополнить этот список, а некоторые его пункты пояснить конкретными примерами.

Основное внимание в отечественной историографии обращается на злоупотребления в ходе проведения продразверстки [8]. Применительно к Северу Западной Сибири об издержках при принудительном изъятии продукции сельскохозяйственного производства и промыслов говорится в докладе председателя Березовского уездного исполкома Т. Д. Сенькина, составленном в конце января 1921 г. За отсутствием в крае хлеба, который можно было бы отобрать у населения, крайне негативную реакцию вызвало проведение мясной разверстки в форме и размерах, противоречащих здравому смыслу. Так, в конце января 1921 г. политком Кондинской продконторы издал «боевой» приказ о заготовке мяса. Если в семье из восьми человек имелось две коровы, одну следовало забить. «Самое главное, – отмечал Т. Д. Сенькин, – повлиял убой тельных коров», а таковых насчитывалось до 85%. Телиться они должны были в феврале. Местные жители просили подождать «до пароходов», ведь все равно мясо трудно будет вывезти до открытия навигации. Но уговоры не подействовали. Коров забили на глазах у обывателей, «что отразилось на нервах женщин, которые со слезами приносили жалобы» [9]. Изъятие мяса привело к тому, что к февралю 1921 г. население, по словам председателя уездного исполкома, оказалось «на чае с хлебом» [10]. Взамен поставляемой по разверстке рыбы ожидалось поступление рыболовных снастей. Вместо этого в феврале 1921 г. на изморенных лошадях из Тобольска привезли чугунные котлы.

Кроме того, существенную роль, особенно в непроизводящих районах, к числу которых относился и Тобольский Север, играл такой фактор, как бездумное, бессистемное применение принципов всеобщей трудовой повинности. Военный коммунизм предполагал всеобъемлющую глобальную перестройку производства и распределения. Хотя для достижения данной цели отсутствовали объективные возможности, это не останавливало сторонников безрыночной экономики. В соответствии с действовавшим в то время КЗоТом и другими законодательными актами собственность человека на свою способность к труду признавалась общественным достоянием. Государство, разумеется, «для народного блага», использовало рабочую силу по своему усмотрению.

нию. Ее учет и распределение возлагались на специальные комитеты по проведению всеобщей трудовой повинности (комтруды).

Как отмечалось в одной из резолюций 1-го Тюменского губернского съезда советов, «трудовая повинность является одной из основ организованного похода против разрухи и достижения экономического возрождения страны» [11]. Председатель Сургутского уездного исполкома Н. О. Горяев на заседании 24 января 1921 г. подчеркивал, что «трудповинность есть альфа и омега новой жизни» [12]. В 1920–1921 хозяйственном году основной объем работ по трудовой повинности был связан с лесозаготовками для нужд транспорта, промышленности, государственных учреждений.

Приказом председателей губисполкома, губкомтруда, гублескома от 28 сентября 1920 г. объявляется мобилизация мужчин в возрасте от 18 до 50 лет на период с 10 октября по 15 декабря 1920 г. для проведения лесозаготовительных работ [13]. Комтрудам предписывалось привлечь в Тюменском уезде 40%, в Ишимском – 15%, Ялуторовском – 30%, Тобольском – 40%, Туринском – 70% трудоспособного населения. Мобилизованные должны были объединяться в «дружины» по 20–40 человек. Обеспечение инструментами возлагалось на само население. Уклоняющимся от работ грозило привлечение к ответственности «по законам военно-революционного времени вплоть до лишения свободы, конфискации имущества и инвентаря» [14]. Конкретные задания давались уездам и волостям примерно на тех же принципах, что и при продовольственной разверстке.

Всего же только по 1 ноября 1920 г. в Тюменской губернии было отработано на лесозаготовках 1 027 965 рабочих дней и 1 432 496 коне-дней. По данным переписи 1920 г., в пяти южных уездах было учтено 202 796 трудоспособных мужчин [15]. Соответственно каждый из них отработал на лесозаготовках в среднем по 10 дней. Однако из этого числа необходимо вычесть освобожденных от трудовых мобилизаций: служащих государственных учреждений, рабочих промышленных предприятий и ремесленных мастерских, по одному члену семьи красноармейца и др. Поэтому фактические сроки привлечения крестьян к заготовке и вывозке были выше. Тем не менее, несмотря на грозные приказы, план на сезон 1920–1921 гг. по заготовкам дров был выполнен лишь на 56,8%, других лесоматериалов – на 37,1%, по вывозке соответственно на 32,6% и 23,8% [16]. В том числе, вероятно поэтому, наряду с изъятием «излишков» продовольствия, население следовало избавлять и от «лишних» дров, как это предписывалось приказом Тюменского губисполкома от 27 октября 1920 г. [17].

Таким образом, трудовые мобилизации на территории Тюменской губернии не привели к таким же «успехам» в лесозаготовках, как в отношении продрозверстки, как известно, выполненной на 106%. Однако игнорировать влияние указанного фактора на рост антикоммунистических настроений среди населения региона вряд ли возможно.

О некоторых обстоятельствах, которыми сопровождалось выполнение государственных заданий по лесозаготовкам, а также о связи данного вида повинности с продрозверсткой можно судить по протоколу общего собрания граждан дер. Гусельниковой Троицей волости Тюменского уезда от 10 февраля 1921 г. В документе сообщалось, что крестьянами в предыдущий сезон было засеяно овсом 107 десятин земли, с которых собрали 3699 пудов (п.) овса. Из этого количества 704,5 п. сдается в разверстку, 842 п. – оставляется на семена. Однако в начале февраля 1921 г. по распоряжению губпродкома по разверстке изымается еще 1856 п. 22 фунтов. В результате жители деревни оказались совершенно лишены возможности не только выполнять задания комтруда по доставке в Тюмень 99 куб. сажени дров, но и содержать имевшихся у них 188 лошадей и 105 коров [18].

На Севере Западной Сибири привлечение населения к трудовой повинности производилось как для лесозаготовок, так и для транспортировки грузов. Дрова являлись основным топливом для пароходов, советских учреждений, предприятий. В сезон 1920–1921 г. гублескомом возлагается на Сургутский уезд непомерно большая дровяная разверстка – 27 тыс. погонных саженьей (п. с.) – по 22 п. с. на каждого трудоспособного мужчину [19]. Хотя даже в прежние мирные годы объем заготовки не превышал 12–15 п. с., а в предыдущем году он составил, по официальным данным, 11 383 п. с. В протоколе заседания Тобольского уездного комтруда от 3 февраля 1921 г. отмечалось, что все инородческое население в радиусе 100 верст от Березова мобилизовано для вывозки дров, лошади измучены, овес не выдается; в Сургуте «все жалуются» на непосильную заготовку дров, что служит одной из причин срыва пушного промысла [20].

Негативную реакцию населения вызывали не только злоупотребления представителей власти, но и бессистемность *разверсток и повинностей*, отсутствие логики в их проведении, которую крестьянин бы смог понять.

В декабре 1920 г. особоуполномоченный по продразверстке в Пресногорьковском районе, член уисполкома М. Басков (весной 1921 г. исполнял обязанности председателя Акмолинского губисполкома) в докладе Петропавловскому уисполкому сообщал:

«Крестьяне, например, прекрасно знают, что на деревни в 100 дворов Курганского уезда, где население зажиточное, наложено 10–12 тыс. пудов, а на таковую же деревню Петропавловского уезда уже не менее 25–30 тыс. пуд. Второе – некоторые разверстки наложены слишком поздно... А самое главное, при разверстке не учитывалось, чем данный район более богат, чем другой, и наоборот... Все эти мелочи создают на месте всевозможные трения и недоразумения между агентами продорганов и населением, вызывают недоверие, а иногда и создают конфликты, чем, естественно, тормозится работа, а главное создает у населения впечатление, что разверстка налагается не Соввластью, а что каким-то отдельным агентом продоргана или комиссаром по личному его усмотрению, а может, и по злобе за что-либо. Вот в этом-то разубедить очень трудно...» [21]

В телеграмме председателя Ялуторовского уездного комтруда от 18 января 1921 г. сообщалось, что «несмотря на неоднократные распоряжения», мандаты на право проведения трудовых мобилизаций выдаются лицами, не имеющими на то полномочий: продкомиссаром, заведующим отделом управления, сами же мобилизации производятся «с помощью вооруженной силы» в нарушение КЗоТ [22].

На одном из заседаний Тюменского губкомтруда в начале 1921 г. прозвучало обращенное к губпродкому требование «прекратить самовольные мобилизации», снятие продотрядами с лесозаготовок гужевой силы для собственных нужд [23].

Такие же непродуманные хаотичные действия были характерны и для Севера Западной Сибири. Теоретически предполагалось, что каждый трудоспособный гражданин получит трудовую карточку. Выполнив определенный объем работы, он в дальнейшем освобождался от мобилизаций. Но на практике в данном вопросе наблюдалась полная неразбериха, отсутствие разумной меры. На одном из заседаний Сургутского уездного исполкома отмечалось: «Все инструкторы заявляют, что именно их разверстка самая важная, поэтому население не знает – бить пушнину, ловить рыбу или заготовливать дрова» [24]. Так, 24 января 1921 г. уисполком принимает решение мобилизовать для вывозки рыбы всех мужчин Тундринской и Локосовской волостей, имевших трех и более лошадей. В этот же день поступила телеграмма от губпродкомиссара с требованием «в боевом порядке мобилизовать нужное количество лошадей для отправки рыбы из Сургута до Тобольска» [25]. Одновременно объявляется «неделя дров». Население постоянно привлекалось к так называемой «советской гоньбе» – перевозке многочисленных инспекторов, контролеров, курьеров и т. п. По свидетельству заведующего уездным транспортно-материальным отделом, из-за большого количества проезжающих «обывательская гоньба... в корень подорвет экономическую жизнь уезда», так как не будет времени заниматься своими повседневными делами [26]. Несколько дней спустя объявляется повторная мобилизация в Локосовской волости для доставки 2 тыс. пудов муки в Ларьякскую волость. Ямщики Ново-Никольской и Лумпокольской волостей направляются с грузами в Томск. В первых числах февраля 1921 г. в Сургут приезжает член райпродколлегии Писарев и требует выделить еще 70 подвод для вывоза рыбы и пушнины. При этом маршрут движения был губернскими властями удлинён. Если первоначально сургутяне свозили рыбу в с. Реполово, то позднее обязали доставлять ее непосредственно в Тобольск. Всего за январь – февраль 1921 г. было привлечено к работам по трудовой повинности 1 222 мужчин, 1 208 подвод, 364 олени упряжки. Из них на лесозаготовках по заданиям гублескома было занято около 100 мужчин и 142 подводы. Только за январь перевезли 16 351 пуд продовольственных грузов. Тем не менее еще около 8 тысяч пудов рыбы все еще оставалось на складах [27].

Важно подчеркнуть, что, хотя идея всеобщего учета и контроля была краеугольным камнем военного коммунизма, планомерности в применении массовой организованной рабочей силы и выполнении государственных заданий достичь не удалось. Между продорганами и комтрудами наблюдалась постоянная конкуренция за право использования рабочей и гужевой силы, что создавало дополнительную нагрузку на и без того истощенное крестьянское хозяйство.

Еще одна возможная причина сложной ситуации в крае – «пограничное» положение Тюменской губернии между Уралом и Сибирью. Подчинение Зауралья долгое время оспаривалось двумя региональными управленческими структурами – Сибревкомом (Омск) и Советом 1-й Революционной армии труда (РАТ) (Екатеринбург). Номинально Зауралье входило в сферу компетенции 1-й РАТ. Из Екатеринбурга поступали распоряжения о проведении трудовых мобилизаций и разверсток. Совтрударму подчинялись и структуры, отвечавшие за проведение политики военного коммунизма, включая комтруды и продкомы. Одновременно губерния была включена в состав Западно-Сибирского военного округа. Соответственно части Красной армии находились в веде-

нии Омска. В том числе и поэтому впоследствии руководство подавлением восстания возлагалось на помглавкома по Сибири В. И. Шорина.

Дислоцировавшиеся в Тюменской губернии воинские подразделения в плане обеспечения находились в роли «пасынков» военных властей. Омск и Екатеринбург старались спихнуть друг на друга эту обременительную обязанность. В докладной записке слушателя Академии Генерального штаба Станкевича в Уралкомтруд указывалось на «очень тяжелое» положение тюменского гарнизона, который не снабжается Западно-Сибирским военным округом обмундированием [28]. В то же время в телеграмме председателя Чусоснабарма (Чрезвычайный уполномоченный Совета Рабочей и Крестьянской Обороны по снабжению Красной Армии и Флота) Урала от 15 ноября 1920 г. сообщалось, что поскольку Тюменская губерния находится в составе Западно-Сибирского военного округа, последний и должен обеспечивать располагавшиеся на ее территории воинские части [29].

Такая двойственность отражалась и на гражданских учреждениях. «Большой тормоз в работе ощущается в неопределенности положения Тюменской губернии, находящейся в административном подчинении то Сибревкома, то Совтрударма I. На местах наблюдается сильный сепаратизм, партизанщина, все делается в интересах местной колокольни, только потом доводится до сведения Губернского центра», – отмечалось в докладе председателя Тюменского губвоенревкома С. А. Новоселова перед делегатами 1-го губернского съезда советов, проходившего с 1 по 5 июня 1920 г. [30]

Об этой же проблеме говорил на съезде и председатель губпродкома Гвиздон: «Главным образом работа тормозилась тем, что Губпродком не знал основательно – какие требования ему исполнять: Наркомпрода, Сибпродкома или I-й Трудовой армии, из которых каждый давал свои распоряжения, порой противоречащие друг другу» [31].

В ряде случаев губернские власти самостоятельно определяли, какие указания им следует выполнять, а какие нет. Например, на заседании Тюменского губкомтруда 5 января 1921 г. было принято решение реализовать приказ Западно-Сибирского военного округа о мобилизации квалифицированных граждан в возрасте до 50 лет, так как «она не принесет ущерба, а лишь пополнит специалистами наши хозяйственные учреждения» [32].

Следует отметить, что вопрос об административной подчиненности Зауралья оставался актуальным и в дальнейшем, являясь предметом спора между Уралом и Сибирью в ходе районирования 1923–1925 гг. [33]

Последствием подобной неразберихи были *слабость местных военных сил*, в том числе милиции, которая теоретически и должна была заниматься поддержанием правопорядка и борьбой с «контрреволюцией», отсутствие должного контроля за действиями учреждений низшего звена со стороны региональной власти. Так, в докладе командира 1-го пехотного Коммунистического полка (его роты были дислоцированы в уездных центрах) в Тюменский губернский комитет РКП (б) от 1 января 1921 г. обращалось внимание на «громадное разложение коммунистических частей» [34]. В одном из приказов отмечается «низкая боеготовность комсостава» [35]. Непосредственно контактировавшие с крестьянством продовольственные отряды, которых в Тюменской губернии насчитывалось 21 [36], небольшие по численности, сформированные из рабочих, а не военных, не являлись серьезной вооруженной силой, способной погасить разгоравшийся пожар восстания.

Следующий фактор относится скорее к особенностям общественных настроений периода глобальных революционных потрясений. Для части советских руководителей, коммунистов были характерны своего рода *«эсхатологические» настроения*, вера в то, что наступают «последние времена», когда будет наконец-то сброшен многовековой гнет эксплуататоров и придут дни всеобщего счастья и гармонии. Стоит лишь немного подождать выступления пролетариата на Западе, победить внутренних врагов и напрячь все силы – и жизнь преобразуется чудесным образом. Так первые христиане ждали второго пришествия Иисуса и Страшного суда, так последователи культа «карго» предвкушали изобилие, которое им обеспечат далекие небесные «родственники». Однако коммунистическая религия не предполагала пассивной созерцательности, а нацеливала на активное действие для достижения воображаемого идеала.

«Республика в данный момент представляет огромный кишачий муравейник, занятый стихийной творческой работой», – сообщал делегатам 2-го Сургутского съезда советов 15 ноября 1920 г. председатель уездного исполкома Н. О. Горяев. Докладчик также указал «на безнадежное положение буржуазных правительств Запада, где пролетариат готов в ближайшее время начать Социальную революцию и свергнуть ненавистное иго капиталистов, что подтверждается многочисленными забастовочными движениями на Западе. Гибель капитализма неизбежна, и дни его господства сочтены» [37].

«Мы живем накануне мировой социальной революции и освобождения трудящихся всего мира от пут и бесстыдного грабительства капитала», – вторил ему Сургутский уездный военком Калашников [38].

Подобного рода представления могли порождать своего рода «революционное нетерпение», стремление любой ценой и как можно скорее достичь желаемого, уничтожив препятствия на пути к всеобщему счастью. Такими препятствиями могли казаться «отсталость», «несознательность» сибирского крестьянства, его нежелание считаться с задачами мировой социалистической революции.

Кроме того, на руководящих постах в Тюменской губернии, в том числе и на Тобольском Севере, оказались пришлые люди, не понимающие региональной специфики, настроенные гораздо радикальнее основной массы местных уроженцев – коммунистов и советских работников. Как известно, в Сургутском уезде бразды правления с осени 1920 г. взяли в свои руки командированные из Тюмени Н. О. Горяев, А. А. Зорин, М. В. Хорохорин. Они сменили прежних выборных руководителей из числа сургутской интеллигенции. В Березовском уезде заправляли бывший ссыльный Т. Д. Сенькин, инструкторы и другие представители различных губернских учреждений – А. А. Протасов (Жизнев), В. А. Данилов, Сергеенко (инструктор губкомтруда) и др.

У некоторых из них формировалось высокомерное, пренебрежительное отношение к «несознательным» северянам. Например, Т. Д. Сенькин в докладе об инспекционной поездке по Березовскому уезду, составленном 10 февраля 1921 г., называет местных учителей «маменькиными сынками», которые где могут, стараются вернуть в школу Закон Божий, утверждает, что местное население якобы привыкло жить за счет прислуги и найма рабочих на промыслы, а местная буржуазия – «свора», которая «открыто сеет свое злое семя среди темной массы», сами же «темные массы» – «вполне солидарны» с провокаторами и «свободно перешли в их лагерь» [39].

Северяне, жившие в сравнительно ограниченном мире небольших селений, были тесно связаны родственными узами и хозяйственными интересами. В отличие от них присланные из губернского центра чиновники готовы были «рубить с плеча» в попытках перестроить жизнь на военно-коммунистических началах и в бескомпромиссной борьбе с теми, кто стоит на пути в светлое будущее.

Таким образом, необходимо расширить ранее выделенный отечественными исследователями список причин, обусловивших начало и развертывание Западно-Сибирского крестьянского восстания.

К *первой* из них следует отнести слабость органов местного управления на всех уровнях – от волости до губернии. Произвол продорганов и комтрудов возник именно из-за ненадежности работы государственного аппарата, рассогласованности в работе как учреждений, входивших в систему главков, так и местных советов.

Государственная политика, проводившаяся в первые годы советской власти, была связана не только с необходимостью осуществления принципов военного коммунизма, но и с возможностью контролировать ситуацию на данной территории через эффективно функционирующие органы власти. Однако система управления находилась в стадии становления, из-за чего в ее деятельности происходили серьезные сбои, порождавшие злоупотребления, параллелизм, непродуманные, а иногда и просто абсурдные поступки отдельных должностных лиц.

В какой-то степени этим объясняется и *вторая* причина – неурегулированность административно-территориальных споров между Уралом и Сибирью, в результате чего местные военные силы, находившиеся в своеобразном двойном подчинении соседних регионов, оказались не в состоянии быстро погасить локальные вспышки народного недовольства.

Третьим фактором, способствовавшим аккумулярованию народных выступлений, становится столкновение общественных настроений, ожиданий, представлений о перспективах развития страны, предопределивших действия конкретных людей в определенных ситуациях, вызывавших непримиримые ожесточенные конфликты. Революционное нетерпение наиболее политически активной и пробольшевицки настроенной части социума порождало насилие в отношении лиц, препятствовавших быстрому продвижению по пути к бесклассовому безрыночному обществу.

Примечания и список литературы

1. Богданов М. А. Разгром Западно-Сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень : [б. и.], 1961. 111 с.
2. Лагунов К. Я. Двадцать первый: Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск : Средне-Уральское кн. изд-во, 1991. С. 54.
3. Шишкин В. И. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: достижения и искажения российской историографии // Acta Slavica Iaponica. 2000. Т. 17. С. 121.

4. Шишкин В. И. К вопросу о причинах Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : материалы Второй Всерос. науч.-практ. конф. Омск : Изд-во ОмГУ, 1998. С. 19.
5. Там же. С. 14–17.
6. Шишкин В. И. Вооруженное сопротивление сибирского крестьянства коммунистическому режиму в начале 1920-х гг. // История сталинизма: крестьянство и власть: материалы междунар. науч. конф. Сер. «История сталинизма». Екатеринбург : РОССПЭН, 2011. С. 134.
7. Третьяков Н. Г. Западно-Сибирское восстание 1921 года : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. С. 14–15.
8. См., напр.: Шишкин В. И. К вопросу о причинах... С. 16; Третьяков Н. Г. Указ соч. С. 61–63.
9. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 229. Л. 13.
10. Там же. Л. 13 об.
11. Там же. Д. 15. Л. 10 об.
12. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 39.
13. ГАТО. Ф. Р-295. Оп. 1. Д. 4. Л. 19.
14. Там же.
15. Доклады отделов Губисполкома к 2-му Губернскому Съезду Советов Р. К. и Кр. Депутатов : Приложение к газете «Известия Тюменско-Тобольских губернского комитета РКП(б) и губернского исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». 1920. 10 дек.
16. ГАТО. Ф. Р-168. Оп. 1. Д. 81. Л. 8.
17. ГАТО. Ф. Р-295. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.
18. Там же. Д. 35. Л. 117.
19. ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 84. Л. 7 об.
20. ГАТО. Ф. Р-295. Оп. 1. Д. 33. Л. 28.
21. Логачев В. А. «...В хлебном районе западной Сибири»: от пролетарской революции к крестьянскому мятежу // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 4 (16). С. 24–25.
22. ГАТО. Ф. Р-295. Оп. 1. Д. 36. Л. 32.
23. Там же. Д. 43. Л. 14–16.
24. ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 41.
25. Там же. Л. 39–40.
26. ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 60. Л. 3 об.
27. ГАТО. Ф. Р-295. Оп. 1. Д. 32. Л. 41.
28. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 59. Л. 62.
29. Там же. Л. 111.
30. ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 15. Л. 6 об.
31. Там же. Л. 10 об.
32. ГАТО. Ф. Р-295. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–2.
33. См., напр.: Зубков К. И. Реформы административно-территориального устройства восточных районов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2003. 93 с.
34. ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 59. Л. 2–3.
35. Там же. Д. 84. Л. 93.
36. Ермаков И. И. Продовольственные отряды Тюменской губернии (1920–1921 гг.) // История крестьянства Урала и Сибири в годы Гражданской войны : тез. докл. Всерос. науч. конф., посвящ. 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания (21–28 мая, 1996 г.). Тюмень : [б. и.], 1996. С. 16.
37. ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.
38. Там же.
39. Там же. Д. 229. Л. 13 об. – 14 об.

Notes and References

1. Bogdanov M. A. *Razгром Zapadno--Sibirskogo kulacko-jeserovskogo mjatezha 1921 g.* [Suppression of Western Siberian kulak and socialist-revolutionary rebellion of 1921]. Tjumen' [without a publisher]. 1961. 111 p.
2. Lagunov K. Ja. *Dvadcat' pervyj: Hronika Zapadno-Sibirskogo krest'janskogo vosstanija* [The twenty-first: Chronicles of Western Siberian peasant rebellion]. Sverdlovsk. Middle Ural book Publ. 1991. P. 54.
3. Shishkin V. I. *Zapadno-Sibirskij mjatezh 1921 goda: dostizhenija i iskazhenija rossijskoj istoriografii* [Rebellion in Western Siberia in 1921: achievements and errors of Russian historiography]. Acta Slavica Iaponica. 2000. Vol. 17. P. 121.
4. Shishkin V. I. *K voprosu o prichinah Zapadno-Sibirskogo vosstanija 1921 g.* [On the question of Western Siberian rebellion in 1921] // *Sibirskaja derevnja: istorija, sovremennoe sostojanie, perspektivy razvitija: Materialy Vtoroj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* – Siberian village: history, current state, prospects: Proceedings of the 2nd national research and practical conference. Omsk. OmSU Publ. 1998. P. 19.
5. Ibid. Pp. 15–17.
6. Shishkin V. I. *Vooruzhennoe soprotivlenie sibirskogo krest'janstva kommunisticheskomu rezhimu v nachale 1920-h gg.* [Armed resistance of Siberian peasantry to Communist regime in early 1920th] // *Istorija stalinizma: krest'janstvo i vlast' materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Ser. "Istorija stalinizma". Upolnomochennyj po*

pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii, Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii – History of Stalinism: peasantry and government. Proceedings of international research conference. Series “History of Stalinism”. Human rights commissioner in Russia, State Archives of Russian Federation. Ekaterinburg. ROSSPEN Publ. 2011. P. 134.

7. *Tret'jakov N. G. Zapadno-Sibirskoe vosstanie 1921 goda* [Western Siberian Rebellion in 1921]. Abstr. diss... cand. hist. sciences. Novosibirsk. 1994. Pp. 14–15.

8. *Shishkin V. I. K voprosu o prichinah ...* P. 16; *Tret'jakov N. G.* Op. cit. Pp. 61–63.

9. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. P2. Inv. 1. File 229. Sh. 13.

10. *Ibid.* Sh. 13 turn.

11. *Ibid.* File 15. Sh. 10 turn.

12. *Ibid.* F. P-1. Inv. 1. File 182. Sh. 39.

13. *Ibid.* F. P-295. Inv. 1. File 4. Sh. 19.

14. *Ibid.*

15. *Doklady otdelov Gubispolkoma k 2-mu Gubernskomu S'ezdu Sovetov R. K. i Kr. Deputatov* [Reports of Governorates for the 2nd congress of Governorates from Peasantry and Workers class]. 1920. 10 December.

16. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. P168. Inv. 1. File 81. Sh. 8.

17. *Ibid.* F. P295. Inv. 1. File 4. Sh. 25.

18. *Ibid.* File 35. Sh. 117.

19. *Ibid.* F. P2. Inv. 1. File 84. Sh. 7 turn.

20. *Ibid.* F. P-295. Inv. 1. File 33. Sh. 28.

21. *Logachev V. A. "...V hlebnom rajone zapadnoj Sibiri": ot proletarskoj revoljucii k krest'janskomu mjatezhu* [“...In the Grain district of the West Siberia: from the proletarian revolution to peasant rebellion”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tomsk State University. 2011, no 4 (16), pp. 24–25.

22. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. P-295. Inv. 1. File 36. Sh. 32.

23. *Ibid.* F. P-295. Inv. 1. File 43. Sh. 14–16.

24. *Ibid.* F. P-1. Inv. 1. File 182. Sh. 41.

25. *Ibid.* Sh. 39–40.

26. *Ibid.* F. P-2. Inv. 1. File 60. Sh. 3 turn.

27. *Ibid.* F. P-295. Inv. 1. File 32. Sh. 41.

28. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tjumenskoj oblasti* [State archive of social and political history of Tyumen Oblast]. F. 1. Inv. 2. File 59. Sh. 62.

29. *Ibid.* Sh. 111.

30. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. P-2. Inv. 1. File 15. Sh. 6 turn.

31. *Ibid.* Sh. 10 turn.

32. *Ibid.* F. P-295. Inv. 1. File 43. Sh. 1–2.

33. *Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. Reformy administrativno-territorial'nogo ustrojstva vostochnyh rajonov Rossii (XVIII–XX vv.)* [Administrative and territorial reforms of Eastern regions of Russia (XVIII–XX)]. Ekaterinburg. AMB Publ. 2003. 93 p.

34. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tjumenskoj oblasti* [State archive of social and political history of Tyumen Oblast]. F. 1. Inv. 2. File 59. Sh. 2–3.

35. *Ibid.* File 84. Sh. 93.

36. *Ermakov I. I. Prodovol'stvennye otrjady Tjumenskoj gubernii (1920–1921 gg.)* [Food groups of Tyumen governorate (1920–1921)]. *Istorija krest'janstva Urala i Sibiri v gody Grazhdanskoj vojny: Tezisy dokladov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 75-letiju Zapadno-Sibirskogo krest'janskogo vosstaniya (21–28 maja, 1996 g.)* – History of peasantry in the Urals and Siberia during the Civil War: Scientific conference abstracts of national research conference in honor of 75th anniversary of Western Siberian peasant rebellion (21–28 May, 1996)]. Tjumen'. [without a publisher]. 1996. P. 16.

37. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* [State archive of Tyumen Oblast]. F. P-2. Inv. 1. File 84. Sh. 2.

38. *Ibid.*

39. *Ibid.* File 229. Sh. 13 turn – 14 turn.

УДК 94(47+57)"1917/1991"

Антибольшевистские выступления в верховых районах Дона в 1920–1924 гг. (по материалам Хоперского и Усть-Медведицкого округов)

Сатарова А. П.

аспирант кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования,
Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 400066, г. Волгоград,
просп. им. В. И. Ленина, 27. E-mail: gap1984@mail.ru

Соловьева С. В.

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории
и историко-краеведческого образования, Волгоградский государственный
социально-педагогический университет. 400066, г. Волгоград, просп. им. В. И. Ленина, 27.
E-mail: soloveva_svetlan@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные формы повстанческого движения в период 1920–1924 гг. на территории Хоперского и Усть-Медведицкого округов бывшей Донской области, а с апреля 1921 г. – Царицынской губернии. Определяются причины, участники антибольшевистских выступлений, требования и лозунги восставших, делается акцент на принципиальное отличие антисоветских выступлений в землях с преимущественно казачьим населением. Освещается деятельность наиболее крупных повстанческих групп, действовавших в станицах и хуторах Хоперского и Усть-Медведицкого округов в 1920–1924 гг., подчеркивается руководящая роль бывших красных командиров К. Т. Вакулина, А. Е. Фомина в процессе их организации. Вводятся в научный оборот данные о действовавших в округах контрреволюционных группах. В публикации освещается комплекс мероприятий органов Советской власти по подавлению антибольшевистских выступлений в крае.

Ключевые слова: казачество, повстанческое движение, Хоперский округ, Усть-Медведицкий округ, К. Т. Вакулин, А. Е. Фомин, И. П. Колесов, И. С. Колесников, А. И. Автономов, контрреволюционный заговор.

Anti-Bolshevik actions in the upper regions of the Don in 1920–1924. (Based on the materials of Khopersky and Ust-Medveditsky districts)

Satarova A. P.

post-graduate student of Department of Russian history and the history of education, Volgograd State Socio-Pedagogical University. 27 Lenin Ave., 400066, Volgograd. E-mail: gap1984@mail.ru

Solovieva S. V.

candidate of historical sciences, associate professor of the Department of National History and Local History Education of Volgograd State Socio-Pedagogical University. 27 Lenin Ave. 400066, Volgograd. E-mail: soloveva_svetlan@mail.ru

Abstract: The article considers the main forms of the insurgent movement in the period of 1920–1924 on the territory of Khoper and Ust-Medveditsky districts of the former Don region, and since April 1921 Tsaritsyn province. The causes, participants of anti-Bolshevik actions, demands and slogans of the insurgents are determined, it is paid attention to the fundamental difference of anti-Soviet guerrilla movements in the Land where there were a lot of Cossacks. It is described the activity of the major guerrilla groups that were in Hopper and Ust-Medveditsk district in 1920–1924. It is defined K. T. Vakulin and A. E. Fomin's role in the process of forming and organization of these groups. Data on the counter-revolutionary groups operating in the districts are being introduced into scientific discourse. The article highlights the complex of measures taken by the Soviet authorities to suppress anti-Bolshevik actions in the province.

Keywords: Cossacks, insurgent movement, Khoper district, Ust-Medveditsky district, K. T. Vakulin, A. E. Fomin, Kolesov, Kolesnikov, Avtonomov, counter-revolutionary plot.

В 1920–1924 гг. территории Хоперского и Усть-Медведицкого округов стали ареной мощного социального протеста, обозначаемого в историографии как повстанческое движение. Причины крылись в социально-экономической политике большевиков (продразверстка), особенно в ее реализации на местах (неопытность и злоупотребления местных властей).

Необходимо отметить принципиальное отличие антиправительственных движений в казачьих округах. Местные казачьи отряды возглавлялись донскими офицерами, которые «вводили старую дисциплину», организовывали отряды по принципу казачьих частей. Все казачьи отряды действовали под лозунгом «Единая и неделимая Россия», воспевали казачью вольность, вели открытую белогвардейскую пропаганду, беспощадно расправлялись с коммунистами [1].

Повстанчество на территории Хоперского и Усть-Медведицкого округов приобрело формы открытого вооруженного выступления скрытого противостояния.

Наибольшую активность оно приобрело в период с зимы 1920 г. по весну 1922 г. Крупными повстанческими формированиями, действовавшими на территории округов, были отряды К. Т. Вакулина, Я. Е. Фомина, И. П. Колесова, И. С. Колесникова, А. И. Автономова, Г. С. Маслакова. Некоторые из них, к примеру, объединенный отряд Колесова, Колесникова и Фомина, насчитывали в своем составе до трех тысяч человек [2].

1 декабря 1920 г. в 2 часа ночи в слободе Михайловке и на станции Серебряково вспыхнуло восстание среди частей местного караульного батальона. Руководил восставшими командир батальона, кавалер ордена Красного Знамени К. Вакулин, «командир... был член ВКП(б)... однако коммунистических мировоззрений он совершенно не разделял» [3]. Вакулинцы требовали отмены продразверстки и монополии партии большевиков на власть. Сразу же был сформирован штаб восставших во главе с И. Волковым. Участники восстания, пользуясь поддержкой населения, захватили основные административные учреждения Михайловки, выпустили из тюрьмы находившихся там осужденных, их место заняли гражданские и военные советские работники. Среди населения восставшими распространялись агитационные прокламации на страницах газеты «Вольный гражданин», расклеивались приказы Военного штаба, листовки, устраивались митинги. Всюду звучали призывы к свержению Советской власти и «ее защитников, туенядцев, вампиров, грабителей народа, сосущих кровь трудовиков» [4]. Популярными лозунгами были: «Долой коммунистов – комиссаров», «Да здравствует настоящее революционное правительство», «Да здравствуют действительные свободы, равенство и братство» [5]. По различным данным, численность повстанческих соединений К. Вакулина варьировались от 550 человек до 1 000 человек [6].

На подавление Вакулинского выступления 18 декабря из Царицына на станцию Арчеда был выслан взвод в 314 штыков, 20 сабель и бронелетучка [7]. Уже 22 декабря вакулинцы были выбиты из Михайловки. Более 300 участников восстания были арестованы и направлены в тюрьму слободы Михайловки, И. Волков был передан в Революционный военный трибунал.

В 1921 г. сводки с мест пестрили сообщениями о бандах Автономова и Колесникова, которые в марте держали в напряжении станицу Урюпинскую. Только в одном отряде Колесникова насчитывалось до 400 сабель кавалерии [8].

С территории Тамбовской губернии совершали налеты на хутора и станицы Хоперского округа отряды А. Антонова.

В апреле 1921 г. в станицу Сергиевскую Усть-Медведицкого округа вторглась повстанческая армия под руководством Ф. Попова, бывшего командира Конной армии С. М. Буденного. Для разгрома армии Ф. Попова из Михайловки вышли отряды Красной Армии [9]. В результате действий объединенных сил отрядов Красной Армии слободы Михайловка и Саратовских частей у станиц Малодельской и Сергиевской Усть-Медведицкого округа повстанческая армия Ф. Попова была разбита.

Политические сводки мая 1921 г. сообщали о многочисленных бандах в количестве 5–10 человек, у хутора Бажинский, станицы Усть-Бузулуцкой, станицы Глазуновской, хутора Шарашенского, станицы Тишанской.

В сентябре 1921 г. в районе хуторов Андрияновский, Круглый действовал отряд Фомина в 100 сабель, называвшего себя отрядом «Молния». Сведения о налетах отряда Фомина встречаются до весны 1922 г., их численность весной доходила до 300 сабель, и действовали восставшие в районе хутора Березнявский, станицы Ольховской, хутора Солонки, хутора Верхне-Лопатинский Хоперского округа [10].

Параллельно в округах действовало «скрытое повстанчество», сочетавшее идею о свержении Советской власти с работой «активного вредительства, развала, саботажа в сельском хозяйстве» [11]. Казачество тайно поддерживало повстанцев, предоставляло им кров, пищу, одежду. Среди них были и члены тайных антисоветских групп.

Весной 1921 г. в станице Урюпинской Хоперского округа был раскрыт антисоветский заговор. Его участники планировали выступить против Советской власти, использовать бойцов мотарыгинской банды в качестве военной силы, также считавших своей целью уничтожение Советской власти в крае. В мае 1921 г. участники заговора были арестованы. Вскоре была разбита и мотарыгинская банда.

В конце 1922 г. был раскрыт антибольшевистский заговор в Усть-Медведицком округе. О нем уполномоченному Губернского отдела ОГПУ сообщили два местных красноармейца. В ходе расследования было установлено наличие двух контрреволюционных групп: в станице Клетской (возглавляемая К. Крапивинным) и в районе станции Распопинской (руководимая Н. Гришанковым) [12]. Клетско-распопинская группа вела подпольную работу по срыву мероприятий, проводимых советской властью, препятствовала своевременному поступлению налоговых отчислений в казну. Связующим звеном всей подпольной организации был К. Крапивин, занимавшийся розничной торговлей. Он беспрепятственно разъезжал по хуторам и станицам округа, посещал членов подпольной группы. В состав группы входила жена генерала А. М. Сутулова «...у которой два сына в чине генералов находились за границей, Сутулова с ними имела переписку, в которой указывала на то, что за границей собираются силы и скоро... двинутся на СССР» [13]. Широкая общественная огласка, приданная делу, привела к ее самоликвидации.

В этих условиях основной задачей советской власти в Хоперском и Усть-Медведицком округах стало искоренение бандитизма.

14 июня 1921 г. Царицынским губернским исполкомом было принято постановление о роспуске действовавших окружных исполкомов и создании окружных революционных комитетов. В отношении тех, кто «записался в члены РКП(б) чуть ли не в 1917 году» и занимал административно-хозяйственные должности в советских учреждениях, рекомендовалось «провести чистку» [14].

В крае началась чистка всех советских учреждений «от белогвардейского засилья»: «защищались» составы советов; ликвидировались не вызывавшие доверия Советы, их место занимали ревкомы... представляющие опасность хутора и станицы переводились на осадное положение» [15].

С 31 января 1921 г. станица Усть-Медведицкая находилась на осадном положении [16], а с февраля 1922 г. – на военном положении [17]. Исполнительные органы эвакуировались в политически спокойные хутора и станицы. В населенных пунктах края вводился комендантский час с 6 до 23 часов, задержанные направлялись в комендантское управление, не подчинившиеся – на принудительные работы [18].

Для борьбы с бандитизмом местные власти разработали чрезвычайные меры, в осуществлении которых принимали участие уголовный розыск, части особого назначения, отряды Красной Армии. В Усть-Медведицком округе действовали отряд Фадеева, насчитывал 49 штыков и 35 сабель; отряд Попова в количестве 35 штыков, 15 сабель; отряд Валежнева в 40 штыков и 25 сабель [19]. В Хоперском округе с бандитами боролись отряды рабоче-крестьянской милиции во главе с Новиковым, Романовым, Шевченко.

Сформированные отряды в поисках спрятавшихся «бандитов» устраивали облавы, проверяли балки, овраги. Оказывающих сопротивление расстреливали на месте. У населения изымали все оружие, конское снаряжение. Оказывающих помощь восставшим, скрывающих контрреволюционеров расстреливали [20].

В округах действовали выездные сессии революционных трибуналов, политические тройки, проводившие меры репрессивного характера на местах.

Спад повстанческого движения в Хоперском и Усть-Медведицком округах произошел только к осени 1923 г. «...прекратились налеты озверевших конников на станицы и села, кровавые расправы над коммунистами и комсомольцами, активистами...» [21]. К 1924 г. они уже совсем исчезают.

Разгром антибольшевистского повстанчества в 1920–1924 гг. не ликвидировал всех участников. Многие, перейдя на нелегальное положение, продолжали «время от времени... проявлять свою контрреволюционно-уголовную активность по созданию белогвардейско-кулацких кадров» [22], ждали подходящего момента для участия в антисоветском восстании и свержении Советской власти. На смену разгромленным одним контрреволюционным бандам, подпольным формированиям приходили другие, включавшие в свои ряды остатки скрывающихся от ареста и суда, ликвидированных ранее организаций [23].

Военная мощь Советского государства, многократное превосходство карательных войск в артиллерии и пулеметах, тактика военного командования, призвавшего на борьбу с повстанцами лучшие части Красной Армии, позволили подавить антибольшевистские выступления.

Примечания и список литературы

1. Соловьева С. В. «Малая гражданская война» в Нижнем Поволжье (по архивным документам) // Историческое образование в современном мире : сб. науч. ст. Волгоград : Принт, 2009. С. 194.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р. 12. Оп. 1. Д. 16. Л. 23.
3. Архив Управления ФСБ по Волгоградской области (АУФСБ по Волгоградской области). Ф. 7. Д. 87. Л. 91.
4. ГАВО. Ф. Р. 141с. Оп. 1с. Д. 121. Л. 27.
5. Яценко В. Г. Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923 гг. М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2008. С. 10.

6. ГАВО. Ф. Р. 12. Оп. 1. Д. 34. Л. 10; ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 127. Л. 1.
7. ГАВО. Ф. 141с. Оп. 1с. Д. 127. Л. 1
8. ГАВО. Ф. Р. 12. Оп. 1. Д. 34. Л. 127.
9. ГАВО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 34. Л. 16.
10. ГАВО. Ф. Р. 12. Оп. 1. Д. 34. Л. 231, 328, 319, 316.
11. АУФСБ по Волгоградской области. Сводка № 2. Д. 385. Л. 5.
12. АУФСБ по Волгоградской области. Ф. 7. Д. 87. Л. 89.
13. Там же.
14. АУФСБ по Волгоградской области. Ф. 2. Оп. 485. Порядковый № 1. Л. 4.
15. Синельников С. П. «Русская Вандея»: вооруженное сопротивление крестьян советской власти в 1920–1923 гг. // «Белая Гвардия»: альманах. Антибольшевистское повстанческое движение. 2002. № 6. С. 159.
16. ГАВО. Ф. Р. 412. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.
17. ГАВО. Ф. Р. 2534. Оп. 1. Д. 7. Л. 200.
18. Там же.
19. ГАВО. Ф. Р. 412. Оп. 1. Д. 17. Л. 8.
20. ГАВО. Ф. Р. 2534. Оп. 1. Д. 7. Л. 200.
21. Скорик А. П., Тикиджьян Р. Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. С. 79.
22. АУФСБ по Волгоградской области. Сводка № 2. Д. 385. Л. 5
23. АУФСБ по Волгоградской области. Ф. 7. Д. 330. Л. 4

Notes and References

1. Solov'eva S. V. «Malaya grazhdanskaya vojna» v Nizhnem Povolzh'e (po arkhivnym dokumentam) ["Small Civil War" in the Lower Volga region (according to archival documents)] // *Istoricheskoe obrazovanie v sovremen-nom mire: sb. nauch. st.* – Historical education in the modern world: coll. sci. art. Volgograd. Print. 2009. P. 194.
2. State Archives of the Volgograd Region (GAVO). F. P. 12. Inv. 1. File 16. Sh. 23.
3. Archive of the FSB Directorate for the Volgograd Region (AUFSSB in the Volgograd Region). F. 7. D. 87. Sh. 91.
4. GAVO. F. P. 141с. Inv. 1с. File 121. Sh. 27.
5. YAshchenko V. G. *Antibol'shevistskoe povstanchestvo v Nizhnem Povolzh'e i na Srednem Donu: 1918–1923 gg.* [Anti-Bolshevik insurgency in the Lower Volga and the Middle Don: 1918–1923]. M. The book house "LIBROKOM", 2008. P. 10.
6. GAVO. F. P. 12. Inv. 1. File 34. Sh. 10; GAVO. F. P. 141. Inv. 1. File 127. Sh. 1.
7. GAVO. F. P. 141с. Inv. 1с. File 127. Sh. 1
8. GAVO. F. P. 12. Inv. 1. File 34. Sh. 127.
9. GAVO. F. P. 141. Inv. 1. File 34. Sh. 16.
10. GAVO. F. P. 12. Inv. 1. File 34. Sh. 231, 328, 319, 316.
11. AUFSSB in the Volgograd region. Summary number 2. File 385. Sh. 5.
12. AUFSSB in the Volgograd Region. F. 7. File 87. Sh. 89.
13. AUFSSB in the Volgograd Region. F. 7. File 87. Sh. 89.
14. AUFSSB in the Volgograd region. F. 2. Inv. 485. Ordinal number 1. Sh. 4.
15. Sinel'nikov S. P. «Russkaya Vandeya»: *vooruzhennoe soprotivlenie krest'yan sovetskoj vlasti v 1920–1923 gg.* ["Russian Vendee": armed resistance of the peasants of Soviet power in 1920–1923]. // «Belaya Gvardiya»: *al'manakh. Antibol'shevistskoe povstanchesкое dvizhenie* – Almanac "White Guard" Anti-Bolshevik insurgency. 2002, № 6, p. 159.
16. GAVO. F. P. 412. Inv. 1. File 17. Sh. 8.
17. GAVO. F. P. 2534. Inv. 1. File 7. Sh. 200.
18. Ibid.
19. GAVO. F. P. 2534. Inv. 1. File 7. Sh. 200.
20. GAVO. F. P. 412. Inv. 1. File 17. Sh. 8.
21. Skorik A. P., Tikidzh'yan R. G. *Dontsy v 1920-kh godakh: ocherki istorii* [Donets in the 1920s: essays of history]. Rostov-on-Don. Publishing house of North-Caucassian Scientific Center of High School of Northen Federal University. 2010. P. 79.
22. AUFSSB in the Volgograd region. Summary number 2. File 385. Sh. 5.
23. AUFSSB in the Volgograd region. F. 7. File 330. Sh. 4.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 947(47)»1918/1920»+940.5(460)»1936/1939»

Гражданские войны в России (1918–1920) и в Испании (1936–1939): жестокость с национальным оттенком*

Новиков М. В.

доктор исторических наук, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема жестокости в ходе двух гражданских войн — российской 1918–1920 гг. и испанской 1936–1939 гг. Отмечается общая для обеих войн антисемитская составляющая жестокости. Подчеркивается, что антисемитизм был важнейшим элементом официальной франкистской пропаганды в комбинации с антибольшевизмом и антимасонством. Отмечается, что антисемитская, антибольшевистская направленность террора в Испании была рецепцией аналогичных событий в России периода Гражданской войны. Выявляются причины антисемитской направленности белогвардейского террора в России и франкистского террора в Испании. Отмечается особое место в истории российской Гражданской войны украинского антисемитизма. Подчеркивается, что российский и испанский антисемитизм имели глубокие исторические корни в виде национальной политики испанских королей и российских императоров.

Ключевые слова: Гражданская война в России, гражданская война в Испании, антибольшевизм, антисемитизм, украинский антисемитизм, белогвардейский антисемитизм, холокост, погромы, национальная политика испанских королей и российских императоров.

Civil wars in Russia (1918–1920) and Spain (1936–1939): cruelty with national shade

Novikov M. V.

doctor of historical sciences, head of the Department of theory and methodology of professional education, Yaroslavl State Pedagogical University n.a. K. D. Ushinsky. 108/1 Respublikansaya str., 150000, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract: This article deals with the problem of violence in the course of two civil wars, 1918–1920 Russian and Spanish 1936–1939. Notes and References common to both wars anti-Semitic component of cruelty. It is emphasized that anti-Semitism was a crucial element of the official francoist propaganda in combination with Bolshevism and antimasonry. It is noted that anti-Semitic, anti-Bolshevik thrust of the terror in Spain was the reception of similar events in Russia during the civil war. Identifies the causes of anti-Semitic white terror in Russia and the Franco terror in Spain. There is a special place in the history of the Russian civil war, Ukrainian anti-Semitism. It is emphasized that the Russian and Spanish anti-Semitism had deep historical roots in the form of national policy of the Spanish kings and Russian emperors.

Keywords: civil war in Russia, civil war in Spain, anti-Bolshevism, anti-Semitism, a Ukrainian anti-Semitism, the white-Semitism, the Holocaust, the pogroms, the national policy of the Spanish kings and Russian emperors.

Гражданские войны всегда отличаются ожесточенным характером противоборства, не стали исключением и две гражданские войны XX в. в Европе – российская и испанская [1]. Историки обеих стран до сих пор ведут подсчеты репрессированных гражданских лиц и военнопленных [2]. В ходе своей исследовательской деятельности они обнаружили определенную антисемитскую направленность террора и в России, и в Испании. Фундаментальное исследование известного британского историка П. Престона, посвященное «красному» и «белому» террору в ходе гражданской войны в Испании, носит совсем не случайное название – «Испанский холокост» [3].

Объясняя неоднозначное название своей работы, П. Престон пишет: «Я не смог подобрать слово, которое более точно резюмировало бы испанский опыт, чем “холокост”. Кроме того, на вы-

* Выполнено по гранту Российского научного фонда 14-18-01833

© Новиков М. В., 2017

бор этого слова повлиял тот факт, что франкисты, уничтожая ни в чем не повинных испанцев, использовали антисемитскую риторику и постоянно твердили, что репрессированные были инструментом «большевистско-еврейско-масонской» враждебной деятельности» [4].

Антисемитизм являлся важнейшим элементом франкистской пропаганды и зачастую использовался в причудливой комбинации с антикоммунизмом и антимаçonством. Так, 28 сентября 1936 г. активный сторонник Франко кардинал И. Гома, выступая по радио по случаю освобождения г. Толедо от республиканцев, метал громы и молнии в сторону «ублюдочных душ сыновей Москвы», «евреев и фримасонов», татаро-монгольской политической системы, «контролируемой еврейским интернационалом» [5], а епископ Леона Хосе Альварес Миранда в это же время призывал католиков присоединяться к вооруженной борьбе против «советских евреев и безбожников-масонов» [6].

Тезис о том, что гражданская война предотвратила в Испании «еврейско-большевистско-масонскую революцию», много раз повторялся в предновогодней речи Франко 31 декабря 1939 г. Франко превозносил германское антиеврейское законодательство и заявил, что преследование евреев Фердинандом и Изабеллой в Испании в XV в. указало верный путь германским нацистам, которые справедливо «преследуют и изолируют этот народ, отмеченный клеймом жадности и эгоизма». Доминирование этого народа, – подчеркивал Франко, – «опасно для судьбы любой нации» [7].

Одним из принципиальных вопросов изучаемой проблемы Престон считает вопрос о количестве репрессированных той и другой стороной конфликта. Признавая, что на данный момент невозможно установить абсолютно точные цифры репрессированных, Престон заявляет, что основные параметры очевидны и что большую роль в скрупулезных подсчетах количества жертв сыграли испанские историки-краеведы, опубликовавшие в последние годы десятки исследований по данной проблеме. Существенное значение имеет также документальное подтверждение количества репрессированных в республиканской зоне, наиболее вероятная цифра здесь, которую приводит испанский историк Хосе Луис Ледесма, – 49 272 человека [8].

Что касается франкистской зоны, то ситуация с подсчетами здесь гораздо сложнее, и одной из причин Престон считает генеральную чистку архивов, проведенную в период с 1965 по 1985 г. франкистскими чиновниками, готовившимися к ситуации после смерти Франко. «Миллионы документов, – пишет Престон, – были утеряны в течение этих критических 20 лет, включая архивы единственной франкистской партии – испанской фаланги, провинциальных департаментов полиции, тюрем и глав региональной франкистской власти – гражданских губернаторов. Колонны грузовиков увозили из архивов судебные протоколы по делам репрессированных. Наряду с умышленным уничтожением архивов были и так называемые «непреднамеренные» потери, когда городские советы продавали свои архивы тоннами на макулатуру» [9]. Кроме того, многие смертные приговоры либо фальсифицировались, либо не регистрировались вообще, наконец, значительное количество убитых гражданских лиц вообще не могло быть зарегистрировано, например, во время наступления марроканских частей на Мадрид в сентябре – ноябре 1936 г. [10] Тем не менее, – подчеркивает Престон, – колоссальная работа, проведенная историками, позволяет смело утверждать, что количество репрессированных франкистами в три раза превышает аналогичную цифру в республиканской зоне, и вряд ли это количество меньше 150 000 человек [11].

Престон проделал огромную работу по систематизации данных о количестве репрессированных во всех 14 регионах и 46 провинциях Испании того периода, представив наглядное графическое изображение по стране в целом и по каждому региону в отдельности в приложении к своей работе. Примечательно, что только в двух регионах – Новой Кастилии (Мадрид) и Каталонии (Барселона) – количество репрессированных республиканцами превышает число расстрелянных франкистами, в остальных 12 регионах число жертв франкистского террора количественно превосходит расстрелянных республиканцами [12].

Эти, теперь уже реальные, горькие подсчеты долгие годы были предметом спекуляций и фальсификаций не только во франкистской пропаганде и историографии, но и в зарубежной исследовательской литературе, в том числе и англо-американской, где в период холодной войны существовали различные, порой фантастические, цифры репрессированных. Общая тенденция сводилась к тому, что в работах консервативных историков, как правило, занижалось количество репрессированных во франкистской зоне и завышались соответствующие цифры в республиканской зоне.

Антибольшевистская и антисемитская направленность франкистского террора была, несомненно, связана с рецепциями аналогичных событий Гражданской войны в России. Генерал Франко и его сподвижники были хорошо осведомлены о том, что граждане еврейской национальности не только в большинстве своем поддержали большевиков в ходе Гражданской войны в России, но и вошли во многие руководящие органы Советской власти. Особое значение придавалось тому факту, что они занимали многие командные должности и в Красной армии, и во Всероссийской чрезвычайной

комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). «Российская еврейская энциклопедия» приводит длинные списки лиц еврейской национальности, занимавших высшие начальствующие должности в Красной армии, начиная с народного комиссара по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета Советской России Л. Д. Троцкого, и продолжая другими известными именами, такими как Владимир Антонов-Овсеенко, Василий Блюхер, Семен Буденный, Клим Ворошилов, Борис Думенко, Павел Дыбенко, Олеко Дундич, Григорий Котовский, Филипп Миронов, Михаил Муравьев, Виталий Примаков, Иван Сорокин, Семен Тимошенко, Михаил Тухачевский, Иероним Уборевич, Михаил Фрунзе, Василий Чапаев, Ефим Щаденко, Николай Щорс и др. [13]

Что касается ВЧК, на начальном этапе деятельности этого карающего органа Советской власти национальные меньшинства (латыши, поляки, евреи) составляли около 50% численности его центрального аппарата, а на ответственных должностях эта цифра доходила до 70%. Как пишет исследователь этой проблемы Л. Ю. Кричевский, среди «следователей отдела по борьбе с контрреволюцией – наиболее важного в структуре ВЧК – половину составляли евреи» [14]. Суровая логика классово-борьбы делала необходимым участие этих людей в «красном терроре» и в качестве организаторов, и в качестве исполнителей. В 1924 г. в Берлине Г. А. Ландау писал: «Де-классирование, опрокинув все органические слои еврейства, уничтожило внутренние силы сопротивления и даже устойчивости, бросив их под колесницу торжествующего большевизма... Поразило нас то, чего мы все менее ожидали встретить в еврейской среде, – жестокость, садизм, насильничье, казалось чуждое народу, далекому от физической воинственной жизни; вчера еще не умевшие владеть ружьем сегодня оказались среди палачествующих головорезов» [15].

Активное участие лиц еврейской национальности в руководстве большевистской партии и Советской России, в руководстве Красной армии и ВЧК, ставшее следствием кризиса традиционной еврейской общины и радикализации ее членов [16], создавало питательную почву для роста антисемитских настроений в ходе Гражданской войны в России. В надломленном сознании людей, потрясенных ужасами Гражданской войны, большевизм начинает олицетворяться с семитизмом. Не случайно группа антибольшевистски настроенных авторов опубликовала в 1923 г. воззвание «К евреям всех стран!», в котором говорилось, что «непомерно рьяное участие евреев-большевиков в угнетении и разрушении России... вменяется нам в вину... Советская власть отождествляется с еврейской властью, и лютая ненависть к большевикам обращается в такую же ненависть к евреям... Исходим из твердого убеждения, что и для евреев, как и для всех населяющих Россию племен, большевики есть наибольшее из возможных зол, что бороться всеми силами против владычества над Россией всесветного сброда – святой долг наш перед человечеством, перед культурой, перед Родиной и еврейским народом» [17].

По мнению А. И. Солженицына, белые армии «отталкивали сочувственных или нейтральных евреев: из-за множественного участия других евреев на красной стороне у белых к евреям росло в лучшем случае недоверие, а то распалась злость» [18]. Современник и очевидец событий Гражданской войны в России писал, что «белая армия была загипнотизирована Троцким и Нахимсоном, что привело ее к отождествлению всего большевизма с еврейством, следствием чего были погромы» [19].

Особое место в истории российской Гражданской войны занимает украинский антисемитизм. Именно на Украине было положено начало антисемитскому террору периода Гражданской войны, напомиравшему, по мнению современников, худшие для еврейского населения времена Хмельницкого, Гонты и Железняка. Украинские националисты, мечтавшие о государственной независимости, обвиняли евреев во всех большевистских победах на Украине, по свидетельству очевидца, «бей жидов и комиссаров» – было самым популярным лозунгом на Украине, и вожди различных политических течений «не гнушались на него опереться». Деникинцы, григорьевцы, махновцы, петлюровцы, все без различия, смотрели на еврейский погром как на «единоспасающее» средство от большевистского ига [20].

Погромные эксцессы начались на Украине еще в период правления Центральной Рады, продолжились при гетмане, однако они были лишь предвестниками тех «неслыханных ужасов», которые совершились в период правления Директории Петлюры-Виниченко. По свидетельствам современников, «погромы происходили на глазах самой Директории и ее высшего командования... Житомирский погром, устроенный регулярными воинскими частями и повлекший за собой 317 жертв в одном только городе, происходил на глазах самого “батки” Петлюры, который посетил Житомир в разгар резни, но ничего не предпринял для ее прекращения. Полковник Захарчук, вступивший первым в Житомир, открыто заявил посетившей его делегации от Городской Думы, что “жидам не будет пощады”, и эта угроза была им блестяще выполнена. Несколько позднее один из главных погромщиков, полковник Петров, цинично заявил чрезвычайной следственной комиссии (петлюровской), что армия шла на Житомир под лозунгом: “Бей жидов, бей коммунистов”» [21].

Не только украинская военщина придерживалась погромной тактики, но и высшие гражданские власти открыто ориентировались на погромы как на важнейшее средство борьбы с большевизмом. В частности, Винниченко, лидер украинской социал-демократии и глава украинского правительства, в ответ на требование делегации еврейских социалистических партий прекратить резню еврейского населения вызывающе ответил, «что еврейские погромы не могут быть приостановлены до тех пор, пока еврейская молодежь и еврейский рабочий класс поддерживают большевиков». По мнению современника, такой же точки зрения придерживалась вся украинская официальная пресса, которая изо дня в день вела погромную агитацию и даже подтверждала свои заявления ссылками на прошлую украинскую историю, из которой, якобы, было видно, что «жиды всегда были на стороне врагов Украины» [22].

Как подчеркивает современник, погромы являлись одним из важнейших средств в борьбе с большевиками, и «высшие украинские гражданские и военные власти действительно являются непосредственными виновниками злодейств и насилия, учиненных над беззащитным еврейским населением» [23].

Обращается внимание на поразительные, хотя и редкие случаи внезапной перемены курса на еврейские погромы. Иногда под давлением общественного мнения в странах Европы, куда проникали слухи об ужасных событиях, творящихся на Украине, ситуация внезапно менялась и наступала кратковременная передышка, вслед за которой, однако, погромы разгорались с новой, еще большей силой [24].

По мнению современника, петлюровцы действовали не только через свои регулярные войска, но и через многочисленные банды. Эти бандитские шайки, выполнявшие задачу по уничтожению евреев, в глазах украинских «самостийников» имели даже некоторые преимущества, так как за их действия не приходилось отчитываться перед европейским общественным мнением. Как пишут очевидцы, совершенно ясно, что деятели украинской Директории «являются ответственными авторами, первопричиной неслыханных зверств, объектом которых было все еврейское население Украины. Эта властолюбивая банда шовинистов беззастенчиво использовала исторически сложившуюся обстановку и пожертвовала жизнью и достоинством целого народа во имя своих эгоистических целей. Однако незаконная игра миллионами человеческих жизней окончилась трагически для самих игроков: они захлебнулись в море пролитой ими крови и были затем выброшены на свалочный пункт истории, как хлам и падаль» [25].

Петлюровские погромы, по мнению А. И. Солженицына, отличались своей направленностью, «обдуманной жестокостью, методичностью уничтожения, иногда без грабежа имущества, особо выдаются в 1919 г. погром Проскуровский (февраль), соседний с ним Фельштинский, Житомирский (февраль), Овручский (март), Тростинецкий (май), Уманьский (май), Новомиргородский (май)» [26]. Александр Исаевич также отмечает, что «особенно безответственны и потому крайне зверски в погромах были на Украине самодействующие банды: Григорьева, Соколовского, Зеленого, Струка, Ангела, Тютюника, Яцейка, Волынца, Козырь-Зырки», на их совести Смельский (март 1919), Елисаветградский (май), Радомысльский (май), Вапнярский (май), Словеченский (май), Дубовский (июнь) еврейские погромы [27].

Современники отмечали характерные особенности украинского антисемитизма, в частности один из них писал: «Убивали евреев и при погромах в царское время, но никогда не убивали столько и не убивали с таким спокойствием, почти бездушием, как это происходит теперь... во время еврейских погромов, производимых крестьянскими повстанческими отрядами, последние в захваченных местечках порою вырезают поголовно все еврейское население. Пощады нет ни детям, ни женщинам, ни старикам» [28].

Приводятся современниками и свидетельства антисемитских настроений среди высокопросвещенных украинских общественных деятелей либерального толка, рассуждавших следующим образом: «Ну что же! Еврейский погром, так погром! Если иначе нельзя, то пусть хотя бы так. Если еврейский погром стал неизбежным путем свержения большевиков, то его нельзя не принять с радостью» [29].

Деморализованное петлюровскими и бандитскими погромами еврейское население Украины с надеждой ожидало прихода белогвардейской Добровольческой армии. Руководство Добровольческой армии никогда открыто не высказывалось против еврейского населения в нормативных документах и прессе, еврейские общины украинских сел и городов возлагали на приход деникинской армии большие надежды как на военно-политическую силу, несущую твердую власть [30]. Было общеизвестно, что армия генерала А. И. Деникина пользуется широкой моральной и материальной поддержкой стран Антанты, и это обстоятельство придавало особое значение Добровольческой армии в глазах еврейского обывателя, который и представить себе не мог, что Франция и Великобритания, две крупнейшие державы того периода, в которых еврейская бур-

жуазия играла существенную роль в экономической и финансовой сферах, могут оказывать поддержку палачам еврейского народа. Попытки еврейского населения Украины наладить сотрудничество с Добровольческой армией через усиленное подчеркивание своей политической лояльности, через встречи добровольческих войск хлебом-солью, через подарки и подкупы закончились горьким разочарованием. По мнению современника, «еврейское население попадает из “Петлюровского” огня в “Деникинское” полымя и даже шум, поднятый заграничной еврейской прессой по поводу добровольческих зверств не спасает положения» [31].

Резня, грабежи и бесчинства происходили повсеместно с молчаливого одобрения руководства Добровольческой армии. Как пишут украинские историки О. В. Козерод и С. Я. Бриман, сразу же после вступления Добровольческой армии в какой-либо город появлялись приказы руководителя губернии о борьбе с «жидовскими комиссарами», офицеры повсеместно выступали с речами о «жидах» на крестьянских сходах, примерно так излагая сущность еврейского вопроса: «Ну что такое был раньше главный предводитель большевиков, Троцкий? Так себе маленький еврейчик, Лейба Бронштейн, которого хороший человек и в хату не пустит. А теперь? Ого, теперь он великий пан: за место царя в Москве сидит» [32].

Украинские историки выделяют следующие три типа причин, толкавших военнослужащих Добровольческой армии на совершение преступлений: стремление к наживе, открытый воинствующий антисемитизм и стремление отомстить за сотрудничество части еврейского населения с большевиками. Они отмечают, что главной особенностью погромов Добровольческой армии, отличавшей их от погромов петлюровцев и самостийных банд, было участие в них исключительно военных. Они также подчеркивают, что для добровольческих погромов было характерно стремление солдат не столько к грабежу, сколько к уничтожению материальных благ и поджогам. Другой их отличительной чертой являлось почти повсеместное изнасилование женщин, как правило, от 50 до 100 процентов от общего числа женского населения городов и местечек [33].

Идеологи белогвардейского движения подводили под эти злодеяния некий идейный базис. Так, В. Шульгин, монархист, талантливый публицист, размещает в официозном издании «Киевлянин» большую статью «Под страхом», приводимая выдержка из которой характеризует степень моральной деградации даже лучших представителей российской интеллигенции в годы Гражданской войны: «По ночам на улицах Киева наступает средневековая жизнь. Среди мертвой тишины и безлюдия вдруг начинается душераздирающий вопль. Это кричат жида. Кричат от страха... Целые улицы, охваченные смертельным страхом, кричат нечеловеческим голосами, дрожа за жизнь... Это подлинный непритворный ужас, настоящая пытка, которой подвержено все еврейское население... Русское население, прислушиваясь к ужасным воплям, вырывающимся из тысячи сердец, под влиянием этой “пытки страхом”, думает вот о чем: научатся ли евреи чему-нибудь в эти ужасные ночи? Поймут ли они, что значит разрушать государство, которое они не создавали? Поймут ли они, что значит, по рецепту “Великого учителя Карла Маркса”, натравливать один класс против другого?.. Поймут ли они, что такое социализм, из лона которого вышли большевики? Поймут ли они, что им теперь следует делать?» [34]

Провокационная статья В. Шульгина появилась в самый разгар так называемых киевских событий, когда в столице Украины, в присутствии высшего командования Добровольческой армии и представителей стран Антанты, совершались злодеяния против еврейского народа. Как пишут современники, офицеры и юнкера поделили между собой весь город, и не спеша, небольшими группами обходили еврейские кварталы, совершая насилие над мирным населением, грабежи и убийства. Они спокойно подъезжали на грузовых автомобилях к заранее намеченным домам, вламывались в них, грабили, пытали, убивали, насиловали, «причем не только не стеснялись своим официальным положением, но, наоборот, бравировали своим благородным дворянским происхождением, подчеркивая свою воспитанность, свои “манеры”, свои познания в языках и музыке» [35].

Там, где появлялась Добровольческая армия, – подчеркивается в исследовании А. Литвина, – «езде мирное еврейское население сделалось предметом жестокой расправы, неслыханных насилий и издевательств... Тысячами гибли евреи, жертвы Добровольческой армии, седобородые “коммунисты”, застигнутые в синагоге за фолиантами Талмуда, “коммунисты” – младенцы в люльках вместе с их матерями и бабушками. Поражает в любом списке процент замученных глубоких стариков, женщин и детей» [36].

Как это ни парадоксально, но либеральное общественное мнение было на стороне Добровольческой армии, либеральные деятели предпочитали не замечать творившегося геноцида еврейского народа и представляли генерала Деникина перед просвещенной Европой как «истинного демократа» и прославляли его как спасителя Отечества от большевистского ига. Кадетская партия заняла в этом вопросе однозначную позицию. На партийной конференции в Харькове 19 ноября 1919 г. кадеты взяли под защиту Добровольческую армию и недвусмысленно пригро-

зили еврейскому населению «ужасными последствиями», если оно не удержит своих революционно настроенных соплеменников от активной поддержки большевистской власти [37].

В целом, нельзя не согласиться с общеизвестным мнением, что XX в. стал для евреев временем национальной катастрофы, что только жертвами германского нацизма стали 6 млн человек. Однако, как справедливо отмечает А. Литвин, германский «холокост (уничтожение народа, евреев только за то, что они евреи) зрел исподволь» [38]. Холокост по-русски в годы Гражданской войны был во многом предопределен дореволюционной концепцией разрешения еврейского вопроса, выработанной царизмом и основанной на следующих принципах: «черта оседлости» – гетто, предназначенное для проживания евреев в стране, 3-процентная квота на поступление евреев в университеты, запрет евреям приезжать в большие города без специального приглашения и т. д. [39] «Прошлое, – подчеркивает А. Литвин, – показало, что общественное мнение защищало личность (французского офицера еврея Дрейфуса; в России – М. Бейлиса, обвиняемых в различных «еврейских грехах»), но оно не защищало массового уничтожения людей, каковым был холокост по-русски, произошедший в годы Гражданской войны» [40]. Изучение масштабного антисемитского террора на территории Украины привело британского историка Р. Кенеза к следующему выводу: «До прихода Гитлера наиболее значительное в наше время уничтожение евреев имело место на Украине в период Гражданской войны» [41].

В отличие от Испании, где историки тщательно исследовали вопрос о количестве репрессированных в годы испанской гражданской войны, не выделяя, правда, при этом национальную составляющую, число жертв холокоста на Украине до сих пор является предметом дискуссий, и количественные показатели отличаются весьма существенно. В статье украинских авторов С. Марценюка и В. Симоненко, опубликованной в 1994 г., приводится явно заниженная цифра в 27 тыс. человек [42], в книге А. И. Солженицына, со ссылкой на более ранние источники — 180–200 тыс. [43], О. В. Козерод и С. Я. Бриман приводят цифру 65–70 тыс. человек. Они же пишут о 250 погромах [44]. В то же время А. И. Солженицын указывает на 900 погромов, подчеркивая, что 40% из них приходится на долю петлюровцев, 25% – на долю банд украинских националистов и остальные – на долю денкинских войск и в меньшей степени на воинские подразделения Красной армии [45].

Холокост по-русски и по-испански в период гражданских войн 1918–1920 гг. и 1936–1939 гг. своими корнями уходит в предшествующую национальную политику испанских королей и российских императоров, искусственно создававших образ врага из еврейского населения Испании и России. Радикализация еврейской молодежи в России на рубеже XIX–XX в., связанная с кризисом традиционной общины, привела многих из них в большевистскую и эсеровскую партии, в руководящие органы Советской власти, что в конечном итоге стало поводом для развертывания антисемитского террора националистами и в России, и в Испании в период гражданских войн.

Примечания и список литературы

1. Новиков М. В. СССР и «холокост» в Испании // Российская история. 2015. № 2. С. 207–214; Новиков М. В. Гражданская война: образованность, воспитанность и жестокость // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 4. С. 300–305; Новиков М. В. Две гражданские войны и один гражданский мир // Концепты культуры XX века. Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. С. 88–95.

2. Как пишут авторы пятитомного советского исследования «История гражданской войны в СССР», число людей, «непосредственно пострадавших от интервентов и белогвардейцев, составляет около 8 миллионов человек. Помимо убитых на фронтах, умерших от голода и эпидемий, около 112 тысяч человек было замучено интервентами и белогвардейцами в тюрьмах и контрреволюционных лагерях» [История гражданской войны в СССР. Том пятый. М. : Госполитиздат, 1960. С. 370]. Современный учебник «История России» сообщает, что «общие потери населения за годы Гражданской войны составили 12–13 млн чел. Почти половина из них — жертвы голода и массовых эпидемий» [История России: начало XX – начало XXI в. 10 кл. : учебник / О. В. Волобуев, С. П. Карпачев, П. Н. Романов. М. : Дрофа, 2016. С. 76]. Сопоставляя приведенные цифры, нетрудно заметить, что 4–5 млн человек пострадали от действий Красной армии. Как пишет Н. В. Стариков, «количество жертв Гражданской войны исчисляется миллионами. Противоборствующие стороны совершили массу преступлений против мирного населения, солдат противника и подозреваемых в сочувствии к противнику» [Стариков Н. В. Русская смута. СПб. : Питер, 2017. С. 16]. По мнению британского историка Х. Томаса, «по ярости и накалу страстей гражданская война в Испании превзошла большинство войн между народами. Тем не менее потери в ней оказались меньше, чем все опасались. Общее количество погибших составило примерно 600 000 человек. Предполагается, что около 100 000 из них стали жертвами убийств или массовых казней. Наверное, не менее 220 000 погибли от болезней и голода, что явилось прямым следствием войны. И скорее всего, 3 200 000 погибли в ходе военных действий» [Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. / пер. с англ. И. Полоцка. М. : ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 554].

3. Preston P. The Spanish Holocaust. N.Y. ; L. : WW Morton and Company, 2012.

4. Op. cit. P. XI–XII.

5. Op. cit. P. 185.

6. Op. cit. P. 179.
7. Op. cit. P. 471.
8. Op. cit. P. XVI.
9. Op. cit. P. XVI.
10. Op. cit. P. XIII.
11. Op. cit. P. XVIII.
12. Op. cit. P. 665–671.
13. Солженицын А. И. Двести лет вместе : в 2 ч. М. : ПРОЗАИК, 2013. Ч. 2. С. 130.
14. Там же. С. 134.
15. Там же. С. 137.
16. Кара-Мурза С. Г. Гражданская война (1918–1921) – урок для XXI века. Сер. «Тропы практического разума». М. : Алгоритм, 2003. С. 173.
17. Солженицын А. И. Указ. соч. С. 141.
18. Там же. С. 153.
19. Там же. С. 153.
20. Игренева Г. Екатеринославские воспоминания (Август 1918 г. – июнь 1919 г.) // Архив русской революции: в 22 т. Т. 3–4. М. : «Терра» : Политиздат, 1991. Т. 3. С. 242.
21. Еврейские погромы 1918–1921 гг. / сост. З. С. Островский. М. : Акц. о-во «Школа и книга», 1926. С. 3–4.
22. Там же. С. 4.
23. Там же. С. 5.
24. Там же. С. 5.
25. Там же. С. 5.
26. Солженицын А. И. Указ. соч. С. 150.
27. Там же. С. 149–150.
28. Там же. С. 148–149.
29. Игренева Г. Указ. соч. С. 242.
30. Козерод О. В., Бриман С. Я. Деникинский режим и еврейское население Украины 1919–1920 гг. Харьков: Курсор, 1996. С. 10.
31. Еврейские погромы 1918–1921 гг. С. 6.
32. Козерод О. В., Бриман С. Я. Указ. соч. С. 39.
33. Там же. С. 20–21.
34. Еврейские погромы 1918–1921 гг. С. 7.
35. Там же. С. 7–8.
36. Литвин А. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. 2004. С. 51. URL: <http://romanbook.ru/book/7111696/?page=1>
37. Еврейские погромы 1918–1921 гг. С. 8.
38. Литвин А. Указ. соч. С. 51.
39. Козерод О. В., Бриман С. Я. Указ. соч. С. 44.
40. Литвин А. Указ. соч. С. 51.
41. Козерод О. В., Бриман С. Я. Указ. соч. С. 3.
42. Там же. С. 6.
43. Солженицын А. И. Указ. соч. С. 162.
44. Козерод О. В., Бриман С. Я. Указ. соч. С. 6.
45. Солженицын А. И. Указ. соч. С. 162.

Notes and References

1. Novikov M. V. SSSR i «holokost» v Ispanii [Soviet Union and the Holocaust in Spain] // Rossijskaya istoriya – Russian history. 2015, No, 2, pp. 207-214; Novikov M. V. Grazhdanskaya vojna: obrazovannost', vospitannost' i zhestokost' [The Civil war: education, intelligence and violence] // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik – Yaroslavl Pedagogical Herald. 2015, No. 4, pp. 300-305; Novikov M. V. Dve grazhdanskije vojny i odin grazhdanskij mir [Two civil wars and one civil society] // Koncepty kul'tury XX veka – Cultural concepts of the twentieth century. Yaroslavl. Publishing house of YaSPU. 2009. Pp. 88-95.

2. As the authors of the five-volume Soviet studies "History of the civil war in the USSR" write, the number of people "directly affected by the interventionists and the whites, is about 8 million people. In addition to those killed on the fronts, dead from starvation and epidemics, about 112 thousand people were tortured by the interventionists and white guards in prisons and counter-revolutionary camps" [Istoriya grazhdanskoj vojny v SSSR – History of the civil war in the USSR. Volume fifth. M. Gospolitizdat. 1960. P. 370]. A modern textbook "History of Russia" reports that "the total loss of population during the years of Civil war amounted to 12-13 million people. Almost half of them victims of famine and mass epidemics" [Istoriya Rossii: nachalo XX – nachalo XXI v. 10 kl. : uchebnik – History of Russia: XX – early XXI century. Grade 10: a textbook / O. V. Volobuev, S. P. Karpachev, P. N. Romanov. M. Drofa. 2016. P. 76]. Comparing these figures, it is easy to see that 4-5 million people have suffered from the actions of the red army. As writes N. V. Starikov, "the number of victims of the Civil war are millions. The warring parties have committed mass crimes against the civilian population, enemy soldiers, and suspected of sympathy to the enemy" [Starikov N. V. Russkaya smuta [Russian time of troubles]. SPb. Piter. 2017. P. 16]. According to the British historian H. Thomas,

"rage and inflame the passions of the civil war in Spain has surpassed the most wars between Nations. Nevertheless, the loss of it was less than feared. The total number of victims amounted to about 600 000 people. It is estimated that around 100 000 of them were victims of murders or mass executions. Probably not less than 220 000 died from disease and hunger, as a direct result of the war. And most likely, 3 200 000 died in the course of hostilities" [Tomas H. *Grazhdanskaya vojna v Ispanii. 1931-1939 gg.* [Civil war in Spain. 1931-1939 gg] / transl. from English. I. Polotsk. M. ZAO Tsentrpoligraf. 2003. P. 554].

3. Preston P. *The Spanish Holocaust*. N.Y. ; L. : WW Morton and Company, 2012.
4. Op. cit. Pp. XI-XII.
5. Op. cit. P. 185.
6. Op. cit. P. 179.
7. Op. cit. P. 471.
8. Op. cit. P. XVI.
9. Op. cit. P. XVI.
10. Op. cit. P. XIII.
11. Op. cit. P. XVIII.
12. Op. cit. Pp. 665-671.
13. Solzhenitsyn A. I. *Dvesti let vmeste : v 2 ch.* [Two hundred years together : in 2 pts]. M. Prozaik. 2013. Part 2. P. 130.
14. Ibid. P. 134.
15. Ibid. 137.
16. Kara-Murza S. G. *Grazhdanskaya vojna (1918-1921) – urok dlya XXI veka. Ser. «Tropy prakticheskogo razuma»* [Civil war (1918-1921) – the lesson for the twenty-first century. Ser. "Paths of practical reason"]. M. Algoritm. 2003. P. 173.
17. Solzhenitsyn A. I. Op. cit. P.141.
18. Ibid. P. 153.
19. Ibid. P. 153.
20. Igreneva G. *Ekaterinoslavskie vospominaniya (Avgust 1918 g. – iyun' 1919 g.)* [Ekaterinoslav memories (August 1918 – June 1919)] // *Arhiv russoj revolyucii: v 22 t. – Archive of Russian revolution: in 22 vols. Vol. 3-4.* M. Terra: Politizdat. 1991. Vol. 3. P. 242.
21. *Evrejskie pogromy 1918-1921 gg – Jewish pogroms 1918-1921 / comp. Z. S. Ostrovsky.* M. Joint-Stock Company. about "School and a book". 1926. Pp. 3-4.
22. Ibid. P. 4.
23. Ibid. P. 5.
24. Ibid. P. 5.
25. Ibid. P. 5.
26. Solzhenitsyn A. I. Op. cit. P. 150.
27. Ibid. Pp. 149-150.
28. Ibid. Pp. 148-149.
29. Grineva G. Op. cit. P. 242.
30. Kozerod O. V., S. Ya. *Briman Denikinskij rezhim i evrejskoe naselenie Ukrainy 1919-1920 gg.* [Denikin's regime and the Jewish population of Ukraine in 1919-1920] Kharkov. Cursor. 1996. P. 10.
31. *Evrejskie pogromy 1918-1921 gg – Jewish pogroms 1918-1921* p. 6.
32. Kozerod O. V., Briman S. YA. Op. cit. P. 39.
33. Ibid. Pp. 20-21.
34. *Evrejskie pogromy 1918-1921 gg – Jewish pogroms 1918-1921.* p. 7.
35. Ibid. Pp. 7-8.
36. Litvin A. *Krasnyj i belyj terror v Rossii. 1918-1922 gg.* [Red and white terror in Russia. 1918-1922]. 2004. P. 51. Available at: <http://romanbook.ru/book/7111696/?page=1>
37. *Evrejskie pogromy 1918-1921 gg – Jewish pogroms 1918-1921.* P.8.
38. Litvin A. Op. cit. P. 51.
39. Kozerod O. V., Briman S. YA. Op. cit. P. 44.
40. Litvin A. Op. cit. P. 51.
41. Kozerod O. V., Briman S. YA. Op. cit. P. 3.
42. Ibid. P. 6.
43. Solzhenitsyn A. I. Op. cit. P. 162.
44. Kozerod O. V., Briman S. YA. Op. cit. P. 6.
45. Solzhenitsyn A. I. Op. cit. P. 162.

УДК 94; 327

Основные направления и проекты сотрудничества Турции с ФРГ в области культуры в период правления Партии справедливости и развития

Аюпова Н. И.

аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории,
Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского. 603005, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2.
E-mail: aypovani@mail.ru

Аннотация: В статье представлена история развития турецко-германского культурного сотрудничества. Подробно рассматриваются основные направления и проекты двустороннего взаимодействия в сфере культуры в период правления Партии справедливости и развития. Особое внимание уделяется теории А. Давутоглу «Стратегическая глубина», на основе которой строится современный внешнеполитический курс Турции, включающий «компонент» культурной дипломатии. Отдельно охарактеризована роль турецкой диаспоры, проживающей в ФРГ, в продвижении культурных связей двух стран, и деятельность организаций, проводящих ряд совместных культурных мероприятий. Особенно отмечаются Инициатива Эрнст Ройтер, в рамках которой получила поддержку и поощрение премия перевода Tarabya, а в 2010 г. был заложен краеугольный камень турецко-немецкого университета в Стамбуле, а также празднование в 2011 г. торжества, приуроченного к 50-летию заключения договора о трудовых мигрантах между ФРГ и Турцией.

Ключевые слова: Турция, Германия, Партия справедливости и развития, культурное сотрудничество, А. Давутоглу, турецкая диаспора в ФРГ.

The main directions and projects of cooperation of Turkey with the FRG in the field of culture in the period of the Party of justice and development rule

Aiupova N. I.

post-graduate student, Department of Regional Studies of Foreign Countries and Local History,
Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University
n. a. N. I. Lobachevsky. 2 Ulyanov str., NijniNovgorod, Russia, 603005. E-mail: aypovani@mail.ru

Abstract: The article does study history of development of the trade and cultural cooperation between Turkey and Germany. The main directions and projects of bilateral interaction in the sphere of culture in the period of the Party of justice and development rule are considered in details. Special attention is paid to the theory of A. Davutoglu "Strategic depth", on the basis of which the modern foreign policy of Turkey is built, which includes the "component" of cultural diplomacy. The role of the Turkish diaspora living in Germany, in promoting cultural ties between the two countries, and the activities of organizations carrying out a number of joint cultural events are separately described. It is specially noted the Ernst Reuter Initiative, within the framework of which the Tarabya Translation Prize was supported and encouraged, and in 2010 was laid the cornerstone of the Turkish-German University in Istanbul, as well as the celebration in 2011 of the celebration, timed to the 50th anniversary of the conclusion of the contract on labor migrants between the FRG and Turkey.

Keywords: of development of the Turkish-German cultural cooperation, the Party of Justice and Development, A. Davutoglu, Turkish diaspora in Germany.

Сотрудничество Турции и Германии в сфере культуры имеет давние традиции, уходящие своими корнями в XIX в. В отличие от двусторонних торговых и военных отношений, культурное взаимодействие между Турцией и Германией вплоть до XX в. оставалось на втором плане. В то время Германия уступала другим европейским странам в культурном сотрудничестве с Османской империей. Однако благодаря феноменальным успехам, полученным в Турции начиная с середины XX в., немецким археологическим исследованиям и открытию отделения востоковедения в немецких университетах культурные отношения между двумя государствами и двумя обществами активизировались и в начале XX в. интерес немецкого народа к Османской империи резко увеличился.

В 1909 г. главный редактор газеты Хайльбронн Некар (Heilbronn Neckar) Эрнст Йекк (Ernst Jäckh) предпринял путешествие в Османскую империю. Вернувшись, он опубликовал книгу «Восходящий полумесяц», в которой озвучил идею экономической и культурной экспансии Германии на Восток. В 1911 г. Эрнст Йекк организовал исследовательскую поездку, в которой приняли участие более 50 представителей культурной, экономической, общественной и политической жизни Османской империи. Таким образом, была заложена основа сотрудничества: начиная с 1912–1913 гг. немецкие профессора и специалисты провели ряд исследований по вопросам турецкой образовательной системы и университетской реформы (тур. *Darülfünun'un reformu*) Османской империи, а в Берлине в 1912 г. была основана Германо-турецкая ассоциация [1].

В 30–40-е гг. XIX в. более 80 немецких деятелей искусства и ученых, бежав от нацистского режима, иммигрировали в Турцию. Среди них: архитектор Бруно Таут (Bruno Taut), экономисты Александр Рюстов (Alexander Rüstow), Герхард Кесслер (Gerhard Kessler) и Вильгельм Рёпке (Wilhelm Röpke), юрист Эрнст Хирш (Ernst Hirsch) и Эрнст Праэториус (Dr. Ernst Praetorius), работающий в Анкарской консерватории с 1935 г. Все они внесли большой вклад в основание турецких университетов. Эрнст Ройтер (Ernst Reuter), в 1948 г. ставший бургомистром Берлина, в 30-е г. XIX в. работал в качестве специалиста по административным и коммуникационным вопросам в Анкаре и Стамбуле. Многие молодые турецкие исследователи благодаря основам, заложенным иммигрантами, обращаются в своих исследованиях к Германии.

Официальный характер взаимодействию в области культуры придало межправительственное соглашение о культурном сотрудничестве, подписанное 8 мая 1957 г. премьер-министром Турции Аднаном Мендересом (Adnan Menderes) и министром иностранных дел ФРГ Генрихом фон Брентано (Heinrich von Brentano) во время визита в Турцию немецкого президента Теодора Хойса (Theodor Heuss). Основная идея соглашения – организация сотрудничества в сферах искусства и науки [2].

В рамках соглашения предусматривались регулярные заседания постоянной совместной турецко-германской культурной комиссии (очередной раз заседание комиссии состоялось 27–28 ноября 2014 г. в Анкаре) и регулярная совместная турецко-германская комиссия специалистов по вопросам образования, после каждого заседания которой подписывается двусторонний совместный протокол (очередное заседание состоялось 25–27 февраля 2014 г. в Анкаре). 26 мая 1986 г. в качестве приложения к соглашению о культурном сотрудничестве от 8 мая 1957 г., предусмотренного 18-м пунктом данного соглашения, было подписано дополнительное соглашение, в котором определяется статус немецких преподавателей, приезжающих в Турцию с целью работать в турецких школах [3].

С приходом к власти в ноябре 2002 г. умеренно-исламистской Партии справедливости и развития (далее ПСР) внешняя политика Турции стала более акцентированной, прагматичной и взвешенной. Основные внешнеполитические ориентиры Турецкого государства были определены в Программе ПСР и заключались в активизации сотрудничества с Европейским союзом, Российской Федерацией и исламским миром. При этом основная заслуга в разработке внешнеполитической концепции Турции принадлежала профессору Ахмету Давутоглу, который, основываясь на опыте предыдущих политических деятелей Турции, учитывая их недостатки в политике, разработал новую концепцию внешней политики Турции [4], изложенную в его книге «Стратегическая глубина. Международное положение Турции» (тур. *Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu*). Одним из «компонентов» современного турецкого внешнеполитического курса является культурная дипломатия, которая включает в себя активизацию сотрудничества в сфере культуры как на традиционных направлениях, так и на новых.

Культурные отношения с ФРГ – традиционным партнером Турции – в период правления ПСР интенсивно развиваются. Турция совместно с ФРГ запускает ряд проектов в сфере культуры. Так, в сентябре 2006 г. министры иностранных дел ФРГ и Турции Франк-Вальтер Штайнмайер и Абдулла Гюль в Стамбуле провозгласили Инициативу Эрнст Ройтер (тур. *Ernst-Reuter-Girişimi – ERG*). Инициатива Эрнст Ройтер направлена на укрепление сотрудничества Германии и Турции в сферах искусства, культуры, политики, медиа, экономики, образования и науки, привлекает внимание общественности и поддерживает программы и проекты СМИ, в которых продвигаются идеи по развенчанию стереотипов, связанных с представлениями об обеих странах, что поможет облегчить взаимопонимание народов обеих стран, дать возможность интенсивного знакомства с другой страной, что, в общем и целом, поможет повлиять на имидж Турции и Германии, а также поощряет частные формы межкультурного диалога [5].

В рамках Инициативы Эрнст Ройтер получила поддержку и поощрение премия перевода Тарабуа. Эта премия выдается за превосходные литературные переводы, сделанные с турецкого языка на немецкий и с немецкого на турецкий язык. С 2010 г. премия перевода Тарабуа выдается министерством культуры и туризма Турецкой Республики, Институтом имени Гете в Стамбуле,

фондами Р. Боша и С. Фишера, а с 2014 г. и Институтом Юнуса Эмре [6]. Впервые премию Tarabya вручили 3 ноября 2010 г. государственный министр министерства иностранных дел ФРГ Корнелия Пипер (Cornelia Pieper) совместно с министром культуры и туризма Турции Эртугрулом Гюнейем (Ertugrul Güney). С тех пор премия выдается ежегодно. В 2010 г. по Инициативе Эрнст Ройтер был заложен краеугольный камень турецко-немецкого университета в Стамбуле.

Во время официального визита главы МИД ФРГ в октябре 2011 г. Гидо Вестервелле совместно с его турецким коллегой Ахметом Давутоглу в Стамбуле была открыта турецко-германская культурная Академия Villa Tarabya. Ее создание было задумано «как новаторский проект, который имеет долгую историю; это весьма существенный проект в немецко-турецком сотрудничестве в области культуры и образования» [7]. «С открытием академии начинается нечто новое, что в будущем может стать важной опорой в германо-турецких отношениях», – подчеркнула государственный министр Корнелия Пипер (Cornelia Pieper) на официальном открытии культурного центра. Академия появилась на знаковом месте: в 1880 г. султан Абдул-Гамид II выделил немецкому кайзеру Вильгельму I участок для использования дипломатической миссией. Так в 1885 г. в 15 километрах севернее Стамбула была возведена летняя резиденция посла Германии. Вторую жизнь зданию дали депутаты бундестага, которые вместе с МИДом ФРГ выступили с идеей создания в бывшей летней резиденции посла центра искусств. Идея была поддержана турецким правительством. Несколько месяцев назад завершилась реставрация, и теперь Tarabya послужит местом для продолжения исторически обусловленного немецко-турецкого диалога [8]. Основная цель Академии культуры – объединение немецких и турецких деятелей культуры и дальнейшая активизация межличностных контактов между двумя странами. С сентября 2012 г. более 20 стипендиатов получили право на многомесячное пребывание на территории исторической летней резиденции посла Германии в Тарабье.

Еще одним крупным совместным культурным событием стало мероприятие «Регион Эссен/Рур и Стамбул – культурные столицы Европы 2010», в котором приняли участие канцлер ФРГ Ангела Меркель, находившаяся 30 марта 2010 г. с официальным визитом в Стамбуле по приглашению Эрдогана, и премьер-министр Турции.

Множество культурных мероприятий было проведено и в рамках культурного форума Турция – Германия. Культурный форум, охватывающий сферы искусства, культуры и медиа, ставит своей целью создание платформы взаимодействия международных и межкультурных встреч. Почетными председателями форума стали известный немецкий писатель Гюнтер Грасс и турецкий прозаик-реалист Яшар Кемаль. Культурный форум, начавший свою работу в 1988 г. по инициативе художников, писателей, специалистов в сфере культуры и медиа, с 1995 г. до сегодняшних дней продолжает функционировать в качестве организации, работающей в интересах общества. Форум поддерживает межкультурный диалог на уровне Европы разнообразными типовыми проектами и мероприятиями, осуществляемыми в контексте Германия, Турция и Европа [9].

В конце 2009 г. по инициативе культурного форума Турция – Германия и при участии многих организаций и фондов Кельна был создан Кельнский форум Гранта Динка. Цели фонда: увековечить память о жизни и работе Гранта Динка и улучшать взаимопонимание между народами и религиями. Среди основателей форума Гранта Динка в Кельне наряду с культурным форумом фонд прав человека Турция – Германия, библиотека Рафаэля Лемкина и центр культуры и искусства Хасрета Гюнтекина. В задачи форума входит проведение дискуссионных встреч, кинопоказов, лекций, концертов и других культурных мероприятий, способствующих диалогу между культурами и религиями. Форум тесно сотрудничает с международным фондом Гранта Динка в Стамбуле. Почетный председатель Кельнского форума Гранта – супруга Динка Ракель Динк [10].

Особую роль в становлении двустороннего культурного сотрудничества играют многочисленные культурные организации. Среди них: Институт имени Гёте, ДААД (Германская служба академического обмена), немецкий археологический институт, Институт ориенталистики, фонды: А. Гумбольдта, К. Аденауэра, Ф. Науманна, Ф. Эберта, Г. Бёлля, Р. Боша, Фольксвагена, открытые в Турции, и турецко-германское культурное объединение и Центр турецкой культуры имени Юнуса Эмре, открытые в Германии.

Примечательно, что, несмотря на то что в Германии проживает самая большая турецкая диаспора, в ФРГ до недавнего времени не было ни одного Центра турецкой культуры имени Юнуса Эмре, что было связано с тем, что власти Германии, осознавая «деструктивное» влияние подобных центров, остерегались, что продвижение турецкой культуры и языка негативно скажется на интеграции выходцев из Турции в немецкое общество, да и многие немецкие турки с подозрением относились к таким инициативам правящей ПСР. По этому поводу министр культуры и туризма Турции Э. Гюней не раз заявлял: «Наши люди живут в Германии в течение более 50 лет. Однако там нет центра турецкой культуры, но ведь есть же институт Гете в Турции». Тем не менее Турция, которая

уже давно прорабатывала вопрос об открытии Центра в Берлине, сумела добиться своего. В октябре 2012 г. во время визита премьер-министра Турции Р. Т. Эрдогана в Германию было подписано соглашение об открытии Центра турецкой культуры имени Юнуса Эмре в Берлине, которое состоялось в 2013 г. [11] Позже еще один Центр Юнуса Эмре появился в Кёльне.

Турецко-германские отношения в сфере культурного взаимодействия зачастую становятся обсуждаемой темой на мероприятиях, организованных центром практических исследований ЕС университета Акдениз (Akdeniz Üniversitesi Avrupa Birliği Araştırma ve Uygulama Merkezi – AKVAM). Исследовательский центр AKVAM, начавший свою работу в 2003 г., активно проводит международные недели европейской молодежи, форум турецко-германского сотрудничества, семинары и конференции по межкультурному диалогу, Дни Турции в странах ЕС, мультикультурные образовательные программы, выставки, театральные, музыкальные, художественные мастерские, конгрессы, международные и национальные панели и семинары по отношениям Турции и ЕС. К примеру, 13–15 июля 2012 г. в Нюрнберге – городе-побратиме Анталии, в рамках пятого турецко-германского фестиваля дружбы AKVAM провел дни Турции и организовал выставку тридцати картин, выполненных в стиле эбру (техника рисования на воде) [12]. А годом ранее 13–14 октября Дни Турции проходили в Берлине и также при участии университета Акдениз [13].

Ассоциация турецко-германского культурного сотрудничества (тур. Türk Alman Kültürel İşbirliği Derneği – TAKİD), расположенная в Адане, также ведет работу по развитию турецко-германского культурного диалога. Начиная с 1988 г. в основные задачи TAKİD входили представление и распространение в соответствии с текущей потребностью немецкой и турецкой культуры (языковые курсы, концерты, выставки, театральные представления, социальные организации). В настоящее время TAKİD продолжает работать, оказывая консультационные услуги турецким и немецким гражданам, проводит собрания и планирует различные мероприятия. Однако семинары, культурные и социальные мероприятия организуются уже вне TAKİD. В настоящее время в ассоциацию входят пятьдесят два человека, семь почетных членов и совет из семи человек. Членами ассоциации являются как турки, так и немцы [14].

Особо важным в плане культурного взаимодействия Турции и ФРГ стал 2011 г. В Берлине состоялись торжества, приуроченные к 50-летию заключения договора о трудовых мигрантах между ФРГ и Турцией. В мероприятии, организованном министерством иностранных дел 2 ноября 2011 г., приняли участие канцлер ФРГ Ангела Меркель, премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган, а также министр внутренних дел ФРГ Ханс-Петер Фридрих и первые турецкие гастарбайтеры. Договор о трудовых мигрантах был призван привлечь в ФРГ рабочую силу, нехватка которой остро ощущалась в послевоенные годы. Соглашения о найме на работу иностранцев были подписаны в те годы с рядом стран. Глядя на это, правительство Турции, испытывавшее большие проблемы с безработицей в собственной стране, предложило ФРГ нанимать турецких гастарбайтеров. Когда 30 октября 1961 г. Германия и Турция подписали договор о трудовых мигрантах, речь не шла о том, чтобы гастарбайтеры остались в ФРГ навсегда. Изначально их пребывание было ограничено по времени, кроме того, мигрантам запрещалось воссоединение с семьями. Однако постепенно текст договора обновлялся. Так, гастарбайтерам было продлено пребывание в ФРГ, а затем власти разрешили перевозить сюда и свои семьи. В результате многие остались в ФРГ навсегда. В 1973 г. прием на работу граждан Турции был прекращен. Однако сегодня жители страны с турецкими корнями, по словам Меркель, стали частью немецкого общества. «Они обогатили нашу жизнь и сделали ее разнообразнее», – такой комплимент сделала канцлер Германии Ангела Меркель двум с половиной миллионам турок, проживающим в стране [15]. «Германия для многих турок уже не является чужой родиной», – подчеркнул премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган в своей речи на торжествах в Берлине. Более чем на 70 тысячах турецких предприятий в Германии создано 350 тысяч рабочих мест, в том числе и для коренных немцев, напомнил турецкий премьер [16].

В рамках празднования 50-летней годовщины договора найма рабочих с Турцией осенью 2011 г. в многочисленных городах Германии и Турции были организованы фестивали, конференции, выставки и другие мероприятия. Остановимся на некоторых.

Гете-Институт Стамбула совместно с культурным форумом Турция – Германия организовали мероприятие на железнодорожной станции Стамбул – Сиркеджи, откуда первые поезда отправлялись в Германию. На поезде «50 лет миграции» в Германию прибыла турецкая делегация, в состав которой вошли политики, представители общественности, культуры, а также около 40 человек из первого поколения турецких гастарбайтеров. Они смогли в течение пяти дней путешествия увидеть места, мимо которых они проезжали 50 лет назад: Белград, Загреб, Зальцбург и другие города, через которые следовал локомотив [17].

На выставке “Fiktion Okzident”, прошедшей в рамках одноименного проекта в Стамбуле, Анкаре и Берлине, было представлено культурное взаимодействие между Турцией и Германией в XX в., поворотным моментом которого стал побег из Германии в Турцию в период национал-социализма писателей, художников и ученых еврейского происхождения, которые внесли неоценимый вклад в процесс модернизации Турции.

Передвижная двуязычная выставка «Воспоминания о новой Родине. Из жизни немецких жителей Стамбула и турецких жителей Берлина», премьера которой состоялась в Берлине в музее Кройцберг в 2010 г., а в 2011 г. была привезена в Мюнхен, Кельн, Гамбург, Эссен и Стамбул (Стамбульский университет Билги). Выставка, созданная по Инициативе Эрнст Ройтер, в текстах, фотографиях и фильмах презентовала жизненные истории четырнадцати женщин, которые иммигрировали более 20 лет назад из Германии в Турцию или из Турции в Германию.

Кельнский центр документации и музей миграции в Германии презентовал выставку “Geteilte Heimat – Paylasilan Yurt” («Разделенная родина») с экспонатами в Берлине, Кельне и Дюссельдорфе.

Фестиваль культуры-медиа-конференции “B-34: Kultürk” (Берлин-Стамбул) в сентябре впервые презентует программу из фильмов, лекций и дискуссий. В частности, была показана серия документальных фильмов Османа Окана «Человеческие пейзажи – шесть авторских портретов Турции». В октябре в Берлине прошел театральный фестиваль “Almanca! – 50 YilSahteEvlilik” о 50-летию миграционной истории. 10–13 ноября была показана серия фильма «Типично турецкое» (нем. “Tüpischtürkisch”) в Кельне [18].

Книжная ярмарка «Рур-2011», проходившая с 14 по 23 октября и включавшая в себя 45 мероприятий и выставок, также была посвящена 50-летию юбилею заключения договора о трудовых мигрантах и проходила под девизом «1001 ночная смена – 50 лет турецкой иммиграции». В мероприятии приняли участие Джем Оздемир, Корнелиус Бишоф, Фредерика С. Радерер, Осман Оккан и другие. Лидер партии Зеленых Джем Оздемир совместно с обер-бургомистром Вольфгангом Шустером представили книгу «Центры в Германии – история германо-турецкого успеха». А 17 октября был презентован специальный выпуск издания культового романа «Тоший Мемед» (тур. *İnce Memed*) Яшара Кемаля. Также в 2011 г. появились на свет книги, связанные с миграцией немцев в Турцию в XX в., «Бесподданный. Мир – наша родина» Кемаля Ялчина и «Роман моей жизни – европеец с Босфора» Зюфлю Ливанели.

13–14 октября в Падерборне был организован конгресс «Новые точки поворота и рефлексии в германо-турецком контексте» в рамках проекта «Турецко-германские отношения и культурное взаимодействие», поддерживаемого ТЮБИТАК Турции и федеральным министерством образования и исследования ФРГ и выполненного совместно с университетом Падерборн и отделением немецкого языка и литературы Стамбульского университета. Работа конгресса была направлена на изучение двусторонних отношений между Германией и Турцией и межкультурной коммуникации.

Важную роль в турецко-германских культурных отношениях играет и турецкая диаспора. Не всем представителям турецкой общины в ФРГ удалось стать полноценными членами европейского общества, однако отдельные личности достигли значительных результатов, сформировав облик современной турецкой интеллигенции в Германии. В XXI в. в немецком обществе образовался целый пласт культуры, созданной представителями турецкой диаспоры. Сегодня довольно прочно закрепились в культурной жизни Германии литераторы, режиссеры, журналисты турецкого происхождения, которые часто высоко оцениваются критиками, получают международное признание в виде премий, грантов, побед на многочисленных конкурсах, фестивалях [19]. К примеру, в 2009 г. были показаны восемь турецких фильмов молодых турецких режиссеров на 17-м Гамбургском кинофестивале, где фильм Фатиха Акына «Душевная кухня» (англ. *SoulKitchen*) получил премию “Art Cinema” [20]. А документальный фильм «Дело об убийстве Гранта Динка – армяне в Турции» Османа Окана и Симоне Ситте удостоился премии «Золотой Глобус» на 11-м кинофестивале World Media, прошедшем в Гамбурге в мае 2010 г.

Правительство ФРГ активно сотрудничает с турецкой интеллигенцией. К примеру, по приглашению культурного форума 24 ноября 2010 г. в берлинской канцелярии встретились 60 ведущих редакторов турецкоговорящего СМИ в Германии и федеральный канцлер Ангела Меркель. Центральными темами были создание германо-турецкого телеканала и 50-летие договора приема гастарбайтеров. В ходе встречи Меркель подчеркнула важность культурного и медийного обмена между гражданами турецкого происхождения и немцами.

Необходимо отметить, что представители творческих профессий турецкого происхождения, проживающие в Германии, представляя мультикультурную Германию, открывают новые аспекты понимания культуры. Так, благодаря фильму «Головой о стену» (тур. “Duvara Karşı”) Фа-

тиха Акына, удостоившемуся премии «Золотой медведь» и Приза ФИПРЕССИ на Берлинском кинофестивале в 2004 г., в основу сюжета которого легла жизнь эмигрировавших в Германию турок, началось появление идей по вопросу, каким образом иностранцами воспринимаются турки, проживающие в Германии и других странах Европы. Многочисленные актеры, режиссеры и писатели – турки или турецкого происхождения, среди которых стоит выделить Эмине Севги Оздамар (Emine Sevgi Özdamar), Ферудина Заимоглу (Feridun Zaimoğlu), Селима Оздоган (Selim Özdoğan), Эртугрул Озкок, руководителя Берлинского театра Шеринг Лангхофф, – сами положили начало поиску «турецко-германского пути». Теперь они не хотят ограничивать себя только темами турецких иммигрантов, а видят себя частью немецкого общества [21].

Таким образом, мы приходим к выводу, что взаимное сотрудничество Турции и Германии в области культуры в период правления ПСР находится на весьма развитом уровне и характеризуется взаимным интересом и симпатией турок и немцев, а также интенсивным творческим взаимообменом, подкрепляемым диалогом гражданских обществ Турции и Германии. В рамках многочисленных инициатив в разных городах Германии и Турции были организованы турецко-германские недели фильмов, многочисленные выставки и другие мероприятия в области культуры и искусства. В этом смысле выдвинутый главой МИД, а затем премьер-министром Турции А. Давутоглу концепция «Стратегическая глубина» применительно к культурным отношениям с ФРГ состоялась. Очевидно, что факторами укрепления культурных связей Турции с ФРГ стали исторические традиции германо-османского партнерства, политическая воля государственного руководства двух стран к усилению культурных отношений, растущая роль турецкой диаспоры на территории ФРГ в сфере культуры.

Но в то же время в рассматриваемый период мы наблюдаем определенный дисбаланс в культурных отношениях двух стран. В то время как ФРГ в полной мере использовала свои возможности «культурной дипломатии», правительство Турции стремилось максимально использовать институциональные возможности в этой сфере. В частности, Институт Юнуса Эмре выступает одним из инструментов турецкой дипломатии в культурной сфере и способом преодолеть очевидное доминирование Германии в двусторонних культурных связях.

Также не стоит забывать о событиях последних лет, негативно влияющих на укрепление турецко-германского культурного взаимодействия, среди которых необходимо особо отметить вовлеченность Турции в конфликты ближневосточного региона, резолюцию бундестага 2016 г. о признании геноцида армян, арест в Анкаре Дениза Юджела (Deniz Yücel), журналиста издания Die Welt, имеющего двойное гражданство, и обвинение его в причастности к террористическим организациям в начале 2017 г., в связи с последним отмена выступления министра юстиции Турции Бекира Боздага перед сторонниками Эрдогана в Германии перед референдумом по вопросу предоставления более широкого круга полномочий президенту Турции и, наконец, конституционный референдум, состоявшийся 16 апреля 2017 г. в Турции. В результате ряда поправок к Конституции Турции и в связи с предстоящим периодом перехода государства от парламентской формы правления к президентской, скорее всего, произойдут качественные изменения в векторе турецко-германского сотрудничества в целом, в том числе и в области культуры.

Примечания и список литературы

1. Almanya ile Türkiye arasındaki kültürel değişim. URL: http://www.yabancidil.info/articles.php?article_id=33
2. Almanya ile Türkiye arasındaki Kültürel İlişkiler. URL: <http://www.tuerkei.diplo.de/Vertretung/tuerkei/tr/09-kultur/01-deutsch-tuerkische-beziehungen-im-kulturbereich/00-deutsch-tuerkische-beziehungen-im-kulturbereich.html>
3. Kültür Alanında İkili Anlaşmalar. URL: <http://www.tuerkei.diplo.de/Vertretung/tuerkei/tr/09-kultur/01-deutsch-tuerkische-beziehungen-im-kulturbereich/bilaterale-abkommen-im-kulturbereich.html>
4. Корнилов А. А., Сулейманов А. В. Евразийская дипломатия Анкары // Международная жизнь. 2010. № 4. С. 68.
5. ERG – Ernst-Reuter-Girişimi – Kültürlerarası Diyalog ve Anlayış. URL: <http://www.tuerkei.diplo.de/Vertretung/tuerkei/tr/09-kultur/08-ernst-reuter-initiative/00-ernst-reuter-initiative.html>
6. ERG'in Proje Alanları. URL: <http://www.tuerkei.diplo.de/Vertretung/tuerkei/tr/09-kultur/08-ernst-reuter-initiative/projektfelder.html>
7. Берг И. С. Визит Г. Вестервелле в Турцию: цели, задачи, итоги. URL: <http://www.iimes.ru/?p=13464#more-13464>
8. Там же.
9. Türkiye Almanya Kültür Forumuna hoş geldiniz. URL: <http://www.das-kulturforum.de/index.php?id=17>
10. Там же.
11. Аватков В. А., Чулковская Е. Е. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре – «мягкая сила» Турции // Геополитика и безопасность. 2013. № 2 (22). С. 117.
12. Nürnberg'te Türkiye günleri. URL: <http://akvam.akdeniz.edu.tr/nurnbergte-turkiye-gunleri/>

13. Berlin'de Türkiye günleri. URL: <http://akvam.akdeniz.edu.tr/berlinde-turkiye-gunleri/>
14. Hakkımızda / Über Uns. URL: http://www.takid.org/index.php?option=com_content&view=article&id=3&Itemid=3
15. В Мюнхен из Стамбула прибыл поезд «50 лет миграции». URL: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/14604>
16. В Берлине отметили 50-летие договора с Турцией о найме гастарбайтеров. URL: <http://www.dw.com/ru/в-берлине-отметили-50-летие-договора-с-турцией-о-найме-гастарбайтеров/a-15506039>
17. В Мюнхен из Стамбула прибыл поезд «50 лет миграции». URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/546841>
18. Aktuell. Oktober 2011. URL: http://www.das-kulturforum.de/fileadmin/kulturforum_upload/pdf/2011-10_KF_aktuell_web.pdf
19. Слободенюк В. В. Турецкая диаспора в современной системе образования Германии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 130. С. 38.
20. Fatih Akin'ın filmine "ArtCinema" ödülü. URL: <http://www.dunya.com/gundem/fatih-akin039in-filmine-art-cinema-odulu-haberi-91832>
21. Almanya ile Türkiye arasındaki kültürel değişim. URL: http://www.yabancidil.info/articles.php?article_id=33

Notes and References

1. Almanya ile Türkiye arasındaki kültürel değişim. Available at: http://www.yabancidil.info/articles.php?article_id=33
2. Almanya ile Türkiye arasındaki Kültürel İlişkiler. Available at: <http://www.tuerkei.diplo.de/Vertretung/tuerkei/tr/09-kultur/01-deutsch-tuerkische-beziehungen-im-kulturbereich/00-deutsch-tuerkische-beziehungen-im-kulturbereich.html>
3. Kültür Alanında İkili Anlaşmalar. Available at: <http://www.tuerkei.diplo.de/Vertretung/tuerkei/tr/09-kultur/01-deutsch-tuerkische-beziehungen-im-kulturbereich/bilaterale-abkommen-im-kulturbereich.html>
4. Kornilov A. A., Sulejmanov A. V. *Evrazijskaya diplomatiya Ankary* [Eurasian diplomacy of Ankara] // *Mezhdunarodnaya zhizn'* – The international life. 2010, No. 4, p. 68.
5. ERG – Ernst-Reuter-Girişimi – Kültürlerarası Diyalog ve Anlayış. Available at: <http://www.tuerkei.diplo.de/Vertretung/tuerkei/tr/09-kultur/08-ernst-reuter-initiative/00-ernst-reuter-initiative.html>
6. ERG'in Proje Alanları. Available at: <http://www.tuerkei.diplo.de/Vertretung/tuerkei/tr/09-kultur/08-ernst-reuter-initiative/projektfelder.html>
7. Berg I. S. *Vizit G Vestervelle v Turtsiyu: tseli, zadachi, itogi* [Visit of Guido Westerwelle to Turkey: the goals, objectives, results]. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=13464#13464> more
8. Ibid.
9. Türkiye Almanya Kültür Forumuna hoş geldiniz. Available at: <http://www.das-kulturforum.de/index.php?id=17>
10. Ibid.
11. Avatkov V. A., Chulkovskaya E. E. *TSentry turetskoj kul'tury imeni Yunusa EHMre – «myagkaya sila» Turtsii* [Centers of Turkish culture named after Yunus Emre – "soft power" of Turkey] // *Geopolitika i bezopasnost'* – Geopolitics and security. 2013, No. 2 (22), p. 117.
12. Nürnberg'te Türkiye günleri. Available at: <http://akvam.akdeniz.edu.tr/nurnbergte-turkiye-gunleri/>
13. Berlin'de Türkiye günleri. Available at: <http://akvam.akdeniz.edu.tr/berlinde-turkiye-gunleri/>
14. Hakkımızda / Über Uns. Available at: http://www.takid.org/index.php?option=com_content&view=article&id=3&Itemid=3
15. *V Myunkhen iz Stambula pribyl poezd «50 let migratsii»* – To Munich from Istanbul the train "50 years of migration" arrived. Available at: <http://www.rus-obr.ru/ru-web/14604>
16. *V Berline otmetili 50-letie dogovora s Turtsiej o najme gastarbajterov* – In Berlin they celebrated the 50 anniversary of the Treaty with Turkey on the employment of migrant workers. Available at: <http://www.dw.com/ru/в-берлине-отметили-50-летие-договора-с-турцией-о-найме-гастарбайтеров/a-15506039>
17. *V Myunkhen iz Stambula pribyl poezd «50 let migratsii»* – To Munich from Istanbul the train "50 years of migration" arrived. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/546841>
18. Aktuell. Oktober 2011. Available at: http://www.das-kulturforum.de/fileadmin/kulturforum_upload/pdf/2011-10_KF_aktuell_web.pdf
19. *Slobodenyuk V. V. Turetskaya diaspora v sovremennoj sisteme obrazovaniya Germanii* [Turkish Diaspora in the modern system of education in Germany] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta im. A. I. Gertsena* – Proceedings of Russian State Pedagogical University n.a. A. I. Herzen. 2011, No. 130, p. 38.
20. Fatih Akin'ın filmine "ArtCinema" ödülü. Available at: <http://www.dunya.com/gundem/fatih-akin039in-filmine-art-cinema-odulu-haberi-91832>
21. Almanya ile Türkiye arasındaki kültürel değişim. Available at: http://www.yabancidil.info/articles.php?article_id=33

УДК 81`27

Профессионально обусловленные изменения в речи курсантов военного вуза

Соболева О. В.

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет. 614990, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. Профессор кафедры гуманитарных и социальных наук, Пермский военный институт войск национальной гвардии РФ. 614112, г. Пермь, ул. Гремячий Лог, 1. E-mail: olga.v.soboleva@gmail.com

Попова О. А.

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных наук, Пермский военный институт войск национальной гвардии РФ. 614112, г. Пермь, ул. Гремячий Лог, 1. E-mail: p-olgaperm@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается актуальная для целого ряда наук (социальная психология, социальная философия, культурология, педагогика, лингвистика и др.) проблема влияния профессии на речь. Научная новизна работы заключается в рассмотрении профдеформационных изменений в речи курсантов военного вуза. Авторами подчеркивается наличие объективных факторов, способствующих проявлению деформационных изменений, связанных с профессией, уже на начальном этапе обучения курсантов. На материале устных и письменных текстов курсантов военного института выявляются и анализируются те изменения речевого поведения, которые носят выраженный профдеформационный характер. Авторами выделяются такие виды профдеформационных изменений в речи курсантов военного вуза, как стереотипные речевые действия, ошибочные речевые действия, стереотипные ближайшие ассоциации. Определяются пути дальнейшего исследования темы.

Ключевые слова: профессиональная деформация, речевое поведение, ошибочные речевые действия, формулы речевого этикета.

Changes in the speech of military university students caused by their professional training

Soboleva O. V.

candidate of philological sciences, associate professor at the Department for Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University. 29, Komsomolskij Ave., Perm, 614990, Russian Federation; professor at the Department of Humanitarian and Social sciences, Perm Military Institute of the National Guard's Forces of the Russian Federation. 1 Gremyachij Log, Perm, 614112, Russian Federation. E-mail: olga.v.soboleva@gmail.com

Popova O. A.

candidate of philological sciences, associate professor at the Department for Humanitarian and social sciences, Perm Military Institute of the National Guard's Forces of the Russian Federation. 1 Gremyachij Log, Perm, 614112, Russian Federation. E-mail: p-olgaperm@mail.ru

Abstract: The article examines the influence of a profession on the speech. This problem is relevant for a number of sciences (social psychology, social philosophy, culturology, pedagogy, linguistics, etc.). The purpose of this study and its novelty is analyzing the professional deformational changes in the speech of military students. The authors emphasize the presence of objective factors that cause deformation changes connected with the profession already at the initial stage of students training. On the basis of oral and written texts of the students, it was revealed that these changes in their speech behavior have a pronounced (an obvious) professionally deformed character. The authors distinguish such kinds of professional deformational changes in the speech of military students as stereotyped

speech actions, erroneous speech actions, stereotypical closest associations. The further ways of problem research are determined.

Keywords: professional deformation, speech behavior, erroneous speech actions, formulas of speech etiquette.

Явление профессиональной деформации всесторонне исследуется сегодня представителями целого ряда наук. В первую очередь это социальная психология, которая в силу своих задач уже давно обратилась к данному феномену, анализируя неизбежные изменения личности, которые происходят под влиянием профессии. Однако в последнее время профдеформация изучается и с междисциплинарной точки зрения, привлекая внимание специалистов в области культурологии, социальной философии, педагогики и других научных направлений. Существуют в том числе и лингвистические работы, направленные на выявление деформационных изменений, фиксируемых в речи представителей отдельных профессий [1].

Стоит отметить, что профессиональная деформация личности – явление неизбежное и психологически обусловленное. Среди проявлений профессиональной деформации С. П. Безносов (вслед за А. И. Китовым) отмечает так называемое изменение порога восприятия [2]. По мнению этого исследователя, повышение порога восприятия является своеобразной эмоциональной защитой от негативных воздействий ситуации. Развивая эту мысль, мы можем прийти к выводу о том, что такие отмечаемые многими черты личности, как установка на равнодушное восприятие преступления у работников правоохранительных органов, формализм при рассмотрении заявлений и жалоб населения в отделениях полиции, эмоциональное притупление военных и т. п. представляют собой нечто иное, как неосознанно запущенный представителями этих профессий защитный механизм, препятствующий разрушительному воздействию стресса, который неизбежно сопутствует выполнению их ежедневных профессиональных обязанностей [3].

Как известно, любая профессия оказывает на личность двойственное влияние. С одной стороны, по мере погружения в профессиональную среду начинающий специалист со временем обогащается опытом, обретает уверенность в своих силах и начинает ощущать удовлетворение от профессиональной реализации, которая в современном обществе является непременным атрибутом успешного человека. С другой стороны, длительное пребывание в рамках, заданных определенной деятельностью, снижает психологическую гибкость, мешает мобильности мышления, существенно обедняет спектр реакций и оценок. Под влиянием подобного негативного воздействия и формируются свойственные представителю каждой профессии стереотипные действия.

Можно ли считать стереотипные действия исключительно отрицательным явлением? Как считают исследователи, не всегда. Говоря о профессиональной деформации юриста, Р. М. Грановская подчеркивает амбивалентную природу стереотипных действий [4]. На этапе вхождения в профессию они полезны, так как ускоряют работу. Однако когда впоследствии стереотипные действия начинают доминировать, восприятие ситуации становится упрощенным, что понижает аналитические способности, гибкость мышления и мешает взглянуть на вещи с другой точки зрения.

Профдеформационные изменения затрагивают и речевую сферу. Стереотипные речевые действия неконтролируемо проявляются в поведении представителей определенной профессии, замещая собой ситуативно обусловленные действия, необходимые при конкретных условиях. Стереотипность речевого поведения во многом свойственна военнослужащим. Речевые формулы, обязательные для употребления в военной сфере, непроизвольно используются военными и в гражданской среде.

Отдельные профдеформационные изменения можно наблюдать и в речи курсантов военного вуза. Существует целый ряд объективных факторов, способствующих проявлению профдеформационных изменений в психологии и речи курсантов уже на начальном этапе обучения, то есть на первом курсе. Среди них можно выделить такие, как проживание в казарменных условиях (то есть в условиях замкнутой социальной среды), стрессы, недосыпания, большая физическая нагрузка, а также установка на стереотипность поведения, в целом характеризующая быт и профессиональную деятельность военнослужащих.

Можно выделить следующие виды профдеформационных изменений в речи курсантов военного вуза:

- стереотипные речевые действия;
- ошибочные речевые действия;
- стереотипные ближайшие ассоциации (то есть проникновение образов и понятий, связанных с военной деятельностью, в поле ближайших ассоциаций).

Стереотипность речевого поведения курсантов проявляется в подмене ситуативно обусловленных действий стандартными, официально принятыми в военной сфере. В частности, кур-

санта, как и любого военного человека, легко распознать по его реакции на вопрос, требующий положительного или отрицательного ответа. К примеру, в магазине на вопрос продавца: «Нужен ли вам пакет?», курсант, как правило, отвечает: «Так точно!» или «Никак нет!». Стереотипность речевых действий характеризует поведение курсантов и при участии в научно-практических конференциях, проводимых в гражданских вузах: «Разрешите обратиться!», «Так точно!», «Никак нет!» – вот типичные ответы курсантов на вопросы организаторов и участников конференций.

Ошибочные речевые действия в речи курсантов также во многом объясняются влиянием специальности и профиля вуза: сама военная среда, набор изучаемых предметов определяют актуализацию определенных лексических единиц в письменной речи курсантов, в результате чего происходит невольная подмена слова при записи со слуха (так называемая ослышка) или при списывании (возникают так называемые описки).

Анализ письменных работ курсантов Пермского военного института позволил нам отметить ряд ошибок, возникновение которых связано с явлением профессиональной деформации, то есть с изменением восприятия под влиянием языка профессии. Приведем лишь несколько примеров: «Акцентологическая норма – это **график** постановок ударений» (вместо норма постановки ударения); «Орфоэпическая норма – норма **правонарушений**» (вместо норма произношения); «Речь – это функционирование языка, **построение**» (вместо Речь – это функционирование языка, построение из его знаков и по его законам конкретных устных или письменных высказываний); «язык **обличения** нации» (вместо общения нации); «Языковые нормы: **вариативные, императивные, оперативные**» (вместо нормативные).

Интересно, что многие ошибки сделаны курсантами во время работы с учебником или раздаточным материалом, то есть при списывании и редактировании предложения: «**Вокруг сгустился темный враг**» (вместо мрак); «**Театр-студия Табакова воспитал немало талантливых офицеров**» (вместо талантливых актеров); «**В докладе отмечается о достижениях коллектива взвода**» (вместо завода); «**Нужно получить несколько простыней**» (вместо купить); «**Его волокли к людям с трудной судьбой**» (вместо его влекло) [5].

Такой фактор профессиональной деформации, как стереотипность ближайших ассоциаций, был выявлен нами при составлении курсантами предложений с использованием существительных в родительном падеже множественного числа. Курсантам было предложено составить по 10 предложений; тематика предложений не ограничивалась. В результате эксперимента нами было получено 280 предложений, в 76 из которых были отражены образы и понятия военной сферы. Предложения, имеющие военную составляющую, можно распределить по следующим тематическим группам:

1. Звания и должности, воинские подразделения: *Целый отряд саперов прочесывал местность. Отряд солдат выполнил поставленную задачу. В нашем штабе много полковников. Войска захватили несколько партизан. В нашей роте было несколько саперов. Сегодня день выпуска офицеров. В армии России много солдат. У моего командира много поощрений. У нас в роте много офицеров. Солдат делает 120 шагов в минуту.*

2. Военная техника и вооружение: *Мой однокурсник продал много боеприпасов. Он хорошо владел автоматом, но из пистолетов стрелять не мог. На заводе произведено множество орудий. В хранении у дежурного много автоматов. На учебном центре мы отстреляли целую кучу патронов. На занятие нам было выдано 18 автоматов.*

3. Обмундирование, знаки отличия: *Я лишился погон. Курсанты имеют несколько пар ботинок. Существует три вида погон. На складе есть разные размеры ботинок. У солдат появилось новое обмундирование. Нам выдали много носков. Солдатам выдали обещанные пары сапог. Старшина выдал много носков. Солдатам выдали две пары берцев. Мне выдали несколько комплектов формы.*

4. Учебный процесс военного института: *ПВИ занимает площадь 40 гектаров. В ПВИ поступило большое количество грузин, осетин, лезгин. Профессиональное образование курсантов ПВИ на высшем уровне. На занятии по физкультуре мы взяли 15 мячей. На войсковую стажировку уехало очень много курсантов. Сегодня утром в 6.00 забрали курсантов в учебный центр. В военном институте много тренировок. В учебном корпусе установлено много видеокамер. На самостоятельной подготовке не было многих курсантов. На занятие по физической подготовке мы взяли 20 пар лыж.*

5. Быт курсантов военного института: *В наряде по столовой мы разбили несколько блюдец. У нас во взводе много спортивных бойцов. Матери ждут сыновей из армии. По новому распределению в военные структуры СОБР попало много курсантов. У нас нет увольнений. В нашей роте нет огнетушителей. Снег растаял, и курсанты выбросили в мусорку много лопат. В институте много камер. До отпуска осталось еще много дней. В наряде стоят несколько курсантов. В ин-*

ституте присутствует множество национальностей. Сегодня у нашего взвода нет увольнений. В буфете я потратил всю зарплату. На плацу построили курсантов.

6. Кинологическая тематика (проявляется у курсантов-кинологов как отражение тематики специальности): *Собаки чувствуют добрых людей. Мой друг командует моей собакой. Большое количество кинологов требуется в инженерные службы. В нашем питомнике много собак. Курсанты утром покормили собак на питомнике.*

Аналогичное исследование было проведено нами в студенческой аудитории гражданского вуза. Анализ предварительных результатов показал, что в предложениях, составленных студентами, практически не отражена военная тематика, и область ближайших ассоциаций учащихся гражданских вузов включает в себя понятия и образы, отличные от представленных в работах курсантов.

Таким образом, мы видим, что уже в начальный период обучения в речи курсантов прослеживается большое количество профдеформационных изменений, которые неизбежно будут проявляться и в будущем. В связи с этим видится интересным проведение сопоставительного анализа профдеформационных изменений в речи курсантов и в речи преподавателей-офицеров, работающих в военном вузе, а также в речи курсантов и студентов гражданских учебных заведений.

Примечания и список литературы

1. Савинова М. С. Профессия как часть социального статуса и ее отражение в просодических характеристиках речи // Вестник Костромского государственного университета. 2009. № 4. С. 186–189; Соболева О. В. «Театр-студия воспитал немало талантливых офицеров»: ошибки в речи курсантов военного вуза // Языковое и литературное развитие личности в процессе обучения: деятельностный аспект : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 25-летию кафедры методики преподавания русского языка и литературы. Пермь, 2014. С. 99–103 и др.
2. Безносков С. П. Профессиональная деформация личности. СПб. : Речь, 2004. 272 с.
3. Каныгин Е. Б., Пузиков О. П. Профессиональная и социально-психологическая адаптация военнослужащего в коллективе // Ресурсное обеспечение силовых министерств и ведомств: вчера, сегодня, завтра : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф. 2016. С. 149–154.
4. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. 2-е изд. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1988. 560 с.
5. Соболева О. В. Указ. соч.

Notes and References

1. Savinova M. S. *Professiya kak chast' sotsial'nogo statusa i ee otrazhenie v prosodicheskikh kharakteristikakh rechi* [Profession as a part of social status and its reflection in the prosodic characteristics of speech] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of the Kostroma State University. 2009, No. 4, pp. 186–189; *Soboleva O. V. «Teatr-studiya vospital nemalo talantlivykh ofitserov»: oshibki v rechi kursantov voennogo vuza* ["Theatre Studio trained many talented officers": errors in the speech of cadets of the Military University] // *Yazykovoe i literaturnoe razvitie lichnosti v protsesse obucheniya: deyatelnostnyy aspekt : sb. st. po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 25-letiyu kafedry metodiki prepodavaniya russkogo yazyka i literatury* – Linguistic and literary development of the individual in the learning process: activity aspect: collection of articles on materials of all-Russian scientific pract. conf. with int. participation, dedicated to 25th anniversary of the Department of methods of teaching Russian language and literature. Perm. 2014. Pp. 99–103.
2. *Beznosov S. P. Professional'naya deformatsiya lichnosti* [Professional deformation of the personality]. SPb. Rech. 2004. 272 p.
3. *Kanygin E. B., Puzikov O. P. Professional'naya i sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya voennosluzhashchego v kollektive* [Professional and social-psychological adaptation of the military in collective] // *Resursnoe obespechenie silovykh ministerstv i vedomstv: vchera, segodnya, zavtra : sb. st. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* – Resource support of the power ministries and agencies: yesterday, today and tomorrow: collection of articles of II international scientific pract. conf. 2016. Pp. 149–154.
4. *Granovskaya R. M. EHlementy prakticheskoy psikhologii* [Elements of practical psychology]. 2ed. L. Publishing house of Leningrad University. 1988. 560 p.
5. *Soboleva O. V.* Op. cit.

УДК 81'366. 542

Родительный падеж в грамматических системах русского и арабского языков

Александрова О. И.

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания,
Российский университет дружбы народов. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.
E-mail: alexandrova_oi@pfur.ru

Абдалрахман М. Х.

студент магистратуры по направлению 45.04.01 «Филология», Российский университет дружбы
народов. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. E-mail: adri26127@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу грамматической категории падежа в разносистемных языках, а именно, изучению сходств и различий средств формального выражения, значений и особенностей употребления родительного падежа в русском и арабском языках. В статье рассматриваются некоторые особенности употребления родительного падежа в русском и арабском языках и его синтаксические функции, которые могут стать причиной отрицательной интерференции. Различия касаются, прежде всего, синтаксических конструкций – безличных предложений, глагольных словосочетаний, а также некоторых именных словосочетаний с несовпадающими структурами. Наибольшее сходство наблюдается в субстантивных словосочетаниях с приименным родительным падежом, в которых выражается несколько падежных значений как в русском, так и в арабском языке в идафных конструкциях. Для описания падежных систем двух языков используется как традиционная терминология отечественного языкознания, так и аутентичные арабские термины, наиболее точно отражающие специфику арабской грамматики.

Ключевые слова: родительный падеж, генетив, джарр, русский язык, арабский язык, языковая интерференция.

Genitive case in Russian and Arabic grammar systems

Aleksandrova O. I.

candidate of philological sciences, associate professor, Department of general and Russian linguistics,
Russian University of Friendship of Peoples. 6 Miklukho-Maklay str., 117198, Moscow.
E-mail: alexandrova_oi@pfur.ru

Abdulrahman M. H.

student, master of course 45.04.01 Philology, Russian University of Friendship of Peoples.
6 Miklukho-Maklay str., 117198, Moscow. E-mail: adri26127@gmail.com

Abstract: The article deals with the comparative study of genitive case in Russian and Arabic languages. Though these two languages are from different language families, they are both synthetic, so that it is possible to find some similarities in their grammatical systems, such as substantive word combinations with adnominal genitive case (so named «idafa» in Arabic). Finding similarities can help in teaching and learning Russian or Arabic. At the same time each language has peculiarities that can lead to negative interference in translating process or learning one of the languages. Identification of differences in grammatical systems can help to avoid or reduce the amount of errors.

Keywords: genitive case, dgarr, Russian language, Arabic language, language interference.

В современной грамматической теории при изучении категории падежа сформировались три основных подхода: формальный, регистрирующий изменение словоформы и исчисляющий количество падежей соответственно количеству грамматических форм изменения имени; функциональный, изучающий семантические характеристики падежных форм слова, и генеративный, пересекающийся с лингвокогнитивным, утверждающий, что глубинные падежи представляют собою модели отношений между именем и глаголом, а их поверхностная реализация обусловлена употреблением.

Использование различных подходов при сопоставительном исследовании позволяет обнаружить сходства и различия падежных систем русского и арабского языков на различных уровнях – на уровне форм изменения имени, на уровне семантических характеристик падежных форм

слова, на уровне употребления в приименных, глагольных и предложных конструкциях. Такое исследование имеет как теоретическую, так и практическую значимость, поскольку позволяет предупреждать отрицательную интерференцию в практике перевода и при обучении русскому или арабскому языкам.

Родительный падеж, или генетив, представляет наибольший интерес среди всех других падежей в силу своей многозначности и особой функциональности. Согласно «локалистической» теории первичная функция генитива представляет собой «результат транспозиции глагольной синтагмы в именную синтагму; генитив – это падеж, который без дополнительных средств (*à lui seul*) транспонирует в отношении между двумя именами функцию, которая в высказывании с личным глаголом выполняется или номинативом, или аккузативом» [1]. Формы генитива оказываются, в большинстве своем, сильно обусловленными синтаксически, что приводит к разнообразию значений родительного падежа.

В падежной системе и в русском, и в арабском языках родительный падеж и *джарр* (с которым в отечественной арабистике традиционно соотносят русский родительный) стоят особняком, так как не противопоставляются какому-либо другому падежу, в отличие от русских винительного и дательного, противопоставленных именительному и творительному, и арабского *насба* (аккузатива, выражающего прямой и косвенный объект, обстоятельственные значения), противопоставленного *раф'у* (номинативу, исходному падежу). При этом арабский *джарр* выполняет функции русских родительного и предложного падежей, то есть генитива и локатива, а также функцию приименного определения.

Категория падежа в русском и арабском языках является словоизменяющей и указывает на синтаксические функции имени и на его связи с другими словами в речи. С точки зрения формального выражения сходство заключается в наличии в обоих языках особых грамматических форм, выражающих значение данного падежа. Различие наблюдается в количестве этих форм. Так, в русском языке родительный падеж представлен сетью разнообразных форм имен существительных и прилагательных, местоимений, числительных, которые образуются с помощью внешних флексий. В арабском языке для выражения значений *джарра* для всех имен используется огласовка *кясра* в двух вариантах – определенного (◌ِ) и неопределенного (◌ٍ) состояния. При словоизменении двух падежных существительных наблюдается синкретизм падежных форм, а именно, совпадение с огласовкой *насба* (винительного падежа).

Синтаксические функции родительного падежа / *джарра* в русском и арабском языках также имеют некоторые особенности. Чаще всего родительный падеж используется для выражения функций второстепенного члена предложения: дополнения (попросила помощи), несогласованного определения (книги друга – *كتاب الصديق*), обстоятельства (*гулять у пруда* – *يتمشى عند البحيرة*); реже – в части составного сказуемого (*роста он среднего* – *متوسط الطول* – дословно: *средний роста*); подлежащего в сочетании с количественным числительным (два стула). В русском языке родительный приглагольный падеж может выражать прямой объект, при условии, что действие глагола распространяется лишь на часть предмета (купить хлеба – *يشترى الخبز* в арабском винительный падеж), прямой объект при глаголах с отрицанием (не писать книг – *لا يولف الكتب* – в арабском винительный падеж), объект после глагола со значением желанья, достижения, ожидания, опасения, удаления (желать успеха – *يتمنى النجاح* – в арабском винительный падеж).

Как отмечает Е. В. Сафонова, в арабском языке *джарр* не может употребляться в именном предложении самостоятельно, не может управляться глаголом и выражать при этом партитивное значение («не читает книг» переводится на арабский литературный язык как «не читает книги», а значение «совсем», которое имеет родительный в данном примере, будет выражаться аналитически; сочетания типа «выпить молока» на арабский переводятся как «выпить молоко»), таким образом, в арабском языке русский родительный приглагольный передается через *насб* (соответствующий винительному) [2].

Наибольшее сходство в двух языках наблюдается в функциях родительного приименного, который может выражать и в русском, и в арабском языках различные определительные отношения, принадлежность (директор магазина – *مدير المتجر*), субъект, который является производителем действия или носителем того или иного признака (пение птиц – *زغزة العصفير*), прямой объект, на который направлено действие, выраженное отглагольными существительными (чтение газеты – *قراءة الصحف*), количественные отношения, отношения меры, части и целого (стакан кефира – *كوب من الرائب*) и др.

В русском языке родительный падеж выполняет определительную функцию при обозначении принадлежности (*свитер брата*), отношения (*гражданин России*), части целого (*ветка сирени*), качественной оценки (*человек слова*), возраста (*девочка пяти лет*), носителя признака (*аромат цветка*), субъекта действия и состояния (*пение птицы*), сравнительную функцию (*чернее*

ночи) и функцию обозначения количества, меру, дату (*бутылка воды, день Восьмого марта*), в безличных предложениях родительный падеж может иметь значение субъекта (*столько воды утекло*) [3].

В арабском языке основной синтаксической конструкцией для выражения значения приименного *джарра* является так называемая *идафа* или *изафет* (от арабского – إضافة «присоединение»), оформляющая несогласованное определение. С помощью идафы передаются значения принадлежности, обстоятельства, определения (разъяснения), уподобления и др. Типы значений являются основанием для классификации *идафных конструкций*, разработанной в арабском языкознании. В разъяснительной идафе (الإضافة البيانية) выражается значение определения: باب الخشب – деревянная дверь, ср. بابنا من الخشب – дверь из дерева. Значение принадлежности, выражаемое в идафе (الإضافة اللامي), может быть передано и предложным словосочетанием с предлогом لِ (ли), указывающим на принадлежность: بيت الرجل – дом мужчины, ср. بيت لرجل – дом мужчины, при этом способ выражения значения (беспредложный или предложный) может зависеть от значения определенности / неопределенности. Значение обстоятельства места и времени, выражаемое в идафе (الإضافة الظرفية), также может быть заменено предложным словосочетанием с предлогом في – в, например سفر الليل – ночное путешествие, ср. – سفر في اللي – путешествие в ночи. Функция уподобления или сравнения, выполняемая с помощью родительного падежа в идафе (الإضافة التشبيهية), выделяется в арабском языке как самостоятельная. Такое значение может выражаться и с помощью конструкции с предлогом ك [ка] – как: لؤلؤ الدمع – жемчужина слезы – ср. لؤلؤ كالدمع – слеза как жемчужина. При взаимозаменяемости беспредложных и предложных словосочетаний грамматическое значение падежа в арабском языке не меняется.

Идафные конструкции могут быть не только двучленными, но и многочленными, тогда каждый последующий член идафы будет выполнять функцию несогласованного определения по отношению к слову, стоящему перед ним в конструкции. Многочленные идафы имеют сходство с русскими приименными конструкциями типа *успеваемость студентов университета*, в которых также выражаются значения принадлежности и несогласованного определения.

В некоторых случаях (например, при обозначении функции предмета) родительному падежу арабского языка соответствует иной синтаксический контекст русского языка, например арабская конструкция خزانة الكتب (шкаф книг) может переводиться только как согласованное определение *книжный шкаф*.

Трудности перевода конструкций с родительным падежом могут быть связаны с лексическими различиями, так, например, русским наречиям «много» и «мало» соответствуют арабские существительные, после которых используется предлог من «мин» (от, из) в сочетании с существительным в родительном падеже: много студентов – كثير من الطلاب. Другим примером различий в конструкциях является использование в арабском языке родительного падежа после слов «*весь*» (*каждый*), «*какой*», а также после прилагательных превосходной степени без предлогов, что может привести к ошибкам типа: *сейчас все людей учатся; он лучший учеников; самый первый студентов*. Кроме того, в арабском языке названия художественных произведений, дней недели, месяцев, географических мест при словах, которые обозначают общие понятия, употребляются в родительном падеже, что, в свою очередь, при изучении языка может привести к появлению различных ошибок, таких как: *Я читаю газету «Республики», сегодня день понедельника, я приехал в Россию в месяце сентября*, и т. д.

С точки зрения семантики объем значений родительного падежа в обоих языках пропорционально велик. В русском языке традиционно выделяют собственно генитив, так называемый «второй родительный» (родительный отделительный, количественно-отделительный, партитив) и посессив, что возможно благодаря различиям в семантике, морфологическому и синтаксическому оформлению. Арабский родительный падеж – *джарр*, в отличие от русского, не может употребляться в именном предложении самостоятельно, не может управляться глаголом и выражать при этом партитивное значение. С другой стороны, в арабском языке родительный падеж выполняет функции родительного, дательного, винительного и предложных падежей русского языка.

С точки зрения употребления общим для сопоставляемых языков является использование родительного падежа с именем существительным, при этом в арабском языке употребление родительного падежа при определении назначения предмета частотнее, чем в русском, поскольку в русском в подобных случаях употребляются и прилагательные или предложные конструкции. В арабском языке беспредложные словосочетания, в которых зависимый компонент стоит в родительном падеже, – идафы – могут заменяться на предложные словосочетания с сохранением падежного значения *джарра* [4]. В арабском языке все предлоги сопровождаются формами родительного падежа, тогда как в русском языке, несмотря на их разнообразие, набор предлогов, требующих родительного падежа, ограничен. Всего в арабском языке насчитывается 17 предлогов,

после которых имя ставится в родительном падеже. Часть предлогов, требующих родительного падежа, пересекаются в русском и арабском языках.

**Русские и арабские предлоги,
употребляющиеся с родительным падежом**

Предлог в арабском языке	Предлог в русском языке	Значение предлога
دون، سوى	без	отсутствие чего-либо
لـ	для	принадлежность, цель
من	из	место, часть целого
من	от	причина, происхождение
من على، مع	с	место
قرب	около	близость в пространстве

В ряде случаев родительный падеж в русском языке имеет аналог в арабском родительном падеже *джарр* для выражения обстоятельства, места или времени, например в случае использования предлогов *قرب* (около), *وسط* (посредине). В иных случаях русские пространственные предлоги сочетаются с другими падежами, например арабский предлог *خلف* требует родительного падежа, а соответствующий ему русский предлог *за* – творительного, аналогичным образом соотносятся предлоги *فوق* и *над*. Такие различия также должны быть учтены в практике обучения русскому или арабскому языку во избежание отрицательной интерференции.

Итак, наличие категории падежа, совпадение многих значений родительного падежа, его активное употребление в приименных конструкциях в двух рассматриваемых языках способствуют положительной интерференции. С другой стороны, наличие особых конструкций, в частности, глагольного управления в русском языке с родительным падежом, несогласованного определения в арабском языке, несоответствия предлогов с одним значением в сопоставляемых языках могут приводить к ошибкам и трудностям в освоении данной категории при изучении арабского языка или русского языка как иностранного.

Примечания и список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. 446 с.
2. Сафонова Е. В. Падежные валентности арабского и русского глагола : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. : Изд-во РУДН, 2008. 192 с.
3. Чиркина И. П. Современный русский язык в таблицах и схемах : учеб. пособие. М. : Просвещение, 1980. С. 40–65.
4. Гранде Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно историческом освещении. М. : Восточ. лит., 2001. 590 с.

Notes and References

1. Benvenist E.H. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. M. 1974. 446 p.
2. Safonova E. V. *Padezhnye valentnosti arabskogo i russkogo glagola : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Case of Arabic and Russian valency of a verb: abstr. dis. cand. philol. sciences]. M. Publ. House of RUDN. 2008. 192 p.
3. Chirkina I. P. *Sovremennyy russkiy yazyk v tablitsakh i skhemakh : ucheb. posobie* [Modern Russian language in tables and schemes: tutorial]. M. Prosveshchenie. 1980. Pp. 40–65.
4. Grande B. M. *Kurs arabskoj grammatiki v sravnitel'no istoricheskom osveshchenii* [Course of Arabic grammar in comparative historical light]. M. Eastern lit. 2001. 590 p.

УДК 8811.512 (038)

Семантическая трансформация терминологической лексики (на материале общественно-политической терминосистемы карачаево-балкарского языка)

Махиева Л. Х.

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Федеральный научный центр
Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18.
E-mail: K.roza07@mail.ru

Аннотация: В связи с расширением общественных функций языка актуальность рассмотрения проблематики общественно-политической терминосистемы современного карачаево-балкарского языка не вызывает сомнений. Получив наиболее широкое распространение в СМИ, она отражает все актуальные события экономического, социального характера. В статье анализируется трансформация аспектов общественно-политической терминологии современного карачаево-балкарского языка. Материалом для исследования послужили тексты газеты «Заман», которая в разные периоды выходила под разными названиями («Карахалк», «Социалистический Къабарты-Малкъар»), где наиболее подверженным к изменениям в целом является их лексический пласт. Также на основе газеты «Заман» рассмотрены пути становления и развития общественно-политической терминосистемы исследуемого языка, отмечены изменения и адаптация терминов на современные нормы языка и в процессе работы автором условно выделены и обоснованы пять этапов эволюции и модификации данного аспекта.

Ключевые слова: трансформация, общественно-политические термины, заимствования, русизмы послереволюционного периода, переводные словари.

Semantic transformation of terminological lexicon (On the materials of general political term system of Karachay-Balkar language)

Mahieva L. H.

candidate of philological sciences, leading researcher, Federal Research Center
of Kabardino-Balkar Scientific Center of RAS. 18 Pushkin str., 360000, Nalchik. E-mail: K.roza07@mail.ru

Abstract: In connection with expansion of public functions of language, the urgency of consideration of a problematic socially-political term system modern karachay-balkar language does not cause doubts. Having received most a wide circulation in mass-media (mass media), it reflects all actual events of economic, social character. In clause transformation of aspects of political terminology modern karachay-balkar language is analyzed. The material for the study based on the texts of the newspaper "Zaman", which in different periods were published under different names ("Karahal", "Socialist Chamarty-Malchar"), which are most susceptible to changes in General is their lexical reservoir. On the basis of the newspaper "Zaman" the ways of formation and development of socio-political terminology system of the studied language of marked change and adaptation terms in the modern rules of language and in the process, the conditional and highlighted five stages of evolution and modification of this aspect.

Keywords: transformation, political terms, loans, Russicisms of the post-revolutionary period, translation dictionaries.

Словарный состав современного карачаево-балкарского языка складывается в течение многовековой истории карачаевцев и балкарцев. За этот период он обогатился множеством лексических единиц, среди которых значительное место занимают общественно-политические термины «*жамауат-политика терминле*». Несмотря на имеющиеся исследования по терминологии карачаево-балкарского языка, общественно-политическая терминосистема его еще недостаточно изучена. В монографическом плане она еще не подверглась комплексному изучению, системному лингвистическому анализу. Формирование и развитие данной терминосистемы в исследуемом языке началось в послереволюционный период, равно как и дальнейшее ее развитие относится к письменному периоду карачаево-балкарского языка и протекает под непосредственным влиянием заимствованной терминологии [1]. Вначале большое влияние на развитие общественно-по-

литической терминологии оказала исламская культура. Это было связано с тем, что основным типом учебных заведений до Октябрьской революции явились *мектеп* и *медресе*. С появлением «конфессиональных школ при мусульманских мечетях в словарном составе карачаево-балкарского языка появляются первые арабские и персидские термины» [2]. Ср.: *мектеп* «школа» *къади* «судья», *сиясат* «политика», *хурриет* «революция», *хокумат* «государство» и др. Позже арабские и персидские заимствования проникали в язык в результате торговых, культурных и религиозных отношений северокавказских народов с персами [3]. В свою очередь, эти контакты обусловили появление таких слов-терминов, как *падчах* «царь», *саудюгерчи* «торговец, спекулянт», *шахар* «город», *халкъ* «народ, публика, население», *базман* «весы», *багъа* «цена, стоимость», *ёкюл* «защитник», *мажюсю* «язычник», *къала* «дворец, замок, крепость» и др.

Тем не менее уже в 20-е гг. благодаря общению с представителями русского и других народов, развитию сети общеобразовательных школ, ликбесов в карачаево-балкарский язык интенсивнее проникают русские и интернациональные термины: *банк*, *политика*, *революция*, *председатель*, *комиссар*, *социализм* и др. [4]

В результате арабо-персидская общественно-политическая терминосистема, активно функционирующая в лексике карачаево-балкарского языка, постепенно выходит из активного употребления. Некоторые слова-термины (*сиясат*, *мектеп*, *медиресе*, *элипле*, *хуррият* и др.) переходят в разряд архаизмов, уступая место заимствованиям из русского языка. Существует мнение, что начало заимствования русской лексики в карачаево-балкарском языке относится ко второй половине XVII в., когда к России были присоединены территории Карачая и Балкарии.

Хронологически заимствования из русского языка принято подразделять на 1) дореволюционные, 2) послереволюционные. Различие между ними состоит в том, что дореволюционные заимствования проникли в карачаево-балкарский язык, главным образом, устным путём и были освоены в соответствии с фонетическими законами родного языка [5]. Известно, что «Базируясь на исконных традициях, значительную роль в образовании форм и моделей слов сыграли обобщенные формулы устной речи» [6].

Дореволюционные русские заимствования – это наименования конкретных предметов и значительно реже – отвлеченных понятий. «Отсутствие письменности, общей грамотности у карачаевцев и балкарцев, с одной стороны, узость сферы их общения с русским народом и недоступность русского языка – с другой, обуславливали тот факт, что русские заимствования до революции входили в национальные языки в сильно трансформированном виде, как правило, русские слова в сильной степени подверглись влиянию фонетических законов карачаево-балкарского языка» [7].

Русизмы после революционного периода в основном заимствуются через письменность, прессу. В связи с созданием письменности и формированием литературного языка термины создавались в учебниках, переводных произведениях политической и художественной литературы, в произведениях писателей, поэтов, журналах, газетах, т. е. письменным путём. Если подходить хронологически, в становлении и развитии карачаево-балкарская письменность прошла три этапа: на арабской (1914–1926 гг.), латинской (1926–1938 гг.) и русской (1937–1938 гг.) графических основах.

С расширением общественных функций языка общественно-политическая терминосистема современного карачаево-балкарского языка широкое распространение получила в СМИ (средствах массовой информации). Она отражает все актуальные события экономического, социального характера политических и общественных объединений (партий), институтов власти и другие сферы нашей жизни. Данная терминосистема характерна для газетно-информационного стиля. «Заимствованная лексика является обязательным минимумом для освещения тем и материалов, связанных с общественно-культурной жизнью республики и страны в целом» [8].

Материалом для нашего исследования послужили тексты газеты «Заман», которая в разные периоды выходила под разными названиями («Карахалк», «Социалистический Къабарты-Малкъар»), где наиболее подверженным к изменениям в целом является их лексический пласт. Анализ общественно-политической терминосистемы карачаево-балкарского языка позволяет нам условно выделить пять этапов в истории его становления и развития: первый – с 1924 по 1930 г., второй – с 1931 по 1944 г., третий – с 1957 по 1990 г., четвёртый – 1991–2000 гг. и пятый – с 2001 г. по настоящее время.

В изданиях *первого этапа* встречается огромное количество арабских и персидских заимствованных терминов. К концу данного периода, благодаря общению с представителями русского и других народов, в лексику газеты «Карахалк» проникают русские и интернациональные слова.

Второй этап связан с колоссальными преобразованиями, обусловленными первыми пятилетками, коллективизацией сельского хозяйства и Великой Отечественной войной, т. е. предвоенным, военным и послевоенным периодами. Появляются новые заимствования в языке газеты

«Социалистический Къабарты-Малкъар», которые после твёрдо вошли в лексический фонд карачаево-балкарского языка, позже утвердились как термины в его общественно-политической терминосистеме.

Третий этап характеризуется возвращением карачаевцев и балкарцев на свою историческую родину из мест ссылки, восстановлением автономии и возобновлением печатного дела. Именно в 60–70 гг. происходит разработка вопросов лексикографии, также появляются первые переводные словари по терминологии: «Русско-балкарский политико-терминологический словарь» (1961), «Русско-карачаевский словарь общественно-политической терминологии» (1980). Появляются первые переводные словари по терминологии: «Русско-балкарский политико-терминологический словарь» (1961), «Русско-карачаевский словарь общественно-политической терминологии» (1980). Данные словари во многом способствовали упорядочению общественно-политической лексики исследуемого языка. Данный этап также связан с началом перестройки, гласности, т. е. обновленческого движения, ставшего подготовительным этапом к демократической волне.

В рамках *четвёртого этапа* прослеживается свобода слова, смена идеологических и политических ориентиров, процесс становления новой демократии. 1991 г. обусловлен повышением социального статуса карачаево-балкарского языка и дальнейшим расширением его социальных функций. Развитие лексического состава языка на этом этапе происходит непрерывно, под воздействием экстралингвистических и внутриязыковых факторов, что обуславливает функционирование в языке общественно-политических терминов, постоянно используемых в практике и постепенно уходящих из употребления. В частности, это касается терминов, появившихся под влиянием газетных, журнальных материалов. Имеет место и терминологический разнобой в переводах политической литературы. Все эти факты указывают на то, что общественно-политическая терминосистема нуждается в упорядочении и дальнейшей разработке.

Пятый этап – современное состояние общественно-политической терминосистемы карачаево-балкарского языка. С процессами глобализации, интеграции языка общественно-политическая терминосистема исследуемого языка пополняется не только новыми русскими, но и иноязычными заимствованиями. Иноязычные слова (термины) проникают, как правило, через русский язык, как современный пласт заимствований. Эти изменения касаются всех сфер деятельности общества: социальной, экономической, культурной и др. Пространство современной общественно-политической терминосистемы становится в настоящее время наиболее важной проблемой исследования в общей системе терминологии карачаево-балкарского языка, ввиду того что находится в непрерывном движении и трансформации. Это обстоятельство делает необходимым создание полного, отвечающего современному состоянию терминосистемы словаря общественно-политической лексики карачаево-балкарского языка.

Проанализированный нами фактический материал показал, что общественно-политические термины заимствуются из других языков либо создаются в процессе словообразования, переосмысления слов по моделям русского языка средствами исконного (карачаево-балкарского), т. е. путём калькирования. В исследуемой терминосистеме имеет место семантическое и лексическое калькирование [9]. Они бывают двух типов – семантические и словообразовательные (или собственно-лексические). Примером семантической кальки может служить карачаевское слово *къаршчылыкъ*, в прошлом обозначавшее «противостоять кому-чему, бороться против кого-чего». Под влиянием русского языка оно приобрело новое терминологическое значение «оппозиция»; *партия ничиндеги къаршчылыкъ* «внутрипартийная оппозиция»; карачаево-балкарское слово *келишим* «соглашение» приобрело новое терминологическое значение «договор» (*бир бирге борчлу болууну юсюнден кёлден неда жазып этилгенкелишим* и др.)

Как и в других тюркских языках, в современном карачаево-балкарском языке лексические кальки данной терминосистемы представляют собой словосочетания, которым в русском языке соответствуют сложные слова и словосочетания. Ср.: *халкъла аралы политика* «международная политика», *миллетле аралы байламлыкъла* «межнациональные связи», *политика обзорчу* «политический обозреватель» и др. Словообразовательные (или собственно лексические) кальки создаются, в основном, путём присоединения к исходной основе одного или двух аффиксов. Ср.: *жыйылыу* «собрание», *айырычуу* «избиратель», *сатхычлыкъ* «предательство» и др.

Распространены в данной терминосистеме и полукальки, т. е. слова, состоящие из заимствования и кальки (перевода). Ср.: *ахча реформа* «денежная реформа», *битеудуния рынок* «мировой рынок», *парламентни эки палаталы системасы* «двухпалатная система парламента» и др.

Следует отметить, что большинство неологизмов в данной терминосистеме являются семантическими и структурными кальками с русского языка. «Однако при этом структура слова одного языка копируется не в абсолютном виде другим языком, а соответственно с внутренней возможностью, т. е. с грамматическим строем калькирующего языка» [10].

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что сегодня в связи с возросшей ролью политической коммуникации, расширением круга общественных функций исследуемого языка возрастает внимание к изучению общественно-политической терминосистемы карачаево-балкарского языка. Учитывая степень изменчивости, динамичности общественно-политической терминосистемы, в связи с развитием всей сферы жизни общества, которые охватывают разные периоды и включают в себя социально-политическую, правовую, общественную, экономическую лексику, процесс трансформации неизбежен и является непрерывным. За последнее время он сильно активизировался, в итоге появилось множество новых заимствованных терминов, в частности заимствованных из русского языка или посредством его. Как показывает анализ исследуемого фактического материала, общественно-политические термины образуются путём появления новых слов и выражений на базе собственных ресурсов карачаево-балкарского языка, а также заимствований. Новые явления, процессы, события в жизни общества получают свои названия. В связи с этим в современной карачаево-балкарской терминологии, с одной стороны, наблюдается явление трансформации данной терминосистемы, некоторые старые термины наполняются новым содержанием, являются основой для создания неологизмов. С другой стороны, прослеживается и архаизация некоторых слов-терминов данной терминосистемы. Многие термины стали архаизмами, историзмами и перешли в пассивный запас карачаево-балкарской лексики.

Примечания и список литературы

1. Керимова Р. А. Индивидуальные особенности поэтического стиля К. Кулиева. Нальчик, 2016.
2. Улаков М. З. Карачаево-балкарская терминология // Формирование терминологии на титульных языках республик Российской Федерации и СНГ. М., 2000. С. 97–107.
3. Хаджилаев Х.-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970. 160 с.
4. Отаров И. М. Очерки карачаево-балкарской терминологии. Нальчик: Эльбрус, 1987. 95 с.
5. Гузев Ж. М. К вопросу правописания русских заимствований в карачаево-балкарском языке // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1980. Вып. 1. С. 139–145.
6. Улаков М. З. Трансформация некоторых подсистем лексики карачаево-балкарского языка // Вестник академии наук Чеченской республики. 2016. № 4 (33). С. 98–100.
7. Гочияева С. А., Темирова Р. Х. К вопросу о языковых отношениях в Карачаево-Черкесии // Вопросы языковых контактов (Северо-Кавказский ареал). Черкесск, 1982. С. 3–15.
8. Махиева Л. Х. Лексические особенности языка газеты «Заман» // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: материалы V Междунар. конгресса. Пятигорск, 2007. С. 296–299.
9. Тхагазитов Ю. М., Керимова Р. А. К вопросу о закономерностях историко-культурного развития Северного Кавказа // Этнос и этнос в динамике культурных процессов: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием 17–18 октября 2013 г. Черкесск, 2014. С. 14–18.
10. Гулиев Х. О. Неологизмы в карачаево-балкарском языке. Нальчик: КБГУ, 1990. 53 с.

Notes and References

1. Kerimova R. A. *Individual'nye osobennosti poehticheskogo stilya K. Kulieva* [Individual features of the poetic style of K. Kuliev]. Nalchik. 2016.
2. Ulakov M. Z. *Ulakov M. Z. Karachaevo-balkarskaya terminologiya* [Karachay Balkar terminology] // *Formirovanie terminologii na titul'nykh yazykakh respublik rossijskoj Federatsii i SNG* – Formation of terminology in the titular languages of the republics of the Russian Federation and the CIS. M. 2000. Pp. 97–107.
3. *KHadjhilaev KH.-M. I. Ocherki karachaevo-balkarskoj leksikologii* [Essays on Karachay Balkar lexicology]. Cherkessk. 1970. 160 p.
4. *Otarov I. M. Ocherki karachaevo-balkarskoj terminologii* [Essays on Karachay Balkar terminology]. Nalchik. Elbrus. 1987. 95 p.
5. *Otarov I. M. Ocherki karachaevo-balkarskoj terminologii* [To the question of spelling of Russian borrowings in Karachay Balkar language] // *Teoreticheskie problemy karachaevo-balkarskogo yazyka* – Theoretical problems of Karachay Balkar language. Nalchik. Elbrus. 1980. Issue 1. Pp. 139–145.
6. *Teoreticheskie problemy karachaevo-balkarskogo yazyka* [Transformation of the subsystems in the vocabulary of Karachay Balkar language] // *Vestnik akademii nauk Chechenskoj respubliky* – Herald of the Academy of Sciences of the Chechen Republic. 2016, No. 4 (33), pp. 98–100.
7. *Gochiyaeva S. A., Temirova R. KH. K voprosu o yazykovykh otnosheniyakh v Karachaevo-Cherkesii* [To the question of the linguistic relations in Karachay Cherkessia] // *Voprosy yazykovykh kontaktov (Severo-Kavkazskij areal)* – Questions of language contact (North-Caucasian area). Cherkessk. 1982. Pp. 3–15.
8. *Makhieva L. KH. Leksicheskie osobennosti yazyka gazety «Zaman»* [Lexical features of the language of the newspaper "Zaman"] // *Mir na Severnom Kavkaze cherez yazyki, obrazovanie, kul'turu: materialy V Mezhdunar. Kongressa* – Peace in the North Caucasus through languages, education, culture: materials of the V Intern. Congress. Pyatigorsk. 2007. Pp. 296–299.
9. *Tkhagazitov YU. M. Kerimova R. A. K voprosu o zakonornostyakh istoriko-kul'turnogo razvitiya Severnogo Kavkaza* [To the question of patterns of historical and cultural development of the North Caucasus] // *Ehtos i Ehtnos*

v dinamike kul'turnykh protsessov : materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem 17-18 oktyabrya 2013 g. – Ethos and Ethnos in the dynamics of cultural processes: materials of All-Russian scientific conf. with int. participation on 17-18 October 2013. Cherkessk. 2014. Pp. 14-18.

10. *Guliev KH. O. Neologizmy v karachaevo-balkarskom yazyke [Neologisms in Karachay Balkar language]. Nalchik. Kabardino-Balkarian State University, 1990. 53 p.*

**Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 9 (2017)**

16+

Подписано в печать 29.09.2017 г.
Дата выхода в свет 10.11.2017 г.
Формат 60×84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,5. Тираж 200. Заказ № 4845.

Научное издательство Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36